НАРОДНЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ
А.Н. АФАНАСЬЕВА
5

SHOUT
SHARE IT

-
- ЧУДЕСНАЯ ДУДКА
- ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЖЕНА И КУПЕЧЕСКИЙ СЫН
- ПОДЗЕМНЫЙ ХОД
- СНЫ
- КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК
- «НЕТ!»
- ЖЕНА СЛЕПОГО
- ДВЕ ЖЕНЫ
- ЖЕНА ХИМКА
- ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА
- ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА
- ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК
- ПОП У БАБЫ И БАТРАК
- ПОП РЖЕТ КАК ЖЕРЕБЕЦ
- МУЖ ДА ЖЕНА
- ХИТРАЯ БАБА
- ХИТРАЯ ЖЕНА
- ЛИСА И ЗАЯЦ
- ВОРОБЕЙ И КОБЫЛА
- МЕДВЕДЬ И БАБА
- ВОЛК
- МУЖИК, МЕДВЕДЬ, ЛИСА И СЛЕПЕНЬ
- КОТ И ЛИСА
- ВОШЬ И БЛОХА
- СОБАКА И ДЯТЕЛ
- ПИЗДА И ЖОПА
- МОЙ ЖОПУ
- ХУДО — НЕ ХУДО
- ДУРЕНЬ
- ЩУЧЬЯ ГОЛОВА
- БОЯЗЛИВАЯ НЕВЕСТА
- ГОРЯЧИЙ кляп
- СЕМЕЙНЫЕ РАЗГОВОРЫ
- ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО ЖЕНИХА С НЕВЕСТОЮ
- МУЖИКИ И БАРИН
- ТЕТЕРЕВ
- АРХИЕРЕЙСКОЙ ОТВЕТ
- ПОСЕВ ХУЕВ
- ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО
- МУЖ НА ЯЙЦАХ
- ОХОТНИК И ЛЕШИЙ
- МУЖИК И ЧЕРТ

- МУЖИК ЗА БАБЬЕЙ РАБОТОЙ
- РАЗЗАДОРЕННАЯ БАРЫНЯ
- ПО-СОБАЧЬИ
- СТЫДЛИВАЯ БАРЫНЯ
- ДОБРОЙ ОТЕЦ
- ПОП И ЗАПАДНЯ
- ПОРОСЕНОК
- ПОП И МУЖИК
- ПОП И БАТРАК
- ПОПОВСКАЯ СЕМЬЯ И БАТРАК
- ЧЕСАЛКА
- ЗАГОНИ ТЕПЛА
- СМЕХ И ГОРЕ
- ЧУДЕСНАЯ МАЗЬ
- СОЛДАТ САМ СПИТ, А ХУЙ РАБОТАЕТ
- СОЛДАТ И ХОХЛУШКА
- СОЛДАТ И ХОХОЛ
- СОЛДАТ И ПОП
- СОЛДАТ РЕШЕТИТ
- ТЕЩА И ЗЯТЬ-ДУРЕНЬ
- БОЛТЛИВАЯ ЖЕНА
- ЖИДОВКА
- СОЛДАТ И ЧЕРТ
- БИТЬЕ ОБ ЗАКЛАД
- ПРЕВРАЩЕНИЕ
- МАЛЬЧИК-БЗДУНОК
- МУЖИК И ЧЕРТ
- ЗЯТЬ И ТЕЩА
- СОЛДАТ И ЧЕРТИ
- ПЕТУХ И ЖЕРНОВКИ
- РОГА
- МАТЬ УБИЙЦА
- СОЛОМОН ПРЕМУДРЫЙ
- ВОРОНИЙ язык
- ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ ЗА ОДИН РАЗ
- СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА
- ЧЕРТ И БАБА
- ИСПЫТАНИЕ ЖЕНИНОЙ ВЕРНОСТИ
- ДВА БРАТА ЖЕНИХА
- НЕВЕСТА БЕЗ ГОЛОВЫ
- БАБЬИ УВЕРТКИ
- СТРАННЫЕ ИМЕНА
- ПОП И ЦЫГАН
- СОКОЛИНАЯ МАТКА

- ШУТ
- ДУРАК И ПОПАДЬЯ
- СОЛДАТСКОЙ РАССКАЗ
- НЕСМЕЯНА-ЦАРЕВНА
- НАБИТОЙ ДУРАК
- ХУЙ-СОЛОВЕЙ
- СОВА-ВИСТУХА
- СОЛДАТ И ЦАРЕВНА НЕОЦЕНЕННАЯ КРАСОТА
- МУДРАЯ СТАРУХА
- ТРИ ПРАВДЫ
- БОЛЬШОЙ ХУЙ
- САПОЖНИК И КУПЧИХА
- РАБОТА ХУЕМ
- В БАНЕ
- БАТРАК-МАРФУТКА
- БЕДНОЙ ЖЕНИХ И БОГАТАЯ НЕВЕСТА
- СОЛДАТ НА ПОПЕ, ПРИНЦ НА АРХИРЕЕ
- ГЕНЕРАЛ И ГОРНИСТ
- СОЛДАТ НАКОНЕЦ ЖЕНИТСЯ НА КУПЕЧЕСКОЙ ДОЧЕРИ
- НЕ ГОВОРИ ПОХАБНОГО!
- ДВУХ ХВАТИЛ, А КОНЕЦ ВСЕ МОТАЕТСЯ
- ТРИ ДОБРЫЕ СЛОВА
- ПОП С ПОПАДЬЕЙ В БАНЕ
- ФУ!
- ВОЛШЕБНАЯ ТАБЛИЧКА
- СЛУЖКА-АНДРЮШКА
- ИВАН ЛЫКОВ
- ПОП-ПЕРДУН
- НИКОЛА ДУПЛЯНСКИЙ
- МОНАХ И ИГУМЕНЬЯ
- РАЙСКАЯ ДУДКА
- ПОП-ТОЛОКОННЫЙ ЛОБ
- ЧУДЕСНАЯ ДУДОЧКА
- НЕ ЛЮБО, НЕ СЛУШАЙ
- СОЛДАТ-СКРИПАЧ И ЧЕРТ
- СОЛДАТ-СКРИПАЧ И НЕЧИСТЫЙ
- СОЛДАТ И ЧАСЫ
- БЕГЛЫЙ СОЛДАТ
- СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА
- СОЛДАТ И БАРИН
- ВОР
- СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП ТЕЛЕНКА РОДИЛ
- В-ЧЕМ-Я?
- СУД О КОРОВАХ

- ЖАДНЫЙ ПОП
- ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ
- АРХИЕРЕЙ ОТЧИТЫВАЕТ
- ДОБРЫЙ ПОП
- ПАХОМ
- ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ
- ПОХОРОНЫ КОЗЛА
- СОДЕРЖАНИЕ
  -
  - ом
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

•п
£7 < Г
народные
$ русские 8
? сказки **1**
В ПЯТИ ТОМАХ
ТОМ 5
РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ
МОСКВА 2008
ТНЧШШ
КНИЖНЫМ КЛУБ

УДК 882
ББК 84 (2Рос = Рус)1
НЗО
Составитель
А. БУСЛАЕВ
Художник
А. СИМАНЧУК

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 5 т. Т. 5. —

НЗО М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2008. — 320 с.
ISBN 978-5-275-01649-9 (т. 5)
ISBN 978-5-275-01644-4

Блестящий историк, правовед, этнограф, фольклорист и журналист Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871) посвятил свою жизнь бережному изучению устного народного творчества. Он собрал и обработал множество сказок, легенд и былин, сохранив их для потомства.

Пятый том — «Русские заветные сказки» (сказки для взрослых) — завершает собрание сказок А. Н. Афанасьева. Как пишет сам автор, «эротическое содержание заветных сказок, не говоря ничего за или против нравственности русского народа, просто указывает на ту сторону жизни, которая больше всего дает разгул юмору, сатире, иронии».

Сказки «Первое знакомство жениха с невестою», «Раззадоренная барыня», «В бане», как и многие другие, составившие этот том, жестко преследовались императорской цензурой.

УДК 882
ББК 84 (2Рос = Рус)1
ISBN 978-5-275-01649-9 (т. 5)
ISBN 978-5-275-01644-4
© ТЕРРА—Книжный клуб, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ
К «РУССКИМ ЗАВЕТНЫМ СКАЗКАМ»
ЖЕНЕВА, 1872

«Honny soit qui mal y pense» [Пусть будет дурно тому, кто плохо подумает].

Издание наших «Заветных сказок» в том виде и последовательности, в которых мы предлагаем их любителям русской народности, едва ли не единственное в своем роде явление. Легко может быть, что именно поэтому наше издание даст повод ко всякого рода нареканиям и возгласам не только против дерзкого издателя, но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия в ярких картинах и нимало не стесняясь выражениями развернула всю силу и все богатство своего юмора. Оставляя в стороне все могущие быть нарекания собственно по отношению к нам, мы должны сказать, что всякий возглас против народа был бы не только несправедливостью, но и выражением полнейшего невежества, которое по большей части, кстати сказать, составляет одно из неотъемлемых свойств кричащей prudrie[1].

Наши «Заветные сказки»— единственное в своем роде явление, как мы сказали, особенно потому, что мы не знаем

другого издания, в котором бы в сказочной форме била таким живым ключом неподдельная народная речь, сверкая блестящими и остроумными сторонами простолюдина.

Литературы других народов представляют много подобных же заветных рассказов, и давным-давно уже опередили нас и в этом отношении. Если не в виде сказок, то в виде песен, разговоров, новелл, farces, soties, moralités, dictions[1] и т. п., другие народы обладают огромным количеством произведений, в которых народный ум, так же мало стесняясь выражениями и картинами, пометил юмором, зацепил сатирой и выставил резко на посмеяние разные стороны жизни. Кто сомневается в том, что игривые рассказы Боккаччо не почерпнуты из народной жизни, что бесчисленные французские новеллы и facéties[2] [3] XV, XVI и XVII вв.— не из того же источника, что сатирические произведения испанцев, Spottlieder[4] и Schmähschriften[5] немцев, эта масса пасквилей и разных летучих листков на всех языках, являвшихся по поводу всевозможных событий частной и общественной жизни — не народные произведения? В русской литературе, правда, до сих пор есть еще целый отдел народных выражений не печатных, не для печати. В литературах других народов издавна таких преград народной речи не существует. Не восходя к классической древности, разве «Ragionamenti» P. Aretino, «Capitoli» Franc. Berni, Giov. déla Casa, Molza, «La Rettorica delle puttane» Pallavicini, «L'Alcibiade fanciullo» a scola[6] и произведения других итальянских писателей, далее книга Меурсия — «Elegantiae latini sermones»[7], целый ряд известных во французской литературе: «Joyuesetez» faceties *et folastres* imaginations[8], знаменитый «Recueil de pieces choisies par le soins du Cosmopolite[8], разве весь этот поток «Flugschriften»[9], о которых говорит Schade: «die damals wie eine Fluth übers Land führen»[10] не доказывают ясно, что печатное слово не считало нужным прикрываться дымкой стыдливой pruderie и виноградным листом цензурного письма? Нужно ли при этом упоминать о макаронических произведениях, пользующихся такою честию от великолепного Лаврентия Ме-дичиса и до Медичисов нашего времени? Нужно ли, наконец, заметить, что не одним только библиофилам известны целые отделы, предмет которых описывают специальные библиографии, вроде «Bibliotheca Scatologica» (Scatopolis, 5850)[11] отделы, известные в книжном мире под именем: «Singularity», «Curiosa», «Erotica», «Ouvrages sur l'amour», «...sur la galanterie»[9] [10] [11] [12] [13] и т. д.

Итак, обвинение русского народа в грубом цинизме равнялось бы обвинению в том же и всех других народов, другими словами,— само собой сводится к нулю. Эротическое содержание заветных русских сказок, не говоря ничего за или

против нравственности русского народа, указывает просто на ту сторону жизни, которая больше всего дает разгула юмору, сатире, иронии. Сказки наши передаются в том безыскусственном виде, как они вышли из уст народа и записаны со слов рассказчиков. Это-то и составляет их особенность: в них ничего не тронуто, нет ни прикрас, ни прибавок. Мы не будем распространяться о том, что в разных полосах широкой Руси одна и та же сказка рассказывается иначе. Вариантов таких, конечно, много, и большая часть их, без сомнения, переходит из уст в уста, не будучи еще ни подслушана, ни записана собирателями. Приводимые нами варианты взяты из числа наиболее известных или наиболее характеристичных почему-либо.

О последовательности, в какой являются наши сказки, мы считаем даже излишним распространяться. Заметим только по этому поводу, что та часть сказок, где действующие лица животные, как нельзя более рисует всю сметливость и всю силу наблюдательности нашего простолюдина. Вдали от городов, работая в поле, в лесу, на реке, он везде глубоко понимает любимую им природу, верно подсматривает и тонко изучает окружающую его жизнь. Живо схваченные стороны этой немой, но красноречивой для него жизни сами собой переносятся на его собратий — и полный жизни и светлого юмора рассказ готов. Отдел сказок о так называемой народом жеребячей породе, из которых пока мы приводим только небольшую часть, ярко освещает и отношение нашего мужичка к своим духовным пастырям и верное понимание их.

Любопытны наши «Заветные сказки» помимо многих сторон и в следующем отношении. Важному ученому, глубокомысленному исследователю русской народности они дают обширное поле для сравнения содержания некоторых из них с рассказами почти такого же содержания иностранных писателей, с произведениями других народов. Каким путем проникли в русские захолустья — рассказы Боккаччо, сатиры и фарсы французов XVI столетия, как переродилась западная новелла в русскую сказку, в чем их общая сторона, где и, пожалуй, даже с чьей стороны следы влияния, такого рода сомнения и заключения из очевидности подобного тождества, и т д. и т. д.

Предоставляя решение всех этих и иных вопросов нашим патентованным ученым, мы и без того надеемся, что наши читатели помянут добрым словом труды почтенных собирателей этих сказок. Мы же, со своей стороны, издавая это редкое собрание с целью спасти его от гибели, равно чужды, смеем думать, как хвалы, так и порицаний.

Таким образом, не принимая лицемерно ученой наружности,

книга наша является случайным и простым сборником той стороны русского народного юмора, которому до сих пор не было места в печати. При диких условиях русской цензуры, ее кривом понимании нравственности и морали, книга наша тихо печаталась в той отдаленной от треволнений света обители, куда еще не проникла святотатственная рука какого бы то ни было цензора. Мы не можем при этом не высказать одного из наших задушевных желаний: да последуют и другие тихие уголки нашей отчизны примеру нашей обители. Пусть разовьется в них, чуждое всякой цензуры, благородное искусство книгопечатания,— и да выйдут из рук трудящейся братии, сойдут с заветных станков их всякое свободное слово, всякая заветная речь, к какой бы стороне русской жизни ни относились они.

Прибавим в заключение, что впоследствии мы намерены также издать: «Русские заветные пословицы» и продолжение «Русских заветных сказок». Имеющиеся в наших руках материалы приводятся в порядок. Изданием их мы надеемся оказать услугу как вообще делу изучения русской народности, так и в особенности нашим собратиям — истинным любителям и знатокам всего заветного, меткой, образной русской речи и ее светлого юмора.

Филобибл.

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил барин, да еще был мужик, такой бедный, что и сказать нельзя! Призвал его барин и говорит: «Послушай, мужичок! Долгу своего ты не платишь и взять с тебя нечего. Ступай ко мне и живи за долг три года».

Прожил у него мужик год и другой и третий. Барин видит, что мужику скоро срок отходит, и думает: какую бы сыскать вину, чтоб еще оставить мужика при себе на три года. Позвал его барин и стал говорить: «Послушай, мужичок! Вот тебе десять зайцев, гони их пастись в поле, да смотри, чтобы все были целы! А то опять оставлю при себе на три года». Только погнал мужик зайцев в поле — они все у него разбежались в разные стороны. «Что делать,— думает он,— теперь пропал я!» Сел и плачет. Откудова ни возьмись — явился старик и спрашивает: «О чем, мужичок, плачешь?»—«Как мне, старик, не плакать! Дал мне барин пасти зайцев, они все и разбежались. Теперь беда мне неминучая!» Старик дал ему дудочку и говорит: «На тебе дудочку. Когда заиграешь в нее, они все к тебе прибегут». Мужик сказал спасибо, взял дудочку и только заиграл в нее — как тотчас все зайцы к нему прибежали. Он погнал их домой. Барин пересчитал зайцев и говорит: «Все целы!»—«Ну что нам делать?— сказал барин своей барыне,— какую вину на мужике сыскать?»—«А вот что, душенька: когда он завтра погонит зайцев, я переоденусь в другое платье, пойду к нему и куплю одного зайца».—«Ну, хорошо!»

Наутро погнал мужик зайцев в поле, и только подошел к лесу — они тотчас все разбежались в разные стороны. А мужик сел на траву и начал плести лапти. Вдруг едет барыня. Остановилась — подошла к нему и спрашивает: «Что, мужичок, здесь делаешь?»—«Скотину пасу».—«Какую скотину?» Мужик взял дудочку и заиграл — все зайцы сбежались к нему.—«А, мужичок! — сказала барыня,— продай мне одного зайчика».—«Никак нельзя, ведь это господские зайцы, а барин у меня оченно строг. Он, пожалуй, меня совсем заест!» Барыня стала к нему приставать: «Пожалуйста, продай!» Мужик видит, что ей очень хочется зайчика и говорит: «У меня, барыня, завет положен». —«Какой завет?»—«Кто даст поеть, тому и зайца уступлю». —«Возьми лучше деньгами, мужичок!»—«Нет, мне больше ничего не надо!» Барыня — делать нечего — согласилась, дала мужику поеть. Подал ей зайца: «Только, барыня, держи его потихоньку, а то раздавишь».

Она взяла зайца, села в коляску и поехала. А мужик как

заиграл в свою дудочку — этот заяц услыхал, выпрыгнул из рук барыни и ушел назад к мужику. Приехала барыня домой. «Ну что, купила зайца?»—«Купила-то купила, только как мужик заиграл в свою дудочку, заяц выпрыгнул от меня и ушел».

На другой день опять поехала барыня к мужику. Подходит к нему и спрашивает: «Что делаешь, мужичок?»—«Лапти плету да господскую скотину пасу».—«Где ж твоя скотина?» Мужик заиграл в дудочку, и сейчас сбежались к нему все зайцы. Барыня стала торговать зайца. «У меня положен завет».—«Какой?»—«Дай поеть». Барыня опять согласилась и получила за то зайца. А как мужик заиграл — заяц выскочил и ушел от нее.

На третий день переоделся и поехал сам барин. «Что, мужичок, делаешь?»—«Скотину пасу».—«Да где ж твоя скотина?» Заиграл мужик в дудочку — сбежались к нему зайцы. «Продай мне одного!»—«За деньги не продам. У меня положен завет». —«Какой завет?»—«Кто захочет поеть кобылу, тому и зайца отдам». Барин влез на кобылу и сотворил с нею грех. Мужик подал ему зайца и говорит: «Держи его, барин, потихоньку, а то задавишь». Барин взял зайца и поехал домой, а мужик заиграл в дудочку — заяц услышал и ушел от него к мужику. Видит барин, что ничего не возьмешь, и отпустил мужика жить на волю.

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЖЕНА И КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

Жил-был богатый купец, у него был молодой приказчик. Купец нагрузил корабль дорогими товарами, дал приказчику много золота и серебра и отправил торговать в иные города. Вот приказчик приплыл в чужестранное государство, в столичный город. Зашел в трактир пообедать и услыхал, что в этом городе была у генерала жена такая красавица, каких во всем свете мало родится, и задумал, как бы ее увидать. Только генерал держал свою жену взаперти, никуда не выпускал и к себе никого не принимал: на такую красавицу кто не позарится.

Приказчик насыпал блюдо серебра и золота и пошел к генералу в дом. «Что тебе надобно?»— спрашивает слуга. «Хочу генералу поклониться». Слуга доложил генералу, а он был куда на деньги падок. «Коли с деньгами пришел, так пусти его». Приказчик вошел в комнату, блюдо с серебром и золотом на стол поставил. Спрашивает генерал: «Какая у тебя нужда?»—«Ах, ваше превосходительство! Во всех городах только и молвы, что про красоту вашей жены. Нельзя ли посмотреть ее?» Генерал подумал и согласился. Тотчас подошел к дверям и крикнул: «Эй, жена, подай нам водки!» Генеральша вынесла на подносе графин с водкою и две рюмки, поставила перед мужем и ушла в свою комнату.

Приказчик как увидел такую красавицу, тотчас и влюбился в нее; чуть ли с ума не сходит. На другой день насыпал он другое блюдо серебра и золота и опять понес к генералу; поклонился ему, поставил блюдо на стол и говорит: «Позвольте, ваше превосходительство, еще разок взглянуть на вашу супругу!»—«Эй, жена, подай нам водки!»— закричал генерал. Приказчик увидал ее в другой раз и еще больше прельстился. С того времени почал каждый день ходить к генералу, все деньги, товары и самый корабль, все спустил, и сделался чист молодец. Сидит в трактире и не знает, что ему делать.

В это время прибыл'в тот город какой-то купеческий сын с тремя кораблями, зашел в трактир и заказал себе хороший обед. Подали ему водки и разных кушаньев; только было принялся он есть, вдруг подходит к нему оборванный и общипанный приказчик, не спрося, выпил водки и стал закусывать. Закусил и не думает за чужую хлеб-соль благодарствовать. «Это что за теребень? вишь какой обдерганный!»— говорит купеческий сын. Отвечает ему теребень: «Коли узнаешь, так сам таков будешь».

Взяло купеческого сына любопытство, стал к нему приставать: «Расскажи, пожалуйста». Тот ему рассказал: «Вот,— говорит,— теперь и остался ни при чем; хожу обдерганный».

Захотелось и купеческому сыну посмотреть на генеральшу. «Слушайся меня,— сказал ему теребень,— мы сыграем с генералом такую шуточку, что долго не забудет. Рядом с генеральской квартирой отдается внаймы другая; найми ее и сделай тайный ход к нему в спальню». Купеческий сын так и сделал.

Вот генерал уехал в свое время к государю с докладом, а жену в спальне запер; купеческий сын напустил смелость и тотчас тайным ходом к его жене. Генеральша увидела, что больно хорош собою, и дала ему поеть разок, и другой, и третий. А после и говорит: «Ах, купеческий сын, освободи меня от мужа; мне эта каторжная жизнь наскучила».—«Хорошо,— говорит,— можно». Взял у нее мужнину трость и поехал на площадь, где государь развод делал. Ходит да тросточкой помахивает; генерал увидал свою трость, подскочил к нему: «Эта трость моя!»—«Помилуйте, ваше превосходительство, что вы на честного человека клеплете! А я на вас пойду в суд с жалобой».

Генерал сел в дрожки и поспешил домой, а купеческий сын еще скорей его приехал домой и через тайный ход отдал трость генеральше. Генерал отпер жену и спрашивает: «Где моя трость?»—«А вон в углу стоит».—«Ах, ведь я понапрасну поклепал купеческого сына». На другой день купеческий сын взял у генеральши кольцо, генерал опять пристал к нему и точно так же должен был признаться, что напрасно его поклепал. На третий день просит купеческий сын генерала: «Посватайте за меня невесту — рядом с вашей квартирой живет». Генерал рад ему услужить, чтобы только на него за напрасные поклепы не жаловался; собрался и пошел в соседнюю квартиру. А там уже все готово: сидит какая-то старуха. Генерал посватал купеческого сына за ее дочь. Старуха говорит: «Хорошо, я согласна, надо у дочери спросить». Зовет дочь — выходит к ней генеральша и сказывает: «Я, маменька, согласна». Генерал глаза вылупил: точь-в-точь моя жена. Да побоялся в третий раз вклепаться. Вернулся домой — жена его дома. «Ну,— думает,— хорошо, что остерегся».

Наутро обвенчался купеческий сын на генеральше; сам генерал их посватал и от венца домой проводил да спать уложил. После того приходит он домой — хватился — жены-то нет. Туда-сюда — нет да и только.

Куда делась — никто не знает. Утром бросился к купеческому сыну: «У меня,— говорит,— жена пропала».—«Да ведь вы, ваше превосходительство, выдали ее за меня замуж!» Генерал

рассердился, поскакал к царю; царь разобрал это дело, посмеялся и сказал: «Ну, брат, ты сам ее отдал, так пенять не на кого, оставайся-ка без жены».

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король. У этого короля был сын Иван-королевич. Понравилась королю [королевичу] одна из придворных фрейлин — очень собою хороша была! Спознался он с нею и дал ей свой именной перстень. Ни много, ни мало прошло времени,— родила эта фрейлина сына. Король тотчас узнал про все ихнее дело. Приказал ее вместе с ребенком посадить в бочку и пустить в море. Бочка плавала-плавала, остановилась у одного острова и развалилась. Мать с сыном вышла на берег и осталась тут жить.

Вот сын ее рос-рос, да и вырос. В одно время говорит он: «Любезная государыня матушка! Дай мне свое благословение, я поеду службы искать».— «Поезжай с богом». Вот он приехал в тот город, где отец его Иван-королевич царствовал (король-то старый давно помер). Идет по улице и повстречал одного купца. «Господин купец! Возьми меня к себе в приказчики».—«Да ты чей?»—«Я сирота — нет у меня ни отца, ни матери». А собой он был писаный красавец и тотчас же полюбился купцу. «Ну,— говорит,— коли ты сирота, ступай ко мне в приемыши. У меня своих детей нету». Стал купеческий приемыш торговать в лавках, и пошло дело словно по маслу. Старые приказчики только дивуются,— откуда у него такая сметка: барыши сами к нему в карман так и просятся.

В ту самую пору Иван-королевич задумал жениться на одной купеческой дочери — такая красавица была, что люди по десять тысяч за один посмотр давали. Стала купеческая дочь готовиться к свадьбе и послала свою служанку закупать в лавках разных материй. Служанка входит в лавку к купеческому приемышу, а он сидит да игрою на гуслях забавляется. И как хорошо играет! Век бы слушать — не наслушался. Служанка слушала, слушала и забыла, что ей невеста наказывала. Воротилась домой и говорит купеческой дочери: «Простите, сударыня! Так и так, позабыла, зачем меня посылали».

Захотелось купеческой дочери самой послушать этой чудесной музыки. Оделась и поехала в лавку. А приказчик сидит себе да на гуслях поигрывает. Только что вошла она в лавку, как усмотрела молодца,— тотчас по уши в него влюбилась. А он бросил свои гусли, встал и спрашивает: «Чего вам, сударыня, угодно?» Тут она набрала всяких товаров на несколько тысяч и говорит приказчику: «Со мной теперь денег нет, а ты приходи ко мне вечером попозднее — я тебе дома заплачу».—«Хорошо, приду».

Вечером приказчик запер лавку и пошел к купеческой дочери. Она тотчас повела его в свою комнату, положила на стол острую саблю и говорит ему: «Коли хочешь жить — полюби меня, а не станешь любить — сниму с плеч твою буйну голову!» А он и сам непрочь с нею знаться. Скоро они поладили и переспали ночь вместе. «Ну, милый,— говорит ему купеческая дочь,— сделай ты теперь-ча от своей лавки к моим покоям подземный ход, освети его фонарями и ходи ко мне кажную ночь, чтобы тебя никто из людей не видал. А то, коли королевич узнает, беда нам!»

Приказчик простился с нею, пришел домой и, долго не думая, нанял сейчас работников и вырыл подземный ход от лавки до покоев купеческой дочери. С той поры и начал он к ней похаживать да в свайку поигрывать.

Меж тем Иван-королевич говорит отцу своей невесты: «Батюшка! Пора нам свадьбу играть».—«Да я готов хоть сейчас. Вот что дочка скажет?» А дочка притворилась больной и просит обождать до ее выздоровления. Ждали месяц, и другой, и третий — она все кажет себя больною. Запало королевичу сомнение: «Уж нет ли у нее кого другого, что за меня выходить не хочет». Поставил он везде часовых, чтобы строго смотрели: не ходит ли кто к его названой невесте. Но куда часовым усмотреть, когда ход такой устроен?

Видит королевич, что дело-то неладно. Нарядился в солдатскую шинель и пошел поздним вечером по городу: не проведает ли чего сам? Шел-шел и усмотрел — в лавке огонь светится. «Зачем бы в такое время в лавке огню быть?» Постучался в дверь. «Чего тебе, служба, надобно?»— спрашивает купеческий приемыш.—«Пусти, добрый человек, ночь переночевать. Даром нигде не пускают, а денег нет. Я пришел издалеча». Жалко его стало приказчику. «Ну, говорит, иди!» Ровно в двенадцать часов собрался он к купеческой дочери в гости. Встал потихоньку и пошел подземным ходом. А королевич не спит — все видит. Поднялся, да вслед за ним. Вот таким-то случаем и узнал он, что к его невесте ходит подземным ходом купеческий приемыш, что кажную ночь они пьют-гуляют и спят на одной постели. «Ишь, шельма,— говорит королевич,— как он ее зажаривает, ажно кровать трещит!»

На другой день солдат простился с приказчиком и ушел. Приказчик ничего не ведает. А тут вдруг нагрянула стража и королевский указ принесла: велено его взять и в тот же день повесить на торгу на виселице. Народу сбежалось видимо-невидимо. Сам королевич приехал. Только повели купеческого приемыша вешать, а он просит последнее слово сказать: «Есть-де у меня именной перстень, от моего батюшки достался, возьмите

его и перешлите на такой-то остров к моей родной матери». Королевич взглянул на перстень и тут же спознал, что этот приемыш его сын. Тотчас велел остановить казнь, обнял его крепко и стал расспрашивать, как и что с ним делалось. После того королевич обвенчал этого молодца на купеческой дочери, а сам женился на его матери.

СНЫ

Жил-был бедный мужик, *с* женой и детьми; в одну ночь приснился ему такой сон: будто под печкою в ихней избе лежит большой медведь. Поутру стал рассказывать свой сон жене; она говорит: «Ах, хозяин, ведь и мне такой же сон был». Дети говорят: «Ах, батюшка, ведь и мы то же самое во сне видели». Задумался мужик: «Недаром всем одно приснилось — сон вещий, да что он пророчит: к беде, али к счастью?» Думал, думал и решил ехать к колдуну Асону, который один на все царство сны судит.

Едет он деревнею, а навстречу ему мальчик: «Дяденька, покатай меня».—«Проваливай! не до тебя!»—«Дяденька, покатай, я тебе доброе слово скажу. Ведь я знаю, куда ты едешь. Ты едешь к Асону посудить сону». Мужик удивился: «Вишь,— говорит,— какой хитрый народился. Садись на телегу!» Посадил мальчика на телегу, прокатил его по деревне, выехал за околицу и спустил наземь. «Спасибо, дядюшка!— сказывает мальчик,— смотри же: будет у тебя Асон торговать твой сон, не продавай ему дешево: бери сто тысяч. А спросит: кто тебя научил — ты молчи, на меня не показывай».

Вот приехал мужик к Асону: «Так и этак,— говорит,— приснилось мне ночью, будто под печкою лежит большущий медведь, рассуди, что этот сон значит?» Колдун бросился смотреть по своим книжкам, посмотрел и затрясся от радости: «Послушай, мужичок, продай мне этот сон!»—«Пожалуй, отчего не продать?»—«Что тебе дать за него?»—«Давай сто тысяч».—«Ах ты, сукин сын,— закричал на мужика Асон и ногами затопал,— что мне в твоем сне — много ли корысти? Хочу пособить тебе при бедности; а он, дуралей, вишь какую цену заломил!»—«Как знаешь, а меньше ни единой копейки не возьму».

Спорили-спорили, ругались-ругались; нечего делать, видит колдун, что мужика не переспоришь, да и цена-то средняя: хоть и сто тысяч заплатить, все другое сто в барышах останется. Насыпал мужику два больших воза деньгами; а наутро приехал к нему на деревню с четырьмя возами. Разломал печь, а там серебра да золота видимо-невидимо. Еле-еле на четырех подводах уложил. Стал в путь собираться и говорит хозяевам: «Послушай, мужичок, скажи, кто тебя научил запросить за твой сон так дорого? Ведь сам ты ни за что б не догадался?»—«Нет, брат, этого не скажу». —«Скажи, вот тебе пять тысяч на прибавку». Мужик тотчас польстился на деньгу и выдал мальчика. После попрощались; колдун домой поехал, а мужик разбогател и зажил себе припеваючи — по-купечески.

На другой день Асон нарядился словно барин, запряг заводских лошадей, сел в коляску и катит прямо на двор к родителям того мальчика, что мужика научил. Приезжает и говорит: «Нельзя ли отдохнуть маленько?»—«Отчего нельзя, отдыхай». Вошел в избу, пошли те, другие разговоры. «Это чей мальчик спит?»—«Мой сын»,— говорит старик. «Послушай, старик, мне твой сынок полюбился. Вижу я — ты живешь при бедности, а у меня и золота, и всякого имения, чего только душа просит — всего вдоволь. Только детей бог не дал. Отдай мне мальчика, я ему вместо отца буду, в люди выведу, и тебя со старухой награжу деньгами и хлебом». Старик со старухой помялись, помялись и согласились, продали сына за десять тысяч.

Асон взял его сонного, положил в повозку и повез к себе. Приехал домой; мальчик проснулся, смотрит, где это он очутился? «Что глаза-то вылупил? Чай, знаешь, зачем привез тебя...»—«Как не знать,— отвечает мальчик,— затем, чтобы с молодой женой твоей спать».—«Вот, брат, не угадал!»— сказал колдун, зло улыбнулся и крикнул: «Позвать ко мне повара». Повар пришел; он и говорит ему на ухо: «Возьми этого мальчишку, зарежь, вынь из него сердце, изжарь и принеси ко мне». Повар привел мальчика на кухню, достал широкий нож и принялся точить на камне. «Эх, дядя,— говорит мальчик,— ведь я знаю, для чего ты нож точишь».—«А для чего?»—«Да хочешь меня зарезать».—«Правда твоя!»—«Послушай, дядя, пожалей меня — отпусти на волю: тебя бог наградит».—«Я б отпустил Тебя, да ведь хозяин у меня хитер; сейчас узнает».—«Не бойся, не узнает. Есть у вас на дворе супоросая свинья, поди-ка, спроси у хозяина, сколько она поросят принесет? Он и этого не разгадает».

Повар пошел к Асону, спросил про свинью, воротился и говорит: «Хозяин сказывает, что двенадцать поросят будет».—«Вот и не узнал: ваша свинья уже опоросилась — принесла тринадцать». Повар побежал, справился: как раз тринадцать. «Правда твоя»,— говорит мальчику. «Ну, так отпусти ж меня на вольный свет, а тринадцатого поросенка зарежь, вынь из него сердце, зажарь и снеси хозяину». Повар так и сделал. Понес поросячье сердце, только переступил порог — и уронил блюдо. Кобель подхватил и съел сердце. «Ну, пес его бери!»— сказал колдун. А мальчик вышел на большую дорогу и, долго ли, коротко ли, пришел в столичный город. Остановился у гостиных рядов, да на знатные заморские товары любуется. Увидал его купец и взял к себе за приказчика. С того самого времени пошла у купца торговля широкая, покупатели так и валят в лавку, просто отбою нет. Успевай только деньги брать. Время идет, мальчик растет да растет, вырос и сделался таким молодцем да красавцем,

что ни в сказке сказать, ни пером написать.

В один день поехала молодая Леонова жена в гостиные ряды за покупками; зашла в самую богатую лавку, увидела этого приказчика и сразу влюбилась в него. Набрала целый ворох всяких товаров и говорит: «Послушай, добрый молодец. Со мной денег не случилось; потрудись сегодня вечером ко мне в дом побывать, я там-то живу».— «Извольте, сударыня». Вечером приехал к ней за деньгами; она тотчас ухватила его за белые руки, повела в свою спальню, стала целовать-миловать, нежно к сердцу прижимать; уложила его на мягкую постель вместе с собой: «Ну,— говорит,— придвинься ко мне плотней, будет нам теплей!» Тут они и слюбилися, и стали часто друг к другу наезжать, вместе ночи коротать.

Прошло с год времени, приснился царю этой земли такой сон: будто стоит в его палатах драгоценная золотая чарка, а в той чарке один край выломился. Встал царь поутру и думает: что бы этот сон значил? Сейчас посылает он за колдуном Асоном. «Ну-ка, Асон, рассуди мой сон!» Колдун бросился смотреть по своим книгам, искал-искал — нет, не может разгадать царского сна. Царь рассердился и назначил ему три дня сроку: «Коли не разгадаешь, прикажу тебя казнить». Три дня прошло, повели Асона на площадь и повесили на виселице.

После того разослал царь указы по всей земле: «Коли кто разгадает этот сон, тому пожалует половину своего царства». Услыхал про то молодой приказчик, явился к царю поздним вечером и говорит: «Ваше величество! я могу ваш сон разгадать».— «Ну, разгадай. Скажешь правду — половину царства пожалую, а соврешь — то мой меч, твоя голова с плеч».—«Есть,— говорит, у вашего величества три дочери; скажите, которую царевну вы больше любите, больше жалуете?»—«Все три,— отвечает царь,— мне дороги, а больше всех люблю и жалую меньшую царевну: нет ее на свете дороже».—«Ну, так пойдемте к ней в спальню — там будет разгадка». Пришли к царской спальне, смотрят, дверь заперта. Царь постучался: «Отопри-ка, дочка».— «Ах, батюшка! Я уж спать легла».—«Ничего, отопри».—«Да я не одета».—«Отопри, не то велю дверь выломать!»

Царевна отворила: входит царь с приказчиком в спальню. Приказчик тотчас подбежал к мамке, заворотил ей подол: «Смотрите, ваше величество!» Царь глянул, а у мамки промеж ног пребольшущий петух сидит! «В ту самую ночь, ваше величество, как приснилось вам, что из вашей золотой драгоценной чарки край выпал — эта мамка вашей дочери целку проломала».

Царь отдал этому приказчику половину своего царства, дочь наказал, мамку казнил, а о том, что было, велел втайне хранить,

лишнего не болтать. Приказчик сделался сам царем, женился на Леоновой вдове, разбогател и стал жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК

Жил-был купец, старый хрыч, женился на молоденькой бабенке, а у него было много приказчиков. Старшего из приказчиков звали Потапом; детина он был видный, зачал к хозяйке подбираться, так у них дело и сладилось. Стали люди примечать, стали купцу сказывать. Вот купец и говорит своей жене: «Послушай, душенька, что люди-то говорят, будто ты с приказчиком Потапом живешь».—«Что ты, бог с тобой, соглашусь ли я. Не верь людям; верь своим глазам».—«Говорят, он к тебе давно подбирался. Нельзя ли как-нибудь испытать его».—«Ну что ж,— говорит жена,— послушай меня, нарядись в мое платье и пойди к нему в сад — знаешь, где он спит, да потихоньку шепотом и скажи: я-де к тебе от мужа пришла. Вот и посмотришь тогда, каков он есть».—«Ладно»,— сказал купец.

А купчиха улучила время и научила приказчика: как придет муж, хорошенько его поколоти, чтобы он, подлец, долго помнил. Дождался купец ночи, нарядился в женино платье с ног до головы и пошел в сад к приказчику. «Кто это?»— спрашивает приказчик. Купец отвечает шепотом: «Я, душенька!»—«Зачем?»—«От мужа ушла, да к тебе пришла».—«Ах ты, блядь, подлая! И то про меня говорят, что я к тебе хожу. А ты хочешь, чтоб я совсем опостылел хозяину». И давай колотить купца по шее, по спине, да вповолочку: «Не ходи, мерзавка, не срами меня! Я ни за что не соглашусь на такие пакости».

Кое-как купец вырвался, прибежал к жене и говорит: «Нет, милая, теперь никому в свете не поверю, что ты живешь с приказчиком. Как принялся он меня ругать, страмить да бить — насилу ушел».— «Вот видишь, а ты всякому веришь!»— сказала купчиха и с того времени стала жить с приказчиком без всякого страху.

«НЕТ!»

Жил-был старый барин, а у него б^ла жена и молода, и собой хороша. Случилось эт(>му барину куда-то уехать далеко. Он боится, как бы жена его не стала с кем блядовать, и говорит: «Послушай, милая! Теперь я уезжаю надолго от тебя, так ты никаких господ не примай к себе, чтоб (’ни тебя не смутили, а лучше вот что: кто бы тебе и ,1ТО бы тебе ни сказывал — отвечай все: «Нет!» Да «Нет!» Уехал муж, а барыня пошла гулять в сад- Ходит по саду. А мимо на ту пору проезжал офицер. Увидал барыню такую славную и стал ее спрашивать: «Скажите, пожалуйста, какая это деревня?? Она ему отвечает: «Нет!»

«Что бы это значило,— думает офицер,— о чем ее ни спросишь, она все: нет да нег!» Только офицер не будь промах: «Ежели,— говорит,— я слезу с лошади да привяжу ее к забору ничего за это не будет?» А барыня: «Нет!»—«А если взойду к вам в сад, вы не рассердитесь?»—«Нет!» Он вошел в сад. «А если я с вами стану гуДять, вы не прогневаетесь?»—«Нет!» Он пошел ряДом с нею. «А если возьму вас за ручку,— не будет вам досадно?»—«Нет!» Он взял ее за руку.'—«А если поведу вас в беседку — и это ничего?*—« Нет!» Он привел ее в беседку.—«А если я ва£ положу и сам с вами лягу, вы не станете противиться?»— «Нет!» Офицер положил ее и говорит: «А если я вам да заворочу подол — вы, конечно, не будете сердиться?»—«Нет!» Он заворотил ей родол, поднял ноги покруче и спрашивает: «А если я вас да стану еть — вам не будет неприятно?»—«Нет!» Тут он отработал ее порядком, слез с нея, полежал, полежал да спрашивает опять: «Вы теперича довольны?»—«Нет!»—«Ну, когда нет, надо еще еть!» Отзудил еще раз и спрашивает: «А теперь довольны?»—«Нет!» Он опять ее пробрал хорошенько и спрашивает: «А теперь довольны?»—«Нет!» Он плюнул и уехал. А барыня встала и пошла в хоромы.

Вот воротился домой барин и спрашивает жену: «Ну что, все ли у тебя благополучно?»—«Нет!»— «Да что же? Не поёб ли тебя кто?»—«Нет!» Что ни спросит, она все: нет да нет. Барин и сам не рад, что научил ее.

ЖЕНА СЛЕПОГО

Жил-был барин с барыней. Вот барин ослеп, а барыня загуляла с одним подьячим. Стал барин подумывать: не блядует ли с кем жена, и шагу не дает ей без себя сделать. Что делать? Раз пошла она с мужем в сад, и подьячий туда же пришел. Вот муж-то слепой у яблони сидит, а жена с подьячим. А сосед ихний смотрит из своего дома, из окна в сад, увидал, что там строится: подьячий на барыне сидит, и сказывает свой жене: «Посмотри-ка, душенька, что у яблони-то делается. Ну что как теперя откроет бог слепому глаза да увидит он — что тогда будет? Ведь он ее до смерти убьет».—«И, душенька! Вить и нашей сестре бог увертку дает!»— «А какая тут увертка?»—«Тогда узнаешь».

На тот грех и открыл господь слепому барину глаза: увидел он, что на его барыне подьячий сидит, и закричал: «Ах ты курва! Что ты делаешь, проклятая блядь!» А барыня: «Ах как я рада, милый мой!

Ведь сегодня ночью приснилось мне: сделай грех с таким-то подьячим, и господь за то откроет твоему мужу глаза. Вот оно и есть правда: за мои труды бог дал тебе очи».

ДВЕ ЖЕНЫ

Жили-были два купца, оба женатые, и жили они промеж себя дружно и любовно. Вот один купец говорит другому: «Послушай, брат! Давай сделаем пробу, чья жена лучше мужа любит». —«Давай. Да как пробу-то сделать?»—«А вот как: соберемся-ка да поедем на Макарьевскую ярмарку, и которая жена пуще станет плакать, та больше и мужа любит». Вот собрались в путь, стали их провожать жены. Одна плачет, так и разливается, а другая прощается и сама смеется.

Поехали купцы на ярмарку, отъехали эдак верст пятьдесят и разговорились между собой.—«Ишь как тебя жена любит,— говорит один,— как она плакала на прощанье, а моя стала прощаться, а сама смеется!» А другой говорит: «Вот что, брат! Теперя жены нас проводили, воротимся-ка назад, таким образом да посмотрим, что наши жены без нас делают ».—«Хорошо!»

Воротились к ночи и вошли в город пешие. Подходят наперед к избе того купца, у которого жена на прощанье горько плакала. Смотрят в окошко. Она сидит с любовником и гуляет. Любовник наливает стакан водки, сам выпивает и ей подносит: «На, милая, выпей!» Она выпила и говорит: «Друг ты мой любезный! Теперь я твоя».—«Вот какие пустяки: вся моя! Что-нибудь есть и мужнино!» Она оборотилась к нему задом и говорит: «Вот ему, бляд-скому сыну — одна жопа!» Потом пошли купцы к той жене, которая не плакала, а смеялась. Пришли под окошко и смотрят: перед иконами горит лампадка, а она стоит на коленях, усердно молится да приговаривает: «Подаждь, господи, моему сожителю в пути всякого благополучия, в торгу всякого успеха и скорого возвращения!» «Ну вот,— говорит один купец другому,— теперь поедем торговать».

Поехали на ярмарку и торговали очень хорошо: такая задача в торговле была, какой никогда не бывало! Пора уж домой. Стали собираться и вздумали купить своим женам по гостинцу. Один купец, у которого жена богу молилась, купил ей славной парчи на шубку, а другой купил жене парчи только на ее жопу: «Вить моя только жопа! Так мне только пол-аршина и надобно — я свою жену не хочу паскудить!» Приехали и отдали женам гостинцы. «Что же ты купил эдакой лоскут?»— говорит жена с сердцем.—«А ты вспомни, блядь, как сидела ты с любовником и говорила, что моя у тебя только жопа,— ну, я свою часть и снарядил. Нашей парчу на неё да и носи».

ЖЕНА ХИМКА

Жил муж Филя, у него жена была Хима — беспечная, сонливая, нерадивая. Раз в летний день пошла она рожь жать; жать не жала, легла в поле и заснула. Приходит Филя, взял ей остриг голову, обмазал тестом, обсыпал пухом и ушел домой. Вот Хима проснулась, схватилась за голову и говорит: «Что б это значило? По уму-то я Хима, а по голове, кажется, нет. Постой, пойду в деревню; узнаю ли свой двор?»

Идет она по деревне, считает дворы, подходит к своему двору и говорит: «Вот наш двор!» Спрашивает хозяина: «Филя, а Филя! Дома ли твоя Хима?»— «Дома». Вот она и пошла прочь от окна. «Постой,— думает,— суну-ка я в подворотню голову: если узнает меня собака, так я Хима, а не узнает — значит не Хима». Сунула голову в подворотню; собака залаяла.

Тут бедная баба совсем поверила, что она не Хима, и пошла к вечеру на большую дорогу. Попадаются ей навстречу воры. Она и просит: «Возьмите меня с собой: я знаю богатого мужика, обворуем его».—«Пойдем». Пошли воровать. Проломали в клети крышу и опустили туда Химу: «Подавай, а мы брать станем». Она набрала себе орехов, а им подала мешок с золою. Воры осерчали: «Черт с ней,— говорят,— бросим ее, пусть сидит там!» Хима услыхала это, навязалась сама на веревку и кричит им: «Тащите, вот добро, так добро». Воры ее и вытащили.

Пошли искать иного места; идут мимо кладбища. «Ну, Химушка, ты посиди пока тут, а мы пойдем к дьякону баранов красть». Воры ушли, а Хима села на могиле, сидит да орехи щелкает.

Вышел дьякон помочиться и видит на могиле эдакое чудище. Побежал к попу: «Вставай, батюшка, покойник из могилы вылез, зубами щелкает!» Поп был нездоров, позвал еще дьячка и велел нести себя на носилках: «Пойду,— говорит,— мертвеца отчитывать». Вот дьякон с дьячком несут попа, а Хима думает, что то воры и закричала: «Что, несете?» Дьякон говорит: «Несем!»—«Жирного?»— «Жирного!»—«Ну, скорей давайте, я есть хочу». Дьякон думает: «Что ж, я-то жирнее попа, пожалуй, за меня хватится!» Испугался, бросил попа наземь, да бежать; дьячок за ним, а поп так головой о могильный камень пришелся, что еле-еле к рассвету опомнился. Поутру шел народ на работу, увидел Химу и отвел к мужу.

ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА

Жил мужик с бабою; звали его Фомкою, был он большой дурак и трус. Только бывало смеркается, то и на двор побоится выйти. А баба — известное дело, как при таком муже не завести любовника — и таки завела. Один раз Фомка пришел домой пьяный да веселый; еще никогда таким не бывал. Поужинал, снял портки и лег с женой спать. А ночь была темная-темная, дождь как из ведра поливает.

На ту пору постучался к бабе любовник, собака и залаяла. Фомка услыхал, что собака на дворе лает, и давай тюкать: «Тю-тю, тю-тю».—«Молчи,— говорит жена,— а то волки по деревне ходят, овец режут, пожалуй, к нам зайдут».—«Невжли ты боишься?»— «А ты разве не боишься?»—«Я-то? Да ты знаешь, какой я смельчак? Хочешь: сейчас окно отворю да начну тюкать?»—«А ну, Фомушка, отвори да потюкай». Фомка отворил окно и кричит спьяна: «Тютю».—«Ах, Фомушка, затвори окно, не то волки в избу залезут да нас поедят».—«Я ничего не боюсь».—«Экой ты смелый!»—«Э, ты еще меня не знаешь! Хочешь, я выйду в сени да в сенях начну тюкать?»—«А ну, выйди да потюкай в сенях»,— говорит жена, а сама на уме держит, как бы поскорей его на двор выпихнуть.

Фомка вышел в сени и опять: «Тю-тю, тю-тю!» Баба идет сзади да подхваливает: «Ох, Фомушка, какой ты небоязливый! А я думала, что ты побоишься».—«Э, дура, разве не знаешь, какой я хватю-га? Я еще отворю двери на двор да еще громче начну тюкать!»—«А ну, попробуй, попробуй, Фомушка!» Фомка отворил двери, высунул на двор голову и снова кричит: «Тю-тю!» Тут баба как толкнет его в шею, выпихнула на двор и заперла двери засовом, а любовника в окно впустила и легла с ним на постель.

Фомка ходит без порток вокруг избы, намок весь, стучится в окно да просится со слезами в избу. «Какой леший там стучится?»— спрашивает хозяйка.—«Это я»,— говорит Фомка. —«А ты кто?»—«Фома!»—«Какой Фома? Ты — Мора, а не Фома. Мой Фома со мной на постели лежит». А сама шепчет любовнику: «Откликнись ему». Любовник и закричал: «Кой черт там около избы бродит? Вот только выйду на двор, так дам себя знать: так шею накостыляю, что долго не забудешь!»

Бедный Фомка не знает, что и делать. «Видно,— думает,— я пьяной к чужой избе подошел». И начал себя поверять — считает избы. «Вот эта — кумова изба, а это — братова, а эта — Кондратова, а четвертая моя». Постучал опять в окно; а его все не пускают, беда да и только. Пошел к куму, постучался. «Кто там?»—«Это я, кум».—«Чего тебе?»— «Да видишь, кум, я

немножко выпивши, не могу до своей избы дойти; проводи меня, пожалуйста». Кум оделся, вышел, смотрит — Фомка без порток в одной рубахе стоит, перезяб, трясется. Провел его до двора и стучится: «Кумушка, ты спишь?»—«Нет, кум, еще не сплю, а что там?»—«Да вот возьми своего Фому, он совсем пьяный».—«Какой там Фома? Это Мора — всю ночь около избы таскается, не дает нам спокою; мой муж давно дома». На ее речи и любовник отозвался. «Что ты, кум, я давно дома; это у тебя Мора. Брось ее к черту!»

Кум испугался, бросил Фому и убежал домой. Что делать Фомке? На дворе холодно, а в избу не попадешь. Принужден был забраться к свиньям в хлев, там и переночевал до утра. На другой день приносит баба свиньям корм, увидала мужа и говорит: «Это ты, Фомушка? Каким манером сюда попал? А я тебя всю ночь проискала».—«Молчи, жена, я и сам себя с похмелья не помню. Видно меня пьяного черти таскали».—«То-то, Фомушка, говорю тебе, не напивайся».

ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

Жила-была старуха, у ней была дочь — большая неряха. За что ни возьмется, все у ней из рук валится. Пришло время — нашелся дурак, сосватал ее и взял за себя замуж. Пожил с нею год и больше и прижил сына. Пришла один раз она к матери в гости. Эта ну ее угощать да потчевать. А дочь ест да сказывает: «Ах, матушка! Какой у тебя хлеб скус-ный, настоящий ситный, а у меня такой, что и проглотить не хочется,— настоящий кирпич». «Послушай, дочка!— говорит старуха,— ты верно нехорошо месишь квашню, оттого у тебя и хлеб не скусен. А ты попробуй квашню вымесить так, чтобы у тебя жопа была мокрая! Так и дело будет ладно».

Пришла дочь домой, растворила квашню и начала месить. Помесит-помесит, да подымет подол и пощупает — мокрая ли жопа. Часа два так месила, всю жопу выпачкала, а узнать не может, мокрая ли у ней или нет? Вот она подняла подол, стала раком и говорит сынишке: «Подь сюды, посмотри, не видать ли: мокра моя жопа али нет?» Мальчик посмотрел да и говорит: «Эге, матушка, у тебя две дырки вместе, да обе в тесте». Тут она полно месить квашню и спекла *с того теста хлебы* такие скусные, что, если б знали, как она месила,— никто бив рот не взял.

ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК

Жил-был поп да пападзья, дзьякон да дзьяко-ница. Тольки и случись так, што попадзья полюби дзьякона, а ни попа. У папа был казак, такой парень работсяга. А йон и узнай, што пападзья-то любит не папа, а дзьякона; только и думаит, как бы эдак отучить дзьякона ат пападзьи, а пападзью ат дзьякона. Вот ланно! Анной парой поехали яны с папом на пустыш. Пападзья и блинов, и пиратов напекла, а сама атпустила сваво папа с коркай хлеба. Казак смикнул, што яна настряпала для дзьякона. «По-стой-ка,— байт,— я те дам знатсь!»

Лишь только поп с казаком уехали, а дзьякон и шмык к пападзьи и ну угащатсьцы. Дзело приходит к вечиру. Поп, паработавши, стал ложитьцы спать, а казак: «Пусти-ка,— байт,— батя, я схожу на беседки к дзевкам, а на зари,— байт,— опятьсь приду к тебе работатсь».—«Што дзелатсь,— байт поп,— ступай погуляй, да матри приходзи раньше».—«Нешто»,— байт казак и ушол. Только не к дзевкам, а к пападзьи — посмотреть, што яна дзелает.

Пришел да пад акном и слушает. А дзьякон сидзит у пападзьи да и гаварит: «Ну што,— байт,— если поп или казак придет таперичка, куда мне будзет дзеватьця?»—«Я тя,— байт пападзья,— спрятаю так, што ни каторый из них не найдзет; вот матри: тольки лишь стукнет к нам в окно каторый-нибудзь, ты скорея под печку». Только лишь яна этое молвила, казак стук в окно. «Хто тама?»— «Я»,— байт. «Зачем ты?»—«Черт бы вас драл с папом-та: день работай, да и ночью покою нет! От-кутай-ка».—«Ну што?»—«Вишь,— байт,— поп велел завостринныя кольи пад печку пакидать, штабы яны тама высохли».—«Ланно,— байт папад-зья,— ступай атдыхай; я сама пакидаю».—«Да черт знает, каво из вас слушатсь! Мне батька велел, так я сам перекидаю. Посто-ка. Што это так, как ровна мешает?»—«Эта камни»,— байт пападзья.—«Ну, так ланно! прощай покаместо; я опять пойду к папу на пустыш».

Еще гдзе да зари, а уж казак будзит папа: «Ставай,— байт,— батюшка, пара на работу!» Поп скопил и ну работатсь. Весь день бенной работал — не линился. Приходзит ночь. «Пусти-ка, батя, опять меня на беседки; мне нешто полюбилось!»—«Ступай,— байт поп,— да матри, приходзи завстра нонешней порой».—«Нешто!» Пашол, да вместо посидзелок к пападзьи.

Падашол под окно да и слухат. А дзьякон-та тама так все и

гостил. «Ну што,— байт,— если апятсь тот азарник придзет, куды мне дзеваться-та?»—«Вот уж таперичка знаю,— байт пападзья,— я тебя спрятаю туды, што йон уж никогда не най-дзет. Матри, как тольки йон стукнитцы пад акном, ты вота в этот мешок, што с рожью-та, и садись, а я тее завяжу».—«Аанно,— байт,— дзело будет».

Только лишь успела это вымолвить, а казак как тут да и стучитцы пад акном. Наш дзьякон как прыснет, развязал мешок и сел в нево, а пападзья завизала да и кричит: «Хто там?»—«Я»,— байт казак. «Зачем ты?»—«Вишь поп-та покою мне не дает: день работай, ночью на мельницу поезжай!»— «Экой какой! Да так и быть,— байт пападзья,— отдыхни ночь-та, а на мельницу-та съездзишь и завтра, а не то и послезавтра; а то што теперь за езда! Ступай, ступай, атдахни».—«Да ведь черт знает, каво из вас слухать! Мне што велено, то я и дзе-лаю». Взял мешок, поднял на плечо. «Ох,— байт,— что-то дюжа грузна». Да как с плеча-та фуркнет. Дзьякон тольки тама здыхат. Вот йон апятсь да и апятсь: поднимит да кипит, поднимит да кипит. «Ну,— байт,— измучился... Черт с ним, што хочет, то и дзелает, а теперичка ни за што ни паеду на мельницу; и без таво устал. Прощай, матушка».

Паутру ранешинько, а уж казак апятсь на работа. Папу ничево ни байт а вчерашнем, работаит сибе. Апятсь вечир на дворе. Наш казак па-пре-жнаму проситцы у папа пагулятсь. «Ступай, братец, да матри приходзи раныпи!»—«Небось». Пашол опятсь туды жа, стал пад акном да и слухат. А дзьякон весь избитай, абвязавшись сидзит в переднем углу да охает: «Ох,— байт,— как меня ваш казак изувечил. Беда, как апятсь придает!»—«Вот уж таперичка,— байт пападзья,— амману — так ам-ману».—«А как?»—«Тольки лишь йон стукнит-цы пад акном, ты,— байт,— скарея и пабегай в клев, разденься да распусти волас-та, да и ходи на карачках».

Тольки лишь успела яна вымолвить, как тут казак и стучитцы; а дзьякон уж давно тама. «Што скажешь?»—«Черт вас дзери и с папом-та! измучился, а он йешщо велел напоить телят», —«Лан-но,— байт пападзья,— я сама напою».—«Иевота! я сам пойду; гдзе плетсь-та? Все ли телята дома?»— «Все».—«Ну так ланно».

Вашол в хлев, поставил пойво; тппррось, тппррось, тппррось! Теляте все падашли, только адзин стоит в углу прижавшись. «Тппрруся, бог с тобой, тппрру-ся!»— не идзет. Вот йон и плетсью йиво — ней-дзет. Вот йищо, йищо да и йищо. Дзьякон видзит дзела неланно, стал на ноги. «А, отсец дзьякон! эта ты? Как так?»—«Малчи, брат,— байт дзьякон,— ни гавари папу; вот тси сто рублев».—«Ланно, лан-но, отсец дзьякон,— байт казак,— так

и быть — никаму не скажу. Только матри к пападзьи не ходзить!» Пришел дамой в избу с дзьяконам; а пападьзя Йиму: «Батсюшка, вот тси двестси рублев, ни гавари никому».—«Так и быть, хазяюшка, никому ни скажу; тольки матри дзьякона не любитсь!»

Наш работник прожил летсину у папа, взял йищо с ниво дзенежек за работу, и стал жить да поживать, да йих паминать.

* * *

Жил себе поп. Нанимается к нему в батраки дурак. «Что же с меня,— говорит поп,— возьмешь?» Батрак отвечает: «День работать, а ночь на улицу гулять». Поп тому и рад. Вот он день работал с попом в поле; ночь приходит — батрак на улицу пошел. Вернулся домой, стучит в воротах; встречает его попадья. «Что ты, батрак, зачем?»— говорит.—«Да вот день паши, а ночью опять работай на вас,— говорит батрак,— поп велел под печь колья класть — сушить». Приносит батрак колья и начал под печку пхать; а под печкой-та сидит любовник попадьи — дьякон; все ему бока исколол. Дьякон жался, жался, не в мочь стало — лезет из-под печки. «Батрак, молчи, пожалуйста, не сказывай, что был у попадьи».

Батрак смолчал; приходит он опять к попу в поле работать. «Ну что, батрак, хороша ли улица была?»— «Эх, батюшка, славная!» Настает вечер, поп опять отпускает его на улицу. Приходит батрак домой, слушает под окном, что попадья разговаривает с дьяконом. «Ну, как дурак опять придет? куда тебе спрятаться?»—«Да куда! В закуту к овцам». Вот батрак стучится: «Отворитя ворота!»—«Что ты?»— спрашивает попадья.—«То-та, у вас день-то паши, а ночью иди скотину пой!»—«Сама поила». —«Да не знаю: не то поила, не то нет; батька велел напоить».

Батрак выгнал скотину, а дьякон с овцами на четвереньках ползет; боится, чтоб как его не признал. Скотина пьет, а дьякон уперся — не идет в реку. Вот батрак его раз десять дубиной огрел. «Что ж ты, скотина, нейдешь?» Дьякон жался, жался, да домой бежать. Батрак вернулся в избу и давай сажу обметать. «На что это, батрак?»— спрашивает попадья.—«Я не знаю; так попу захотелось». Намел кошву большую сажи, поставил на полати, а сам пошел к попу в поле пахать.

Вот опять настал вечер — батрак на улицу идет. Слушает опять под окном: дьякон тут али нет? Дьякон спрашивает: «Куды-то мне спрятаться будет?»—«Лезь в кошву с сажею — на полатях стоит; авось дурак не догадается»,— отвечает попадья. Батрак застучал в ворота. Попадья спрашивает: «Кто это?»—«Это я, матушка!»—«Зачем ты, батрак?»—«Вот тогда увидишь зачем». Схватил веретье, идет в избу, накрыл кошелку с сажею, где дьякон сидел, увязал-упутал, вынес на телегу и повез со двора.

«Куда ты? погоди, не езди, поужинай». — «Некогда».

Вот едет он мимо одной мельницы, а навстречу ему помещик. «Что ты, мужик, везешь?»—«Черта везу».—«Покажи, пожалуйста, чтой-то за черт? Я сроду не видал!» Отвечает батрак: «Нет, он уйдет; показать нельзя».—«Что же он тебе стоит?»— «Сто рублев». —«Покажи».—«Да ведь уйдет!»— «Я тебе плачу сто рублев за эвто». Батрак развязал и говорит дьякону: «Смотри же, беги прямо в речку». Как выскочит дьякон, как бросится — бултых в воду! Барин ужаснулся: «Эх, жаль,— говорит,— ведь взаправду ушел». Отдает барин батраку деньги, а он, получимши сто рублев, поехал к попу в поле. «Что ж, батрак, хороша ли улица была?»— «Еще какая знатная!»...

Целой день они работали; настает ночь, батрак опять на улицу просится. Приходит, слушает под окном, дьякон опять говорит попадье: «Экая шельма! Как он меня осрамил. Ну,— говорит,— завтра я сам в поле поеду — пахать стану».—«А я тебе, — отвечает попадья,— наварю каши, нажарю поросятинки, лепешек наделаю, полуштоф вина припасу да все и принесу. Да как тебя найтить?»—«Я буду по дороге стружки стругать; по тем стружкам прямо ко мне придешь. А лошадь у меня, сама знаешь, пегая — не то, что у попа, вороная».

Вот поутру встает попадья и принимается обед готовить, а батрак уже давно к попу воротился. Стали пахать. Пахали, пахали. «Что, батрак,— говорит поп,— а не пора ли обедать?»—«Нет, ище рано. Погоди маленько, нам попадья принесет славной обед».—«Эх, батрак, она сродясь не нашивала». —«Небось, батюшка, принесет». Тут батрак взял — скинул с себя белые портки и навязал на свою лошадь, а стружки уж он давно перетаскал к себе на дорогу. Вот попадья несет обед по стружкам. «Батька! Смотри-ка, вон попадья идет, обед несет».—«И то никак она». Попадья увидала, что не туда попала, хотела было назад воротиться, а батрак во все горло кричит: «Сюда, сюда неси, матушка». Нечего делать, пошла прямо; поп обрадовался, бежит к ней, гриву растрепав: «Ай да мать! Право слово умница». А батрак стоит без портков. «Прости,— говорит,— матушка, что без порток пахал, вишь какая жара».

Вот сели они обедать; попадья глядь-глядь по сторонам: «Это кто там пашет?» — «Отец дьякон»,— говорит поп. «Позови, поп, дьякона, а то скажет: вишь, не позвал».—«Батрак, поди позови». Батрак пришел к дьякону и говорит: «Ну, отец дьякон, поп узнал, что ты с его попадьею живешь, хочет топором тебя срубить. Нарочно затем и зовет тебя». Дьякон не пошел. Батрак приходит и говорит попу: «Нейдет — не хочет». Попадья говорит: «Эй, поп, поди сам, позови». Поп пошел. Батрак и кричит ему: «Захвати,

батюшка, топор, у него собаки злы». Поп захватил топор.

Вот дьякон увидел, что поп идет с топором, да скорее бежать с пашни; поп за ним. «Что ты, дьякон, постой, постой!»— Нет, тот все улепетывает. Попадья за ними вслед. Батрак подобрал все съестное-та, вышел на большую дорогу, сел, поедает да водочку попивает.

Наезжает на него помещик с борзыми и гончими собаками. «Не видал ли ты, мужик, каких зверей тут?»—«Э, да вон тут побежал в яругу волк, за волком медведь, за медведем лисица». Помещик кинулся в яругу, распустил всех гончих и видит: поп бежит за дьяконом, попадья за попом... Плюнул и поехал куда ему надобно.

ПОП У БАБЫ И БАТРАК

Жил мужик (хохол) да баба; у них был работник — хитрый, молодой. И повадился к той бабе поп ходить; как только услышит, что мужа дома нет, сейчас и прибежит к ней. Работник это заметил. Вот дело было в самый сенокос — собрался мужик вечером ехать к морю за песком, запряг лошадей и выехал на улицу. «Послушай, хозяин,— говорит работник,— не езди нонче за песком, воротись потихоньку назад,— увидишь, как твоя жена с попом гуляет».—«Как же мне это сделать?»—«А вот как». Взял работник лошадей, поворотил назад в сарай и говорит хозяину: «Вот тебе нож и мешок; садись в мешок, я тебя завяжу, а вот как хозяйка пошлет меня за щепками — я тебя и принесу в избу. Тогда сам узнаешь, как твоя жена с попом прохлаждаются. Станут они пить, гулять и меня с собой посадят, а после заставят петь песни. Ты хорошенько слушай, что я запою — так ты и делай».

Завязал мужика в мешок и пошел в избу. «Что, проводил хозяина?»— спрашивает работника баба.—«Проводил».—«Ну, ступай скорей — позови попа». Работник сбегал за попом; сели они за стол, стали угощаться. «Ну, работник, садись с нами; ведь ты, чай, совсем управился».—«Совсем, хозяюшка! только вот щепок надо принести — завтра печь топить поутру».—«Ну, ступай,— принеси». Работник побежал в сарай, притащил в избу мешок и положил под печку. Принялись они пить, гулять, песни затягивать. Поп порядком-таки подкутил и говорит работнику: «Спой-ка, свет, ты нам песенку».— «Нет, пускай прежде хозяюшка споет». Хозяйка затянула: «Ой, пошхав мой Григорий! Да пошхав вин до моря! Ой, Бог знае — ой, Бог висть, чи буде вин дома!» Потом запел работник: «Да чи чуешь ты, Григорий, што твоя жена говорить? Возьми нож, мех пореж; бери швидче макогон, давай жинки перегон — жинку раз, попа два... трантата-транта-та».—«Славная песня,— говорит поп,— вот тебе за нее стакан водки! Спой-ка еще разок».

Работник запел в другой раз; мужик разрезал мешок, выскочил из-под печки, ухватил макогон и давай лупить бабу — раз, попа — два. Поп насилу выбрался; в окно выпрыгнул.

ПОП РЖЕТ КАК ЖЕРЕБЕЦ

В некотором селе жил-был поп, великий охотник до молодых баб: как только увидит, бывало, в окне, что мимо двора его идет молодка — сейчас высунет голову и заржет по-жеребячьи. На том же селе жил один мужик, у которого жена была оченно хороша собой. И ходила она кажный день за водою мимо поповского двора: а поп только усмотрит ее — сейчас высунет в окно голову и заржет. Вот баба пришла домой и спрашивает у мужика: «Муженек, скажи, пожалуй, отчего это; иду я за водой мимо попова двора,— а поп на всю улицу ржет по-жеребячьи».—«Эх, дура баба! Это он тебя любить хочет. А ты смотри, как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребячьи: иго-го!— ты ему и сама заржи тонким голосом: иги-ги! Он к тебе сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой; ты его и замани; вот мы попа-то и обработаем: пусть не ржет по-жеребячьи».

Взяла баба ведра и пошла за водой. Поп увидел ее из окошка и заржал на всю улицу: «иго-го! иго-го!» А баба в ответ ему заржала: «иги-ги, иги-ги». Поп выскочил, надел подрясник, выбежал из избы к бабе: «Что, Марьюшка, нельзя ли того...»—«Можно, батюшка! вот муж сбирается в город на ярманку, только лошадей нигде не добудет».—«Ты давно бы сказала! присылай его ко мне — я дам свою пару лошадей и с повозкой: пусть себе едет». Воротилась баба домой и говорит мужу: так и так, бери у попа лошадей.

Мужик сейчас собрался и прямо к попу, а поп давно его ждет. «Сделайте милость, батюшка, дайте пару лошадей на ярманку съездить».—«Изволь, изволь, свет!» Запряг мужик поповых лошадей в повозку, приехал домой и говорит жене: «Ну, хозяйка, я выеду за деревню, постою немножко, да и назад. Пусть поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь, да застучу в ворота, он испугается и станет спрашивать: где-бы спрятаться? Ты и спрячь его в энтот сундук, что с голанской сажей стоит; слышишь? »—«Ладно!»

Сел мужик в повозку и поехал за деревню. Поп увидел и сейчас бросился к бабе: «Здравствуй, Марьюшка!»—«Здравствуй, батюшка, теперь нам своя воля — погуляем! Садись-ка за стол да выпей водочки». Поп выпил рюмку и не терпится ему: поскидал с себя рясу, и сапоги, и портки — собирается на постель ложится. Вдруг как застучат у ворот. Поп испугался и спрашивает: «Кто это, Марьюшка, стучится?»—«Ах, батюшка, ведь это мой муж домой приехал, кажись что-то позабыл».— «Куда ж мне-то, свет, спрятаться?»—«А вон порожний сундук стоит в углу, полезай

туда». Поп полез в сундук и прямо попал в сажу; улегся там, еле дышит; баба сейчас закрыла его крышкой и заперла на замок.

Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает: «Что воротился?»—«Да позабыл захватить сундук с сажею; авось на ярманке-то купят. Пособи-ка на повозку снести». Подняли они вдвоем сундук с попом и потащили из избы. «Отчего он такой тяжелый,— говорит хозяин,— кажись совсем порожний, а тяжел?» А сам тащит-тащит, да нарочно об стенку или об дверь и стукнет. Поп катается в сундуке и думает: «Ну, попал в добрый капкан». Втащили на повозку; мужик сел на сундук, и поехал на поповых лошадях в город; выехал на дорогу, как стал кнутом помахивать да коней постегивать, помчались они во весь дух.

Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею: «Поди, останови этого мужика, да спроси — куда так шибко гонит?» Лакей побежал и кричит: «Эй, мужичок, постой, постой!» Мужик остановился. «Барин велел спросить, что так шибко гонишь?»—«Да чертей ловлю, оттого шибко и гоню».—«Что же, мужичок, поймал хоть одного?»—«Одного-то поймал, а за другим гнался, а вот ты помешал. Теперь за ним не угонишься». Лакей рассказал про то барину; так и так, одного черта мужик поймал. Барин сейчас к мужику: «Покажи, братец, мне черта; я с роду их не видывал».—«Дашь, барин, сто рублей — покажу».—«Хорошо», — сказал барин.

Взял мужик *с* барина сто рублей, открыл сундук и показывает, а в сундуке сидит поп весь избитый да вымазанный сажею, с растрепанными патлами. «Ах, какой страшный,— сказал барин,— как есть черт! Волосы длинные, рожа черная, глазища так и вылупил». Потом мужик запер своего черта и опять поскакал в город. Приехал на площадь, где была ярманка, и остановился. «Что, мужик, продаешь?»— спрашивают его. «Черта»,— отвечает он.—«А что просишь?»—«Тысячу рублей»—«А меньше как?»— «Ничего меньше. Одно слово тысячу рублей». Тут собралось около мужика столько народу, что яблочку упасть негде. Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке. «Мужик, продай черта!»—«Купите».—«Ну что цена будет?»—«Тысяча рублев, да и то за одного черта без сундука, сундук-то мне нужен: коли еще поймаю черта, чтоб было куда посадить».

Купцы сложились и дали ему тысячу. «Извольте получить!»— говорит мужик; открыл сундук. Поп как выскочит — да бежать! Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнется от него в разные стороны... Так поп и убежал. «Экой черт! К эдакому коли попадешься, совсем пропадешь!»— говорят купцы промеж себя. А мужик воротился домой, отвел к попу лошадей. «Спасибо,—

говорит,— батюшка, за повозку; славно торговал, тысячу рубликов зашиб!»

После того баба его пошла за водой мимо попова двора, увидала попа, и ну ржать: иги-иги-иги! «Ну,— сказал поп,— муж твой славно меня угигикал!» С тех пор перестал поп ржать по-жеребячьи.

МУЖ ДА ЖЕНА

Жил мужик да баба; она была больно востра, не любила мужика, полюбила попа; сама не работала, да и мужу не давала, все больной прикидывалась, да посылала в разные места за лекарствами: хочется как-нибудь да извести мужа. Вот посылает его раз в Ревель за лекарем. Муж пошел, повстречался с мужиком. Тот спрашивает: «Куда идешь?»—«Да жена больна, иду приискать лекаря».—«Давай, я вылечу».—«Пойдем, батюшка! Помоги Христа ради, замучилась бедная».

Вот вернулись, стали подходить к избе; лекарь и говорит: «Погодит-ко на дворе, дай я наперед посмотрю, что с ней деется?» Заглянул в окно — она с попом гуляет, харчей, вина и браги — всего вдоволь. Он и просится: «Хозяюшка, пусти ночевать». Она было не хотела, да поп говорит: «Пусти, ведь он не знает: ни кто ты, ни кто я».

Пустила его в избу и накормила-напоила, мужик говорит: «Хозяюшка, мне бы соломки надобно».— «Пойди в пелевню, возьми сколько надобно». Он пошел, завернул хозяина в солому и принес в избу. После ужина баба с попом заплясала. «Мужичок,— говорит,— спой песенку».—«Прежде ты спой, а потом я спою». Она пляшет и поет: «Пошел мужик до Ревеля, пошел мужик до лекаря; ему дома не бывать, жены не видать». А мужик запел: «Слышишь ли, солома, что деется дома? Кнут висит на стене, быть ему на спине». Мужик выскочил из соломы и ну дуть попа да хозяйку. Важно отдул. Перестала хворать.

ХИТРАЯ БАБА

Жил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожилися. И говорит жена мужу: «Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить». — «А как поправиться?»—«Уж я придумала, только не ругай меня».—«Ну, делай, коли придумала».—«Спрячься-ка,— говорит жена,— да выжидай; а я пойду приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем».—«Ну, хорошо!» Вот взяли они короб, насыпали сажею и поставили на полатях. Муж спрятался, а жена набелилась, нарумянилась, убралася и вышла на улицу, да и села подле окошечка — такая нарядная.

Немного погодя едет мимо верхом на лошади поп, подъехал близко и говорит: «Что, молодушка, нарядилася, али у тебя праздник какой?»—«Какой праздник, с горя нарядилася: теперь я одна дома».— «А муж где?»—«На работу уехал».—«Что ж, голубушка, твоему горю пособить можно; пусти-ка меня к себе в гости, так и не будешь одна ночь коротать».— «Милости просим, батюшка!»—«Куда ж лошадь девать-то?»—«Веди во двор. А я велю батраку прибрать ее».

Вот вошли они вдвоем в избу. «Как же, голубушка, надо наперед выпить; вот целковый — посылай за вином». Принес батрак им целый штоф водки; они выпили и закусили. «Ну, теперь пора и спать ложиться,— говорит поп,— поваляемся да и поебемся немножко».—«Послушай, батюшка! Коли грешить — так грешить: раздевайся догола, так веселее!» Поп разделся донага и только улегся на кровать, как муж застучал шибко-нашибко. «Ох, беда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб!» Поп вскочил в короб и улегся в саже. А муж идет в избу да ругается: «Что ты, мать твою разъедак! Дверь долго не отворяешь! »

Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу и села под окошечком. Едет мимо дьякон. С ним то ж случилось. Как застучал муж, дьякон, раздетый догола, чебурах в короб с сажей и прямо попал на попа: «Кто тут?»—«Это я,— говорит поп шепотом.— А ты, свет, кто?»—«Я, батюшка, дьякон».—«Да как ты сюда попал?»—«А ты, батюшка, как? Уж молчи, чтоб хозяин не услыхал, а то беда будет».

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка дьячка. Очутился и он в коробе с сажей; ощупал руками попа и дьякона: «Кто здесь?»— «Это мы, я и отец дьякон,— говорит поп,— а ты, кажись, дьячок?»—«Точно так, батюшка». Наконец пошла хозяйка

на’улицу и звонаря заманила. Звонарь только разделся, как раздался шум и стук, он бултых в короб: «Кто тут?»—«Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком; а ты, кажись, звонарь?»— «Так точно, батюшка».—«Ну, свет, теперь весь причт церковной собрался ».

Муж вошел и говорит жене: «Нет ли у нас сажи продажной? Спрашивают, купить хотят».—«Пожалуй, продавай,— говорит жена,— на полатях целый короб стоит». Взяли они с батраком, взвалили этот короб на телегу и повезли по большой дороге. Едет барин: «Сворачивай!»— кричит во всю глотку.—«Нельзя, у меня черти на возу».—«А покажи»,— говорит барин.—«Дай пятьсот рублей!»— «Что так дорого?»—«Да коли открою короб, только и видел их: сейчас уйдут». Дал ему барин пятьсот рублев: как открыл он короб — как выскочил оттуда весь причт церковный да во всю прыть бежать — настоящие черти, измазанные да черные.

ХИТРАЯ ЖЕНА

Жил-был бедняк чеботарь, ничего за душой не было, и пошел он на выдумки; попросил товарищей придти с утра на свой пустырь с лопатами да носилками и обещал им за то выставить на последние деньги ведро водки, и начали они на улице рвы копать. Увидал то богатой купец и стал спрашивать бедного: «Что он делает?» А парень в ответ: «Хочу дом каменный ставить, так вот рвы копаю».

Купец поверил. На другой день посватался парень за купеческую дочь. Купец обрадовался: «У него, вить,— думает,— деньги есть». И выдал за него свою Машу. А Маша была куда хитра. Видит, что у мужа нет ничего, и вздумала поправиться; оделась в цветные платья и пошла гулять по городу; подходит к монастырю, видит — стоит у ворот монах. Она к нему под благословение.

Монах благословил, да и позарился на бабу: «Зачем,— говорит,— милая, сюда зашла?»—«Да что от вас, отец святой, утаишь, а от бога-то нет; по правде сказать, погулять хочется...»—«Ну, это ничего. Хочешь ли со мной познакомиться?»— Маша ответила, что не прочь с ним знакомство свести, коли даст за то сто рублев, объявила ему свою квартиру и велела приходить вечером. Воротившись домой, рассказала про все мужу, села под окошечко и дожидается гостя.

Как только стемнело, а монах уж тут. «Ах, это вы, душенька! — встречает его Маша.— Пожалуйте сюда!» Впустила его в комнату. Монах снял свой клобук и рясу, взял Машу, посадил к себе на колени.—«Постойте,— говорит Марья Гавриловна,— отдайте наперед, ваше преподобие, рядные деньги». Монах вынул деньги и отдал сто рублев. Хозяйка взяла, а муж подошел тут к двери и давай кричать сердито: «Эй, шкура! Отпирай двери!» Монах испугался: «Что такое?»—«Ах, милушка, ведь это мой хозяин пришел, да никак еще пьяный».— «Ох, куда ж я-то деваюсь?»— А у чеботаря стояла большая кадка, в которой мочил он кожи; Марья Гавриловна посадила туда монаха и закрыла крышкою; потом отперла дверь и впустила мужа. Он вошел и закричал: «Что, курва, намочила ль кожи?»— «Намочила, голубчик!»—«Врешь».—«Да хоть сам посмотри». Он поднял крышку, заглянул в кадку и заревел: «Это что за черт сидит?» Ухватил монаха за волосы, вытащил из кадки и ударил об пол, да таково крепко, что из него и дух вон. Что тут делать? Взял мертвое тело и положил пока в подполье.

На другой день Маша нарядилась и пошла опять прогуляться,

дошла до монастыря, встретила иного монаха и того к себе на ночь подговорила. Пришел святой отец в гости и только было хотел разговеться, как муж в дверь застучал. Монах с испугу под печь схоронился, где лежали старые колодки. Вошел муж в избу: «Ну, что, шкура, нашла мои колодки?»—«А я тебе что за слуга! Ищи сам, коли надо». Он взял свечку, заглянул под печку, увидал монашьи ноги: «Это что за ноги?» Ухватил монаха, вытащил, ударил об пол и убил до смерти, а убивши, спрятал в подполье.

На те деньги, что жена взяла с гостя, купили они вина и закусок и пировали себе, как ни в чем не бывало.

На третий день Марья Гавриловна подговорила третьего монаха, взяла с него сто рублев и запрятала в печь. Муж вошел в избу, и просит у жены поесть. А она говорит: «Что есть в печи, то и на стол мечи!» Чеботарь открыл заслонку и закричал: «Это что за гусь в печи?» Вытянул монаха за длинные космы, ударил об пол, убил до смерти и бросил в подполье. После того думает он себе: «Куда ж я их деваю?» Взял три рубля денег и пошел в кабак, а там на ту пору пьяница Тимошка Кавардак. Стали они вместе пить да гулять; выпили целый штоф. Тимошка просит приятеля: «Возьми еще полштофа».—«Как же? За что тебя поить-то?»—«Всем заслужу! Только прикажи». Чеботарь купил ему пол-штофа, вывел его в сени и говорит: «Надо-де снести мертвого монаха; залез ко мне в голбез, да там и окачурился».—«Ишь его леший занес куда! Да ладно,— говорит,— все сделаю».

Пошли они домой; ночью взвалил Тима монаха на плечи и понес в воду; прилунилось ему идти мимо монастыря; около ворот стоит придверник и окликает: «Кто идет?»—«Черт»,— отвечает Тима. «Кого несет?»—«Монаха!»—«Ахти, какая беда! Да куда ж он несет?»—«В воду». Придверник побежал к настоятелю с докладом: «Ваше преподобие, черт-де монаха унес!» Настоятель оградил себя крестным знамением: «Что ты, дурак, бредишь!»— и прогнал его вон. Тима успел уже бросить одного мертвеца в воду и воротился к чеботарю. «Ну,— говорит,— обработал дело, снес монаха».—«А это что?»— отвечает ему чеботарь и показывает на другого монаха; он вытащил его из подполья. Тима давай пихать мертвеца ногами: «Ах ты, дьявол длинногривый, прежде меня успел назад прибежать!»

Схватил его за плечи и потащил опять тою же дорогою. Монастырский привратник опять спросил Тимошку, получил прежние ответы и побежал снова с докладом к его преподобию. Настоятель диву давался и велел пересчитать монахов. Пересчитали — трех как есть недостает. Настоятель крепко смутился, взял крест в руки, велел монахам поднять иконы и обходить монастырь крестным ходом. Надо же отстаивать себя от

нечистой силы. Пока все это готовилось, Тиме пришлось стащить в воду третьего мертвеца: «Ишь,— говорит Тима,— ты все из воды бегаешь? Так я же ухитрюсь, свяжу тебя веревкою по рукам и по ногам, авось в омуте останешься».

Спутал мертвецу руки и ноги, стянул крепко-накрепко, выпил стакан-другой вина и понес к реке. Идет мимо монастыря, а навстречу ему сам настоятель и иноки, с крестами, образами и хоругвиями, тянутся вереницею и поют псалмы: «Кто идет?»— спрашивает опять привратник.—«Черт!»—«Что несет?»—«Монаха!»—«Куда?»—«В омут!» Монахи испугались, побросали кресты и образа и пустились — кто куда попало. А Тима им вдогонку: «Вот я до вас доберусь! Лови их! Держи их!» Тем дело и кончилось.

ЛИСА И ЗАЯЦ

Пришла весна, разыгралась у зайца кровь. Хоть он силой и плох, да бегать резов и ухватка у него молодецкая. Пошел он по лесу и вздумал зайтить к лисе. Подходит к Лисицыной избушке, а лиса на ту пору сидела на печке, а детки ее под окошком. Увидала она зайца и приказывает лисиняткам: «Ну, детки! Коли подойдет косой да станет спрашивать, скажите, что меня дома нету. Ишь его черт несет! Я давно на него, подлеца, сердита; авось теперь как-нибудь его поймаю». А сама притаилась.

Заяц подошел и постучался.—«Кто там?»— спрашивают лисинятки.—«Я,— говорит заяц.— Здравствуйте, милыя лисинятки! Дома ли ваша матка?»—«Ее дома нету!»—«Жалко! Было еть — да дома нет!»— сказал косой и побежал в рощу.

Лиса услыхала и говорит: «Ах он сукин сын, косой черт! Охаверник едакой! Погоди же, я ему задам зорю!»

Слезла с печи и стала за дверью караулить, не придет ли опять заяц. Глядь — а заяц опять пришел по старому следу и спрашивает лисинят: «Здравствуйте, лисинятки! Дома ли ваша матка?»—«Ее дома нету!»—«Жаль,— сказал заяц,— я бы ей напырял по-своему!»

Вдруг лиса как выскочит: «Здравствуй, голубчик!» Зайцу уж не до ебли, со всех ног пустился бежать, ажно дух (в ноздрях) захватывает, а из жопы орехи сыплются. А лиса за ним.—«Нет, косой черт, не уйдешь!» Вот-вот нагонет! Заяц прыгнул и проскочил меж двух берез, который плотно срослись вместе. И лиса тем же следом хотела проскочить, да и завязла: ни туда, ни сюда! Билась-билась, а вылезть не сможет.

Косой оглянулся, видит — дело хорошее, забежал с заду и ну лису еть, а сам приговаривает: «Вот как по-нашему! Вот как по-нашему!» Отработал ее и побежал на дорогу; а тут недалечко была угольная яма — мужик уголья жег. Заяц поскорей к яме, вывалялся весь в пыли да в саже и сделался настоящий чернец.

Вышел на дорогу, повесил уши и сидит. Тем временем лиса кой-как выбралася на волю и побежала искать зайца; увидала его и приняла за монаха. «Здравствуй,— говорит,— святый отче! Не видал ли ты здесь косаго зайца?»—«Котораго? Что тебя давече еб?» Лиса вспыхнула со стыда и побежала домой: «Ах он подлец! Уж успел по всем монастырям расславить!» Как лиса ни хитра, а заяц-то ее попробывал!

ВОРОБЕЙ И КОБЫЛА

У мужика на дворе сидела куча воробьев; один воробей и начал пред своими товарищами похваляться. «Полюбила,— говорит,— меня сивая кобыла, часто на меня посматривает; хотите ли, отделаю ее при всем нашем честном собрании?»— «Посмотрим!»— говорят товарищи.

Вот воробей подлетел к кобыле и говорит: «Здравствуй, милая кобылушка!»—«Здравствуй, певец! Какую нужду имеешь?»—«А такую нужду — хочу попросить у тебя...»

Кобыла говорит: «Это дело хорошее; по нашему деревенскому обычаю, когда парень начинает любить девушку, он в ту пору покупает ей гостинцы: орехи и пряники. А ты меня чем дарить будешь?»— «Скажи только, чего хочешь».—«А вот: натаскай-ка мне по одному зерну четверик овса; тогда и любовь у нас начнется».

Воробей из всех сил стал хлопотать, долго трудился и натаскал-таки наконец целый четверик овса. Прилетел и говорит: «Ну, милая кобылушка! Овес готов!» А у самого сердце не терпит — и рад, и до смерти боится. «Хорошо,— отвечает кобыла,— откладывать дела нечего; вить истома пуще смерти, да и мне век честною не проходить, по крайней мере от молодца потерпеть не стыдно! Приноси овес да созывай своих товарищей — быль молодцу не укора! А сам садися на мой хвост, подле самой жопы, да дожидайся, пока я хвост подыму».

Стала кобыла кушать овес, а воробей сидит на хвосте; товарищи его смотрят, что такое будет. Кобыла ела, ела да и забздела, подняла хвост, а воробей вдруг и порхнул кобыле в зад. Кобыла прижала его хвостом; тут ему плохо пришлось, хоть помирай!

Вот она ела, ела да как перднет; воробей оттуда и выскочил, и стал он похваляться пред товарищами: «Вот как! Небось от нашего брата и кобыла не стерпела, ажно запердела!»

МЕДВЕДЬ И БАБА

Пахала баба в поле; увидал ее медведь и думает себе: «Что я ни разу не боролся с бабами! Сильнее она мужика или нет? Мужиков довольно-таки я поломал, а с бабами не доводилось повозиться».

Вот подошел он к бабе и говорит: «Давай-ка поборемся!»—«А если ты, Михайло Иванович, разорвешь у меня что?»—«Ну, если разорву, так улей меду принесу».—«Давай бороться!»

Медведь ухватил бабу в лапы, да как ударит ее об земь — она и ноги кверху задрала, да схватилась за пизду и говорит ему: «Что ты наделал? Как теперь мне домой-то показаться, что я мужу-то скажу!»

Медведь смотрит — дыра большущая, разорвал! И не знает, что ему делать. Вдруг откуда не взялся — бежит мимо заяц. «Постой, косой!— закричал на него медведь.— Поди сюда!»

Заяц подбежал. Медведь схватил бабу обеими лапищами за края пизды, натянул их кверху, потом приказал косому держать в своих лапках, а сам побежал в лес, надрал лык целый пук — едва тащит! Хочет зашивать бабе дыру. Принес лыки да как бросит оземь, баба испугалась да как перд-нет, так заяц с испугу аршина на два подскочил вверх. «Ну, Михайло Иваныч! По целому лопнуло!»—«Пожалуй, она вся теперь излопается!»— сказал медведь и с испугу бросился что есть духу бежать; так и ушел!

ВОЛК

Был мужик, у него была свинья, и привела она двенадцать поросят; запер он ее хлев, а хлев-то был сплетен из хворосту. Вот на другой день пошел мужик посмотреть поросят, сосчитал — одного нету. На третий день опять одного нету. Кто ворует поросят?!

Вот и пошел старик ночевать в хлев, сел и дожидается, что будет. Прибежал из лесу волк да прямо к хлеву, повернулся к двери жопою, надавил и просунул в дыру свой хвост и ну хвостом-то шаркать по хлеву. Почуяли поросята шорох и пошли от свиньи к дверям нюхать около хвоста. Тут волк вытащил хвост, поворотился передом, всунул свою морду, схватил поросенка и удрал в лес. Дождался мужик другого вечера, пошел опять в хлев и уселся возле самых дверей. Стало темно, прибежал волк и только засунул свой хвост и начал шаркать им по сторонам, мужик как схватит обеими руками за волчий хвост, уперся в дверь ногами и во весь голос закричал: «Тю-тю-тю».

Волк рвался, рвался и зачал срать, и потуда жилился, пока хвост оторвал. Бежит, а сам кровью дрищет; шагов двадцать отбежал, упал и издох. Мужик снял с него кожу и продал на торгу.

МУЖИК, МЕДВЕДЬ, ЛИСА И СЛЕПЕНЬ

...и не *знает, что ему делать.* Да потом надумался (мужик), схватил в охапку свою жену и повалил ее на полосу; она кричит, а мужик говорит: «Молчи!»

Да все свое: поднял ей сарафан и рубаху и поднял ноги кверху как можно выше. Медведь увидал, что мужик дерет какую-то бабу, и говорит: «Нет, лиса! Вы с слепнем как хотите, а я ни за что не пойду к мужику!»—«Отчего?»—«Да оттого — по-смотри-то, вишь он опять кого-то пежит!»

Вот лиса смотрела-смотрела и говорит: «И точно, твоя правда, в самом деле он кому-то ноги ломает!» А слепень глядел-глядел и себе тож говорит: «Совсем не то — он кому-то соломину в жопу пихает!» Всякой, знать, свою беду поминает; ну, ад-наче, слепень лучше всех отгадал... Медведь с лисой ударились в лес, а мужик остался цел и невредим.

КОТ И ЛИСА

(Мужик прогнал из дому блудливого кота в лес.) А в этом лесу жила-была лиса, да такая блядь! Все валялась с волками да медведями. Повстречала она кота, разговорились о том о сем. Лиса и говорит: «Ты, Котофей Иванович, холост, а я незамужняя жена! Возьми меня за себя».

Кот согласился. Пошел у них пир и веселье; после пира надо коту по обряду иметь с лисицею грех. Кот взлез на лису, не столько ебет, сколько костями дерет, а сам еще кричит: «Мало, мало, мало!»—«Вот еще какой!— сказала лисица,— ему все мало!..»

ВОШЬ И БЛОХА

Повстречала вошь блоху: «Ты куда?»—«Иду ночевать в бабью пизду».— «Ну, а я залезу к бабе в жопу». И разошлись.

На другой день встретились опять. «Ну, что, каково спалось?»— спрашивает вошь. «Уж не говори! Такого страху набралась: пришел ко мне какой-то лысой и стал за мной гоняться, уж я прыгала-прыгала, и туда-то, и сюда-то, а он все за мной, да потом как плюнет, так и окатил всю!»—«Что ж, кумушка! И ко мне двое стучались; да я притаилась; они постучали себе-постучали, и с тем прочь пошли».

СОБАКА И ДЯТЕЛ

...Стала баба ловить дятла и поймала-таки, и посадила под решето. Приехал домой мужик; хозяйка его встречает. «Ну, жена, — говорит он,— со мною на дороге несчастье случилось».—«Ну, муж,— говорит она,— и со мною несчастье!» Рассказали друг дружке все как было. «Где же теперича дятел? Улетел?»— спросил мужик. «Я его поймала и под решето посадила».—«Хорошо же, я с ним разделаюсь! Прямо съем его живого!»

Открыл решето и только хотел взять дятла в рот — он порхнул ему прямо в рот живой и проскочил головою в жопу; высунит из мужиковой жопы голову, закричит: «Жив, жив!»— и спрячется, потом опять высунит голову и опять закричит; не дает мужику спокою.

Видит мужик, что беда, и говорит хозяйке: «Возьми-ка полено, а я стану раком; как только дятел высунит голову, ты его хорошенько и огрей поленом-то!»

Стал раком; жена взяла полено, и только дятел высунул голову — махнула поленом, в дятла-то не попала, а мужику жопу отшибла. Что делать мужику, никак не выживить из себя дятла, все просунит голову из жопы да и кричит: «Жив, жив!»—«Возьми-ка,— говорит он жене,— острую косу, а я опять стану раком, и, как только высунит дятел голову — ты и отмахни ее косою».

Взяла жена острую косу, а мужик стал раком; только высунула птица голову, хозяйка хватила косою, головы дятлу не отрезала, а жопу мужику отхватила. Дятел улетел; а мужик весь кровью изошел и помер.

ПИЗДА И ЖОПА

В одно время поспорили меж собой пизда и жопа и такой подняли шум, что святых выноси! Пизда говорит жопе: «Ты бы, мерзавка, лучше молчала! Ты знаешь, что ко мне каждую ночь ходит хорошой гость, а в ту пору ты только бздишь да коптишь!»—«Ах ты, подлая пиздюга!— говорит ей жопа.— Когда тебя ебут, по мне слюни текут — а я ведь молчу!» Все это давно было, еще в то время, когда ножей не знали, хуем говядину рубили.

МОЙ ЖОПУ

Жили муж да жена. Вот, бывало, как подаст жена мужу обедать, он и начнет ее колотить, а сам еще и приговаривает: «Мой жопу, мой жопу!» Вот она и начнет мыть жопу, трет ее и песком, и рогожею, так что кровь пойдет,— а только что подаст мужу обедать, он начнет ее колотить и опять приговаривает: «Мой жопу, мой жопу!» Вот она и говорит своей тетке: «Что это, тетушка, когда я подаю мужу обедать, он всегда меня бьет и приговаривает: «Мой жопу, мой жопу!» Кажись, я и так мою, даже до крови растираю!»—«Эх ты, дура, дура! Ты мой-то жопу, да не свою, а у чашки». Как стала мыть жопу у чашки, так и перестал ее бить муж.

ХУДО — НЕ ХУДО

...жернова по воде плавают, на них собака сидит, голову согнувши, хвост в жопу воткнувши, повизгивает, муку полизывает.

«А ехал мимо архиерейского дома?»—«Ехал; там кони поседланы, седоки посажены, в трубы грают, черт знает — кого, ебена мать, величают! Говорят: архирея на соловой кобыле венчают...»—«А ростовского медведя видел? » — «Видел». — «Каков?» — «Серый!»—«Какой, ебена мать, медведь? Пошел к хую; не бредь! Это волк».—«Хуй те в лоб! У нас волк по лесу побегивает, ушми подергивает».—«Это заяц».— «Кляп ты знаешь! Это трус».—«Говна тебе кус!..»

ДУРЕНЬ

Жил мужик да баба, у них был сын-дурак. Задумал он, как бы жениться да поспать с женою, и то и дело пристает к отцу: «Жени меня, батюшка!» Отец и говорит ему: «Погоди, сынок! Еще рано тебя женить: хуй твой не достает еще до жопы; когда достанет до жопы — в ту пору тебя и женю».

Вот сын схватился руками за хуй, натянул его как можно крепче, глянул — и точно правда, не достает немного до жопы. «Да,— говорит,— и то рано мне жениться, хуй еще маленькой, до жопы не хватает! Надо повременить годик-другой».

Время идет себе да идет, а дураку только и работы, что натягивает хуй. И вот-таки добился он толку, стал хуй его доставать не только до жопы — и через хватает, и говорит отцу: «Ну, батюшка! Теперича пора меня женить: хуй мой через жопу хватает! Не стыдно будет и с женою спать; сам ее удовольствую, не пущу в чужие люди!» Отец подумал себе: «Какого ожидать от дурака толку!» И сказал ему: «Ну, сынок! Когда хуй у тебя такой большой вырос, что через жопу хватает, то и женить тебя не для чего; живи холостой, сиди дома, да своим хуем еби себя в жопу!» Тем дело и кончилось.

ЩУЧЬЯ ГОЛОВА

Жили-были мужик да баба, у них была дочь, девка молодая. Пошла она бороновать огород; бороновала, бороновала, только и позвали ее в избу блины есть. Она пошла, а лошадь совсем с бороною оставила в огороде: «Пущай постоит, пока ворочусь».

Только у ихнего соседа был сын — парень глупой. Давно хотелось ему поддеть эту девку, а как — не придумает. Увидел он лошадь с бороною, перелез через изгороду, выпряг коня и завел его в свой огород, а борону хоть и оставил на старом месте, да оглобли-то просунул сквозь изгородь на свой огород и запряг опять лошадь-то.

Девка пришлая и далась диву: «Что бы это такое — борона на одной стороне забора, а лошадь на другой?» И давай бить кнутом свою клячу да приговаривать: «Кой черт тебя занес! Умела втесаться, умей и вылезть; ну, ну, выноси!» А парень стоит, смотрит да посмеивается. «Хошь,— говорит,— я выведу тебе лошадь; только согласись со мною...» Девка-то была воровата: «Пожалуй!»— говорит, а у самой на примете была старая щучья голова, на огороде валялась, разинувши пасть. Она подняла ту голову, засунула в рукав и говорит: «Я к тебе не полезу, да и ты сюда-то не лазь, чтоб не увидал кто; а давай-ка лучше скрозь этот тын; ну скорей просовывай кляп-ат! Я тебе уж наставлю».

Парень вздрачил кляп и просунул его скрозь тын, а девка взяла щучью голову, раззявила ее и насадила на плешь. Он как дернет — и ссадил хуй до крови; ухватился за кляп руками и побежал домой, сел в угол и помалкивает. «Ах, мать ее так,— думает про себя,— да как больно пизда-то у нее кусается! Только бы хуй зажил, а то я сроду ни у какой девки просить не стану!»

Вот пришла пора; вздумали женить этого парня, сосватали его на соседской же девке и женили. Живут они день, и другой, и третий, и неделю живут, другую и третью; парень боится и дотронуться до жены.

Вот надо ехать к теще; поехали. Дорогой моло-дая-то и говорит мужу: «Послушай-ка, милый Да-нилушка! Что же ты женился, а дела со мной не имеешь? Коли не сможешь, на что было чужой век заедать даром?» А Данила ей: «Нет, теперь ты меня не обманешь! У тебя пизда-то кусается. Мой кляп с той поры долго болел, насилу зажил».— «Врешь,— говорит она,— это я в то время пошутила над тобою, а теперь не бойся! На-ка попробуй хоша дорогою, самому полюбится». Тут его взяла охота, заворотил ей подол и сказал: «Постой, Варю-ха, дай-кася я тебе ноги привяжу; коли станет кусаться — так я смогу выскочить да

уйти».

Отвязал он вожжи и стал скручивать ей голые ляжки. Струмент у него был порядочной, как надавил он Варюху-та, как она закричит благим матом, а лошадь была молодая, испугалась и начала мыкать (сани то туда, то сюда!), вывалила парня, а Варюху-то с голыми ляжками и примчала на тещин двор. Теща смотрит в окно, видит: лошадь-то зятева, и подумала: верно, это он говядины к празднику привез; пошла встречать, а то ее дочка. «Ах, матушка,— кричит,— развяжи-ка поскорее, покедова никто не видал».

Старуха развязала ее, расспросила, что и как. «А муж-то где?»—«Да его лошадь вывалила!» Вот вошли в избу, смотрят в окно — идет Данилка, подошел к мальчишкам, что в бабки играли, остановился и загляделся. Теща послала за ним старшую дочь. Та приходит: «Здраствуй, Данила Иваныч!»—«Здорово!»—«Иди в избу! Только тебя и недостает!»—«А Варвара у вас?»—«У нас».—«А кровь у нее унялась?» Та плюнула и ушла от него.

Теща послала за ним сноху; эта ему угодила: «Пойдем, пойдем, Данилушка! Уж кровь давно унялась». Привела его в избу, а теща встречает и говорит: «Добро пожаловать, любезный зятюшка!»— «А Варвара у вас?»—«У нас».—«А кровь у нее унялась?»—«Давно унялась».

Вот он вытащил свой кляп, показывает теще и говорит: «Вот, матушка! Это мыло все в ней было!»— «Ну, ну, садись, пора обедать». Сели и стали пить и есть. Как подали яичницу, дураку и захотелось всю ее одному съесть; вот он и придумал, да и ловко же: вытащил кляп; ударил по плеши ложкою и сказал: «Вот это мыло все в Варюхе было!»— да и начал мешать своею ложкою яичницу. Тут делать нечего, полезли все из-за стола вон, а он приел яичницу один и стал благодарствовать теще за хлеб-за соль.

БОЯЗЛИВАЯ НЕВЕСТА

Разговорились промеж себя две девки. «Как ты — а я, девушка, замуж не пойду!»—«А что за неволя идти-то? Ведь мы не господския».—«А видала ль ты, девушка, тот струмент, каким нас пробают?»— «Видала».—«Ну, что же — толст?»—«Ах, девушка, право, у другого толщиною будет с руку».—«Да это и жива-то не будешь!»—«Пойдем-ка, я потычу тебя соломинкою — и то больно!» Поглупей-то легла, а поумней-то стала ее тыкать соломинкою. «Ох, больно!» Вот одну девку отец приневолил и отдал замуж. Оттерпела она две ночи и приходит к своей подруге: «Здраствуй, девушка!» Та сейчас ее расспрашивать, что и как. «Ну, — говорит молодая,— если б да я знала-ведала про это дело, не послушалась бы ни отца, ни матери. Уж я думала, что и жива-то не буду, и небо-то мне с овчинку показалось!» Так девку напугала, что и не поминай ей про женихов. «Не пойду,— говорит,— ни за кого, разве отец силою заставит, и то выйду ради одной славы за какого-нибудь безмудаго».

Только был в этой деревне молодой парень, круглой бедняк; хорошую девку за него не отдают, а худой самому взять не хочется. Вот он и послушал ихний разговор. «Погоди ж,— думает, — мать твою так! Улучу время, скажу, что у меня кляпа-то нет!»

Раз как-то пошла девушка к обедне, смотрит, а парень гонит свою худенькую да некованую клячу на водопой. Вот лошаденка идет, идет да и спотыкнется, а девка так смехом и заливается. А тут пришлась еще крутая горка, лошадь стала взбираться, упала и покатилась назад. Рассердился парень, ухватил ее за хвост и начал бить немилостиво да приговаривать: «Вставай, чтоб тебя ободрало!»— «За что ты ее, разбойник, бьешь?»— говорит девка. Парень поднял хвост, да смотрит и говорит: «А что с ней делать-то? Теперь бы ее еть да еть, да хуя-то нет!» Как услыхала она эти речи, так тут же ажно и усцалась от радости и говорит себе: «Вот Господь дает мне жениха за мою простоту!» Пришла домой, села в задний угол и надула губы.

Стали все за обед садиться, зовут и ее, а она сердито отвечает: «Не хочу!»—«Поди, Дунюшка!— говорит мать,— или о чем раздумалась? Скажи-ка мне». А отец говорит: «Ну, что губы-то надула? Может, замуж захотела? Хошь за этого, а не то за этого?» А у девки одно в голове, как бы выйти замуж за безмудова Ивана. «Не хочу,— говорит,— ни за кого; хочете — отдайте, хочете — нет за Ивана».—«Что ты, дурища, сбесилась али с ума спятила? Тыс ним по миру находишься!»—«Знать, моя судьба такая! Не отдадите — пойду утоплюсь не то удавлюся...» Что будешь

делать? Прежде старик и на глаза не принимал энтого бедняка Ивана, а тут сам пошел набиваться со своею дочерью. Приходит, а Иван сидит да чинит старой лапоть. «Здорово, Иванушка!»—«Здорово, старик!»— «Что поделываешь?»—«Хочу лапти заковыривать».— «Лапти! Ходил бы в новых сапогах».—«Я на лыки-то насилу собрал пятнадцать копеек; куда уж тут сапоги!»—«А что ж ты, Ваня, не женишься?»—«Да кто за меня отдаст девку-то?»—«Хочешь, я отдам! Целуй меня в самой рот!» Ну и сладили. У богатого не пиво варить, не вино курить; в ту ж пору обвенчали; отпировали, и повел друж ка молодых в клеть и уложил спать. Тут дело знамое: пронял Ванька молодую до крови, ну да и дорога-то была туды! «Эх, я дура глупая!— подумала Дунька.— Что я наделала? Уж ровно бы принять страху, выйтить бы мне за богатого! Да где он кляп-то взял? Дай спрошу у него». И спросила-таки: «Послушай, Иванушка! Где ты хуй-то взял?»—«У дяди на одну ночь занял».—«Ах, голубчик, попроси у него еще хоть на одну ночку». Прошла и другая ночь; она опять говорит: «Ах, голубчик, спроси у дяди, не продаст ли тебе хуя совсем? Да торгуй хорошенько».—«Пожалуй, поторговаться можно». Пошел к дяде, сговорился с ним и приходит домой.

«Ну что?»—«Да что говорить! С ним не столкуешься; триста рублев заломил, эдак не укупишь; где я денег-то возьму?»—«Ну, сходи, попроси взаймы еще на одну ночку; а завтра я у батюшки выпрошу денег — и совсем купим».—«Нет уж, иди сама проси, а мне, право, совестно!» Пошла она к дяде в избу, помолилась Богу и поклонилась: «Здра-ствуй, дядюшка!»—«Добро пожаловать! Что хоро-шаго скажешь?»—«Да что, дядюшка, стыдно сказать, а грех утаить: одолжите Ивану на одну ночку хуйка вашего». Задумался дядя, повесил голову и сказал: «Дать можно, да чужой хуй беречь надыть!»— «Будем беречь, дядюшка, вот те хрест! А завтра

беспременно совсем его у тебя купим».—«Ну, присылай Ивана!» Тут она кланялась ему до земли и уходила домой. А на другой день пошла к отцу, выпросила мужу 300 рублев, и купили они себе важной кляп!

ГОРЯЧИЙ кляп

Был-жил мужик, у него была дочь. Говорит она отцу: «Батюшка, Ванька просил у меня поеть».— «Э, дурная! Зачем давать чужому; мы и сами по-ебем!» Взял гвоздь, разжег его в печи и прямо ей в пизду и вляпал, так что она три месяца сцать не могла! Ванька повстречал эту девку да опять начал просить: «Дай-де мне поеть». Она и говорит: «Бре-шишь, черт Ванька! Меня батюшка поеб, так пизду обжег, что я три месяца не спала!»—«Не бось, дура! У меня холодной кляп».—«Врешь, черт Ванька! Дай-ка я пощупаю».—«На, пощупай!» Она взяла его за хуй рукою и закричала: «Ах ты, черт эдакой! Вишь теплой; макай в воду». Ванька стал макать в воду, да с натуги и забздел. А она: «Ишь зашипел! Ведь сказывала, что горяч, как еще обмануть, вор, хочет». Так и не дала Ваньке.

СЕМЕЙНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Был-жил мужик, у него была жена, дочь да два мальчика — еще малые ребята. Раз пошла мать с детьми в баню, посбирала черное белье и начала стирать его, стоя над корытом, а к мальчикам-то повернулась жопою. Вот они смотрят да смеются: «Эх, Андрюшка! Посмотри-ка, ведь у матушки две пизды».—«Что ты врешь! Это — одна, на двое раздвоилась».—«Ах вы, сопливые черти!— закричала на них мать.— Вишь что выдумали». Пришла баба в избу, легла с дочкою на печь, и стали меж собой разговаривать. «Ну, дочка,— сказывает мать,— скоро тебя замуж пора отдавать; будешь тоды с мужем жить, а не с нами».—«Да я, матушка, не хочу замуж итить!»—«Что ты, что ты, глупая! Да чего тебе бояться? Добрыя девки еще тому радуются...»—«Да чему радоваться-та?»—«Как чему? Переспишь с мужем первую ночь, променяешь тады и отца с матерью на него, понравится тебе слаще меду и сахару».—«Отчего же, матушка, так сладко, и где у них эта сладость?»—«Ах ты какая глупая! Вить ты ходила маненькою с отцом в баню-то?»— «Ходила»,— говорит дочь.—«Ну, видела ты у отца на конце-та зарубку?»—«Видела, матушка!»—«Вот это и есть самая сласть!» А дочь говорит: «Коли бы еще зарубить зарубок пять, тады б еще слаще было!»

Отец лежал, лежал на полатях, слушал, слушал, не утерпел и закричал: «Ах вы, разбойницы! Хуй вам в горло! Про что говорят! Мне для вашей сласти не разрубить сваво хуя на мелкия части». Вот тут девушка гадала да гадала: одного-то хуя мало, а два не влезут; лучше их вместе свить да оба вбить!

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО ЖЕНИХА С НЕВЕСТОЮ

У одного старика был сын, парень взрослой, у другого дочь — девка на поре. И задумали они оженить их. «Ну, Иванушка!— говорит отец.— Я хочу женить тебя на соседской дочери, сойдись-ка с нею да поговори ладнее да поласковее!»—«Ну, Машутка!— говорит другой старик.— Я хочу отдать тебя за соседского сына, сойдись-ка с ним да ладнее познакомься!» Вот они сошлися на улице, поздоровались. «Мне отец велел с тобой, Иванушка, ладней познакомиться»,— говорит девка. «И мне то ж наказывал мой батька»,— говорит парень. «Как же быть-то? Ты где, Иванушка, спишь?»—«В сенцах».—«А я в амбарушке; прихода» ночью ко мне, так мы с тобою и поговорим ладнее...»—«Ну что ж!»

Вот пришел Иванушка ночью и лег спать с Машуткою. Она и спрашивает: «Шел ты мимо гумна?»—«Шел».—«А что, видел кучу говна?»— «Видел».—«Это я насрала».—«Ну что ж — велика!»—«Как же нам с тобою поладить? Надо посмотреть: хорош ли у тебя струмент?»—«На, посмотри,— сказал он и развязал гашник,— я этим богат!»—«Да такой мне велик! Посмотри, какая у меня маленькая!»—«Дай-ка я попробую: придется ли?» И стал пробывать; хуй у него колом стоит; как махнет — так она изо всех сил закричала: «Ух, как больно кусается!»—«Не бось! Ему места мало, так он и сердится».—«Ну вот, я ведь сказывала, что мало места!»—«Погоди, будет и просторно». Как пробрал ее всласть, она и говорит: «Ах, душечка! Да твоим богачеством можно денежки доставать!» Покончили и заснули; проснулась она ночью и ну целовать его в жопу — думает в лицо, а он как подпустил сытности — девка и говорит: «Ишь, Ваня, от тебя цингой пахнет!..»

МУЖИКИ И БАРИН

Пришел барин в праздник к обедне, стоит и молится Богу; вдруг откудова ни возьмись — стал впереди его мужик, и этот сукин сын согрешил, так набздел, что не можно продохнуть. «Эка подлец! Как навонял»,— думает барин. Подошел к мужику, вынул целковой денег, держит в руке и спрашует: «Послушай, мужичок! Это ты так хорошо насрал?» Мужик увидал деньги и говорит: «Я, барин!»— «Ну вот, братец! На тебе за это рубль денег». Мужик взял и думает: «Верно, барин уж очень любит бздёх, надо кажной праздник ходить в церковь да около него становиться; он и всегда по целковому будет давать». Отошла обедня, разошлись все по домам. Мужик — прямо к соседу своему и рассказал, как и что с ним было. «Ну, брат,— говорит сосед,— теперича, как дождем праздника — пойдем оба в церковь; вдвоем мы еще больше набздим: он обоим нам даст денег!»

Вот дождались они праздника, пошли в церковь, стали впереди барина и напустили вони на всю церковь. Барин подошел к ним и спрашует: «Послушайте, ребята, это вы так хорошо насрали?»— «Мы, сударь!»—«Ну, спасибо вам; да жалко, со мной теперича денег не случилось. А вы, ребята, как отойдет обедня, пообедайте поплотней да приходите ко мне на дом набздеть хорошенько; я вам тогда заодно заплачу».—«Слушаем, барин! Нынча же к вашей милости оба прийдем».

Вот покончилась обедня, мужики пошли домой обедать, наелись — и к барину. А барин приготовил им доброй подарок — розог да палок; встречает их и говорит: «Что, ребята, побздеть пришли?»— «Точно так, сударь!»—«Спасибо, спасибо вам! Да как же, молодцы, вить надо раздеться, а то на вас одежи много — не скоро дух прошибет». Мужики поскидали армяки и поддевки, спустили портки и долой рубашки. Барин махнул слугам своим; как они схватили мужиков, растянули их да начали парить: палок пятьсот задали в спину! Насилу вырвались да бежать домой без оглядки, и одежу-то свою побросали.

ТЕТЕРЕВ

Два дня ходил охотник по лесу — ничего не убил; на третий день дал обещанье: «Что ни убью, то проебу!» Пошел в лес, увидал тетерева и убил его. Ворочается домой. Вот увидела из окна барыня, что идет охотник, несет тетерева, и позвала его к себе в горницу. «Что стоит тетерев?»— спрашивает барыня. «Этот тетерев у меня не продажный,— говорит охотник,— а заветный». —«Какой же завет?»—«Да как шел я на охоту, дал обещанье: что ни убью, то и проебу».—«Не знаю, как быть,— молвила барыня,— хочется мне тетеревятники, дюже хочется! Видно, надо делу сбыться. Да мне совестно под тобою лежать...»—«Ну я лягу книзу, а ты, барыня, ложись сверху». Так и сделали. «Ну, мужик, отдавай тетерева».—«За что я отдам тебе тетерева? Ведь ты меня ебла, а не я тебя». Барыне жалко упустить тетерева. «Ну,— говорит,— полезай на меня!» Мужик и в другой раз отделал барыню. «Давай тетерева!»—«За что я отдам тебе? Мы только поквитались».—«Ну полезай еще раз на меня»,— говорит барыня. Влез охотник на барыню, отработал и в третий раз. «Ну, давай же тетерева!» Как ни жалко было охотнику, а делать нечего — отдал барыне тетерева и пошел домой.

АРХИЕРЕЙСКОЙ ОТВЕТ

Жили-были генерал да архирей; случилось им быть на беседе. Стал генерал архирея спрашивать: «Ваше преосвященство! Мы люди грешные, не можем без греха жить, не можем не еть; а как же вы терпите, во всю жизнь не согрешите?» Архирей отвечает: «Пришлите ко мне за ответом завтра».

На другой день генерал и говорит своему лакею: «Поди к архирею, попроси у него ответа». Лакей пришел к архирею, доложил о том послушник. «Пусть постоит»,— сказал архирей. Вот стоял лакей час, и другой, и третий; нет ответа; просит послушника: «Скажи опять владыке».—«Пусть еще постоит!»— отвечал архирей.

Лакей долго стоял, стоял, не вытерпел — лег да тут же и заснул и проспал до утра. Поутру воротился к генералу и сказывает: «Продержал до утра, а ответу никаго не дал».—«Опять,— говорит генерал,— сходи к нему да непременно попроси ответа». Пошел лакей, приходит к архирею, тот его позвал к себе в келью и спрашивает: «Ты вчера у меня стоял?»—«Стоял».—«А потом лег да заснул?»—«Лег да заснул».—«Ну так и у меня хуй, встанет — постоит, постоит, потом опустится и уснет. Так и скажи генералу».

ПОСЕВ ХУЕВ

Жили-были два мужика, вспахали себе землю и поехали сеять рожь. Идет мимо один старец, подходит к одному мужику и говорит: «Здравствуй, мужичок!»— «Здравствуй, старичок!» — «Что ты сеешь?»—«Рожь, дедушка!»—«Ну, помоги тебе Бог, зародись твоя рожь высока и зерном полна!» Подходит старец к другому мужику: «Здравствуй, мужичок!»—«Здравствуй, старичок!»—«Что ты сеешь?»—«Нечто тебе надо знать? Я сею хуи!»— «Ну и зародись тебе хуи!»

Старец ушел, а мужики посеяли рожь, заборонили и уехали домой. Как дождались они весны — у первого мужика взошла рожь и густая и большая, а у другого мужика взошли всё хуи красноголовые, да так-таки всю десятину и заняли: и ногой ступить негде, всё хуи! Приехали мужики посмотреть, каково их рожь взошла; у одного дух не нарадуется, глядя на свою полосу, а у другого так сердце и замирает. «Что,— думает,— буду я теперича делать с эдакими чертями?» Дождались мужики — вот и жнитво пришло; выехали посмотреть на поле: один зачал рожь жать, а другой смотрит — стоят у него на полосе хуи аршина в полтора, стоят себе красноголовые, словно мак цветет.

Вот мужик поглазел-поглазел, покачал головой и поехал назад домой; а приехавши, собрал ножи, наточил повострее, взял с собой ниток и бумаги и опять воротился на свою десятину. И начал хуи срезывать: срежет пару, обвернет в бумагу, завяжет хорошенько ниткою и положит в телегу. Посрезы-вал все и повез в город продавать. «Да-ка,— думает,— повезу, не продам ли какой дуре хошь одну парочку!» Везет по улице и кричит во все горло: «Не надо ли кому хуев, хуев, хуев! У меня славные продажные хуи, хуи, хуи!» Услыхала одна барыня, посылает горничную девушку: «Поди поскорее, спроси — что продает этот мужик?»

Девка выбежала: «Послушай, мужичок! Что ты продаешь?»—«Хуи, сударыня!» Приходит она назад в горницу и стыдится барыне сказать. «Сказывай же, дура!— говорит барыня. — Не стыдись! Ну, что он продает?»—«Да вот что, сударыня: он, подлец, хуи продает!»—«Эка дура! Ступай скорей, догони да поторгуй, что он с меня за пару возьмет?» Девка воротила мужика и спрашивает: «Что парочка стоит?»—«Да без торгу сто рублей». Как только сказала девка про то барыне, она сейчас же вынула сто рублей. «На,— говорит,— поди да смотри — выбери какие получше: подлиннее да потолще».

Приносит девка мужику деньги и упрашивает: «Только, пожалуста, мужичок, дай каких получше».— «Они у меня все

хороши уродились!» Взяла горничная пару добрых хуев, приносит и подает барыне; та посмотрела, и показались ей оченно. Сует себе куда надыгть, а они не лезут. «Что же тебе мужик сказал,— спрашивает она у девушки,— как командовать ими, чтобы действовали?»—«Ничего не сказывал, сударыня».—«Эка ты дура какая! Поди сейчас спроси».

Побежала опять к мужику: «Послушай, мужичок, скажи, как твоим товаром командовать, чтоб мог действовать?» А мужик говорит: «Коли даст еще сто рублей, так скажу!» Горничная скорей к барыне: «Так и так, даром не сказывает, сударыня, а просит еще сто рублей».—«Экой сукин сын! Ну, нечего делать, отдай ему сто рублей! Такую штуку и за двести рублей купить — не дорого!» Взял мужик новую сотню и говорит: «Коли барыня захочет, пусть только скажет: «Но-но!»

Барыня сейчас легла на кровать, заворотила свой подол, приставила хуй куда след и командует: «Но-но!» Как пристали к ней оба хуя, да как зачали ее нажаривать, барыня уж и сама не рада, а вытащить их не может. Как от беды избавиться? Посылает она горничную: «Поди, догоняй энтого сукина сына да спроси, что надо сказать, чтоб они отстали!» Побежала девка со всех ног: «Скажи, мужичок! Что нужно сказать, чтоб хуи от барыни отстали? А то они барыню совсем замучили!» А мужик: «Коли даст еще сто рублей, так скажу!» Прибегает девка домой, а барыня еле жива на кровати лежит. «Возьми,— говорит,— в комоде последние сто рублей да отнеси подлецу поскорее! А то смерть моя приходит!»

Взял мужик и третью сотню и говорит: «Пусть скажет только: «Тпрру»,— они сейчас отстанут». Прибежала горничная и видит: барыня уж без памяти и язык высунула; вот она сама крикнула на них: «Тпрру!» Оба хуя сейчас выскочили. Полег-чило барыне; встала она с кровати, взяла и припрятала хуи и стала себе жить в свое удовольствие.

Как только захочется — сейчас достанет их, скомандует, и хуи станут ее работать, пока не закричит барыня: «Тпрру!» В одно время случилось барыне поехать в гости в иную деревню, и позабыла она взять эти хуи с собою. Побыла в гостях до вечера, и стало ей скучно: собирается домой. Тут зачали ее упрашивать, чтоб осталась переночевать. «Никак невозможно,— говорит барыня,— я позабыла дома одну секретную штуку, без которой мне не заснуть!»—«Да коли хотите,— отвечают ей хозяева,— мы за нею пошлем хорошаго, надежнаго человека, чтоб привез ее в целости». Барыня согласилась.

Сейчас нарядила лакея, чтоб оседлал добраго коня, ехал в барынин дом и привез такую-то вещь. «Спроси,— сказывает

барыня,— у моей горничной, уж она-то знает, что и где взять». Вот лакей приехал, горничная вынесла ему два хуя, оба завернуты в бумагу, и отдала. Лакей положил их в задний карман, сел верхом и поехал назад. Пришлось ему по дороге взъезжать на гору, а лошадь-то была ленивая, и только что стал он понукать ее: «Но-но»— как они вдруг выскочили оба и ну его зажаривать в жопу. Халуй ажно испугался! «Что за чудо такое, откуда они, проклятые, взялись?» Пришло халую хоть до слез, не знает, как и быть! Да стала лошадь с горы спускаться прытко, так он и закричал на нее: «Тпрру!» Хуи сейчас из жопы и повыскакали вон. Вот он подобрал их, завернул в бумагу, привез и подает барыне. «Ну, благополучно?»— спрашивает барыня.—«Да ну их к черту,— говорит халуй,— коли б на дороге да не гора, они заебли б меня до двора!»

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были три брата-крестьянина. Повздорили меж собой и стали делиться: поделили имение не поровну, старшим досталось много, а третьему по жребию пришлось мало. Все они трое были холостые, сошлись вместе на дворе и говорят промеж себя: пора-де нам жениться! «Вам хорошо,— говорит меньшой брат,— вы богаты и у богатых сосватаетесь; а я-то что буду делать? Я беден, нет у меня ни полена, только и богатства, что хуй по колена!»

В то самое время проходила мимо купеческая дочь, подслушала этот разговор и думает себе: «Ах, кабы мне попасть замуж за этого молодца, у него хуй-то по колена!» Вот старшие братья поженились, а меньшой ходит холостой. А купеческая дочь как пришла домой, только на разуме и держит, чтобы выйти за него замуж; сватали ее разные богатые купцы, только она не выходит за них. «Ни за кого,— говорит,— не пойду замуж, окромя за такого-то молодца». Отец и мать ее уговаривать: «Что ты, дура, задумала? Опомнись! Как можно идти за бедного мужика?» Она отвечает: «Нужды вам нет до этого! Не вам с ним жить!»—«Ну, Бог с тобой, дочка! Знать, судьба твоя такова!»

Вот купеческая дочь подговорила себе сваху и послала к тому парню, чтоб непременно шел ее сватать. Пришла к нему сваха и говорит: «Послушай, голубчик! Ты что зеваешь? Ступай сватать купеческую дочь, она давно тебя поджидает и с радостью за тебя пойдет». Молодец сейчас собрался, надел новой армяк, взял новую шапку и пошел прямо на двор к купцу сватать за себя его дочь. Как увидала его купеческая дочь и узнала, что это подлинно тот самый, у которого хуй по колена, не стала и разговаривать, начала просить у отца-матери их родительскаго навеки нерушимого благословения. Так и выдали ее за беднаго мужика замуж.

Легла она спать с мужем первую ночь и видит, что у него хуишка так себе, меньше перста. «Ах ты подлец!— закричала на него.— Ты хвастался, что у тебя хуй по колена; где же ты его дел?»—«Ах, жена-государыня, вить ты знаешь, что я холостым был оченно беден; как стал собираться играть свадьбу — денег у меня не было, не на что было подняться, я и отдал свои хуй под заклад».—«А за сколько ты его заложил?»—«Не за много, всего за пятьдесят рублей».—«Ну хорошо же; завтра пойду я к матушке, выпрошу денег, и ты непременно выкупи свои хуй, а не выкупишь — и домой не ходи!»

Дождалась утра и сейчас побежала к матери и говорит:

«Сделай милость, матушка! Дай мне пятьдесят рублей, оченно нужно!»—«Да скажи, на что нужно-то?»—«А вот, матушка, для чего: у моего мужа был хуй по колена, да как стали мы играть свадьбу, ему не на что было подняться, он и заложил его за пятьдесят рублей. Теперича у моего мужа хуишка так себе, меньше перста, так непременно надо выкупить старой его хуй!» Мать, видя такую нужду, вынула пятьдесят рублей и отдала дочери.

Та прибегает домой, отдает мужу деньги и говорит: «Ну, ты теперича беги как можно скорее, выкупи свой старый хуй: пускай чужие люди им не пользу-ются!» Взял молодец деньги и пошел с глаз долой; идет и думает: «Куда мне теперича деваться? Где такого хуя жене достать? Пойду куда глаза глядят».

Шел он близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль и повстречал старуху. «Здраствуй, бабушка!»— «Здраствуй, доброй человек! Куда путь держишь?»—«Ах, бабушка! Коли б ты знала-ведала мое горе, куда я иду!»—«Скажи, голубчик, твое горе, может, я твоему горю и пособлю».—«Сказать-то стыдно!»—«Небось, не стыдись, а говори смело!»— «А вот, бабушка! Похвастался я, что у меня хуй по колена, услыхала эти речи купеческая дочь и вышла за меня замуж, да как ночевала со мной первую ночку и увидела, что хуишка мой так себе, менее перста,— она и заартачилась, стала спрашивать: «Куда девал большой хуй?» А я сказал ей, что заложил, дескать, за пятьдесят рублей; вот она дала мне эти деньги и сказала, чтоб непременно его выкупил; а коли не выкуплю — чтоб и домой не показывался. Не знаю, что моей головушке и де-лать-то!» Старуха говорит: «Отдай мне половину денег, я пособлю твоему горю!» Он сейчас вынул и отдал ей все пятьдесят рублей, а старуха дала ему кольцо. «На,— говорит,— возьми это кольцо, надевай только на один ноготок».

Парень взял кольцо и надел на коготок; как надел на ноготок — хуй у него сразу сделался на локоток. «Ну что,— спросила старуха,— будет твой хуй по колена?»—«Да, бабушка, еще хватил пониже колен».—«Ну-ка, голубчик, надвинь кольцо на целой перст». Он надвинул кольцо на целой перст — у него хуй вытянулся на семь верст. «Эх, бабушка, куда же я его дену? Вить мне с ним беда будет!» А старуха: «Надвинь кольцо опять на ноготок — будет с локоток!» Он надвинул на ноготок — стал хуй с локоток. «Теперича с тебя довольно! Смотри ж, всегда надвигай кольцо только на один ноготок». Он поблагодарил старуху и пошел назад к жене.

Идет и радуется, что не с пустыми руками явится к жене. Шел-шел, и захотелось ему поесть; своротил он в сторону и сел

неподалечку от дороги около ручейка, вынул из котомки сухариков, размочил в воде и закусил. Захотелось отдохнуть ему; он тут же лег вверх брюхом и любуется кольцом: надвинул на ноготь — хуй сделался на локоть, надвинул на целой перст —■ хуй поднялся вверх на семь верст; снял кольцо, и хуишка стал маленькой, по-прежнему да по-старому. Смотрел-смотрел на кольцо, да так и уснул, а кольцо позабыл спрятать; осталось оно у него на груди.

Проезжал мимо в коляске один барин с женою и увидал: спит неподалечку мужик, а на груди у него светится кольцо, как жар горит на солнце. Остановил барин лошадей и говорит лакею: «Поди к этому мужику, возьми кольцо и принеси ко мне». Лакей сейчас побежал и принес кольцо к барину. Вот они и поехали дальше. А барин любуется колечком. «Посмотри, душенька,— говорит своей жене,— какое славное кольцо; дай-ка я надену его». И сразу надвинул на целой перст — у него хуй вытянулся, спихнул кучера с козел и прямо потрафил кобыле под хвост. Кобылу вперед пихает да коляску подвигает. Видит барыня, что беда, крепко перепугалась и кричит громким голосом на лакея: «Беги скорей назад к мужику, тащи его сюда!» Лакей бросился к мужику, разбудил его и говорит: «Иди, мужичок, скорей к барину!» А мужик кольцо ищет: «Мать твою так! Ты кольцо взял?»—«Не ищи,— говорит лакей,— иди к барину, кольцо у него; оно, брат, много хлопот нам наделало». Мужик побежал к коляске. Барин просит его: «Прости меня! Пособи моему горю!»—«А что дашь, барин?»—«Вот тебе сто рублей!»—«Давай двести, так пособлю!» Барин вынул двести рублей; мужик взял деньги да стащил у барина с руки кольцо — хуя того как не бывало! Остался у барина его старой хуишка. Барин уехал, а мужик пошел со своим кольцом домой.

Увидала его жена в окошечко, выбежала навстречу. «Ну что,— спрашивает,— выкупил?»— «Выкупил».—«Ну покажь!»—«Ступай в избу, не на дворе ж тебе показывать!» Вошли в избу; жена только и твердит: «Покажь да покажь!» Он надвинул кольцо на ноготь — стал хуй у него с локоть; вынимает из порток и говорит: «Смотри, жена!» Она зачала его целовать: «Вот, муженек! Пущай лучше эдакое добро при нас будет, чем в чужих людях. Давай-ка поскорей пообедаем, да ляжем, да попробуем!»

Сейчас наставила на стол разных кушаньев и напитков, поит да кормит его. Пообедали и пошли отдыхать. Как пробрал он жену своим хуем, так она целые три дня под подол себе засматривала: все ей мерещится, что промеж ног торчит! Пошла она к матери в гости, а муж тем времячком вышел в сад и лег под яблонею. «Что же,— спрашивает мать у дочери,— выкупили хуй-

то?»—«Выкупили, матушка!» Вот купчиха только о том и думает, как бы ухитриться сбегать к зятю, покудова дочь здеся, да попробовать его большого хуя. Дочь-то заговорилась, а теща и удрала к зятю; прибежала в сад, смотрит — а зять спит себе, кольцо у него надето на ноготок — хуй стоит с локоток. «Дай-ка я тепери-на залезу к нему на хуи»,— думает теща, взлезла и давай на хую покачиваться.

Вот на ту беду надвинулось как-то кольцо у сонного зятя на целой перст — и потащил хуй тещу вверх на семь верст. Дочь видит, что мать куда-то ушла, догадалась и бросилась домой, в избу — нет никого, она в сад — смотрит: муж спит, его хуй высоко торчит, а наверху чуть-чуть видно тещу; как ветром поддаст — она тотчас и завертится на хую, словно на рожне. Что делать, как матушку с хуя снять? Набежало на то место народу видимо-невидимо, стали ухитряться да раздумывать. Одни говорят: «Больше нечего делать, как взять топор да хуй подрубить». А другие говорят: «Нет, это не годится! За что две души погубить. Как срубим хуй — вить баба на землю упадет — убьется. Лучше миром помолиться, авось каким чудом старуха с хуя свалится!»

На ту пору проснулся зять, увидал, что у него кольцо надето на весь пёрст — и хуй торчит к небу на семь верст и крепко прижал его самого к земле, так что и повернуться на другой бок нельзя! Начал потихоньку кольцо с пальца сдвигать, стал у него хуй убывать; сдвинул на ноготь — стал хуй с локоть, и видит зять, что на хую торчит теща. «Ты, матушка, как сюда попала?»—«Прости, зятюшка, больше не стану!»

Был-жил портной, у него было такое волшебное кольцо: как наденешь на палец, так хуй и вырастит! Случилось ему работать у одной барыни, а он был такой весельчак да шутник: когда спать ложился, никогда своего хуя не закрывал. Вот эта барыня увидала, что у него хуй оченно велик, позадорилась на эдакую сбрую и позвала его к себе, «Послушай,— говорит,— согласись сделать со мной грех хоть один разок!»—«Отчего не так, барыня! Только с уговором: чур, не пердеть! А если уперднешься, то с тебя триста рублей!»—«Хорошо»,— сказала барыня.

Легли они; вот барыня всячески старается, чтобы как можно под портным не усраться, и приказала своей горничной девке приготовить большую луковицу и заткнуть ею себе жопу и покрепче придерживать обеими руками. Воткнула горничная барыне в жопу луковицу и стала придерживать; а портной как взобрался на нее да попер — куда к ебеной матери и луковица вылетела да прямо в горничную, так ее до смерти и убила! Пропало у барыни триста рублей. Взял портной деньги и пошел

домой.

Шел-шел, долго ли, коротко ли, и лег в поле отдохнуть; надел на палец свое кольцо — у него хуй и протянулся на целую версту; лежал-лежал, да так и заснул. Откудова ни взялись семь волков, стали хуй глодать, одной плеши не съели — и то сыты наелись. Проснулся портной — будто мухи хуй покусали. Снял с руки кольцо, спрятал в карман и пошел в путь-дорогу.

Шел-шел и зашел ночевать к одному мужику, а у того мужика была жена молодая, до больших хуев великая охотница. Лег портной спать на дворе и выставил хуй внаружу. Увидала мужикова жена; как ухитриться? Подошла, заворотила подол и наставила чужой хуй в свою пизду. Портной видит — дело ладно, стал потихоньку кольцо на палец надевать — стал у него хуй больше да больше вырастать, поднял ее вверх на целую версту. Видит баба — не до ебли; уцыпилась за хуй обеими руками.

Увидали добрые люди, соседи и знакомые, что баба на хую торчит. Кто кричит: «Давай хуй рубить!» А кто кричит: «Давай молебен служить, обое целы будут!» Стал портной помаленьку снимать с руки кольцо, хуй понизился, баба свалилася. «Ну, ненаебная пизда! Смерть бы твоя была, коли б хуй-то подрубили!»

МУЖ НА ЯЙЦАХ

Жил мужик с бабою, мужик был ленивой, а баба работящая. Вот жена землю пашет, а муж на печи лежит! Раз как-то и поехала она орать землю, а мужик остался дома стряпать да цыплят пасти, да и тут ничего не сделал: залег спать и проспал цыплят: всех их ворона перетаскала, бегает по двору одна квочка да кричит себе; а ему хоть трава не расти.

Вот приехала хозяйка и спрашивает: «А где у тебя цыплята?»—«Ах, женушка, беда моя! Я уснул, а ворона всех цыплят и перетаскала».—«Ах ты, пес едакой! На-жа, курвин сын, садись на яйцы да высиживай сам цыплят».

На другой день жена поехала в поле, а мужик взял лукошко с яйцами, поставил на полатях, скинул с себя портки и сел на яйцах. Вот баба, не будь дурна, взяла у отставного солдатика шинель и шапку, нарядилась, приезжает домой и кричит во все горло: «Ей, хозяин! Да где ты?» Мужик полез с полатей и упал вместе с яйцами наземь. «Это что делаешь?»—«Батюшка служивой! Домовничаю».-— «Да разве у тебя жены нету?»—«Есть, да в поле работает».—«А ты что ж сидишь дома?»—«Я цыплят высиживаю».—«Ах ты, сукин сын!» И давай его плетью дуть изо всех сил да приговаривать: «Не сиди дома, не высиживай цыплят, а работай да землю паши».—«Буду, батюшка, и работать, и пахать, Ей-богу, буду!»—«Врешь, подлец!» Била его баба, била, потом подняла ногу: «Посмотри, сукин сын! Был я на отражении, да меня ранили — что, подживает моя рана? Али нет?» Смотрит мужик жене в пизду и говорит: «Заволакивает, батюшка!»

Баба ушла, переоделась в свою бабью одежу и назад домой; а муж сидит да охает. «Что ты охаешь?»—«Да приходил солдат, всего меня плетью избил».—«За что?»—«Велит работать».—«Давно бы тебя надо! Жалко, что меня дома не было, я б попросила еще прибавить».—«Ну да ладно же, и он издохнет!»—«Это отчего?»—«Да был он на отражении, там его ранили промеж ног; он мне показывал свою рану да спрашивал: «Подживает ли?» Я сказал: заволакивает; а чего там заволакивает — только больше рдится, а кругом мохом обросло!» С тех пор стал мужик работать и на пашню ездить, а баба домовничать.

ОХОТНИК И ЛЕШИЙ

Ходил охотник по лесу, ходил-ходил и ничего не убил, нарвал орехов и грызет себе. Попадается ему навстречу дедушка леший: «Дай,— говорит,— орешков». Он дал ему пулю. Вот леший грыз ее грыз, никак не сладит и говорит: «Я не разгрызу!» Охотник ему: «Да ты выхолощен или нет?»— «Нет!»—«То-то и есть! Давай я тебя охолощу, так и станешь грызть орехи». Леший согласился. Охотник взял, защемил ему хуй и муде между осинами. «Пусти,— кричит леший,— пусти! Не хочу твоих орехов!»—«Врешь, будешь грызть!» Вырезал ему яйца, выпустил и дал взаправской орех. Леший разгрыз. «Ну, вот ведь я сказывал, что будешь грызть!»

И пошел охотник в одну сторону, а леший пошел в другую сторону и грозит ему: «Ну, ладно! Придешь овин сушить, я сыграю с тобою штуку!» Пришел охотник домой, сел на лавку и говорит: «Ох, жена! Я устал, поди-ка ты овин сушить». Баба пошла в овин, развела огонь и легла у стенки.

Вот приходят два лесовика и говорят промеж себя: «Давай-ка зажжем овин!»—«Нет, давай наперво посмотрим: такова ли у него рана, какую он у тебя сделал?» Посмотрели. «Ну, брат! У него еще больше твоей; видишь, как рассажена — больше шапки, да какая красная!» И пошли они прочь — в свой лес.

МУЖИК И ЧЕРТ

Жил-был мужик. Посеял он репу. Приходит время репу рыть, а она не поспела; тут он с досады и сказал: «Чтобы черт тебя побрал!» А сам ушел с поля. Проходит месяц, жена и говорит: «Ступай на полосу, может статься, наберешь репы».

Отправился мужик, пришел на полосу, видит — репа большая да славная уродилась, давай ее рвать. Вдруг бежит старичок и кричит на мужика: «Зачем воруешь мою репу?»—«Какая твоя?»—«А как же, разве ты мне ее не отдал, как она еще не поспела? Я сам старался, поливал ее!»—«А я садил ее».—«Не буду спорить,— сказал черт,— ты точно ее садил, да я-то поливал. Давай вот что: приезжай на чем хошь сюда, и я приеду. Если ты узнаешь, на чем я приехал,— то твоя репа; если я узнаю, на чем ты приедешь,— то моя репа». Мужик согласился.

На другой день он взял с собою жену и, подойдя к полосе, поставил ее раком, заворотил ей подол, воткнул ей в пизду морковь, а волоса на голове растрепал. Сел на нее верхом, к жопе передом, к голове задом. А черт поймал зайца, сел на него, приехал и спрашивает мужика: «На чем я приехал?»—«А что ест?»— спросил мужик. «Осину гложет».—«Так это заяц!»

Стал черт узнавать: ходил-ходил крутом и говорит: «Волоса — это хвост, а это голова, а ест морковь!» Тут черт совсем спутался. «Владей,— говорит,— мужик, репою!» Мужик вырыл репу, продал и стал себе жить да поживать.

МУЖИК ЗА БАБЬЕЙ РАБОТОЙ

Жил-был мужик с женою, дождались лета, пришло жнитво, стали они ходить в поле да жать. Вот кажное утро разбудит баба мужика пораньше; он поедет в поле, а баба останется дома, стопит печку, сварит обед, нальет кушинчики и понесет мужу обедать, да до вечера и жнет с ним на поле. Воротятся вечером домой, а наутро опять то же.

Надоела мужику работа; стала баба его будить и посылать на поле, а он не встает и ругает свою хозяйку: «Нет, блядь! Ступай-ка ты наперед, я дома останусь; а то я все хожу на поле рано, а ты спишь только да прийдешь ко мне уж тады, када я досыта наработаюсь!»

Сколько жена ни посылала его, мужик уперся на одном слове: «Не пойду!»—«Нынче суббота,— говорит жена,— надо много в доме работать: рубахи перемыть, пшена на кашу натолочь, квашню растворить, кринку сметаны на масло к завтрему сколотить...»—«Я и сам это обделаю!»— говорит мужик. «Ну, смотри ж, сделай! Я тебе все приготовлю». И принесла ему большой узел черных рубах, муки для квашни, кринку сметаны для масла, проса для каши да еще приказала ему караулить курицу с цыплятами; а сама взяла серп и пошла в поле. «Ну, еще маленько посплю!»— сказал мужик и завалился спать да и проспал до самого обеда. Проснулся в полдень, видит — работы куча, не знает, за что прежде браться. Взял он рубахи, связал и понес на реку, намочил в воде, да так и оставил: «Пущай повымокнет! Потом развешу, высохнет и будет готово». А река-то была быстротекучая, рубахи все за водою ушли.

Приходит мужик домой, насыпал в квашню муки, налил водою: «Пущай киснет!» Потом насыпал в ступу проса и начал толочь и видит: наседка по сеням бродит, а цыплята все в разны стороны рассыпались. Он сейчас половил цыплят, перевязал их всех шнурочком за ножки и прицепил к курице и опять начал толочь просо; да вздумал, что еще кринка сметаны стоит, надо сколотить ее на масло. Взял эту кринку, привязал к своей жопе: я, дескать, буду просо толочь, а сметана тем временем станет на жопе болтаться: разом и пшено будет готово, и масло спахтано! Вот и толчет просо, а сметана на жопе болтается. Тут курица побрела на двор и цыплят за собой потащила. Как вдруг налетел ястреб, ухватил курицу и потащил со всем — с цыплятами. Курица заквохтала, цыплята; запищали; мужик услыхал, бросился на двор, да на бегу ударился кринкою об дверь, расшиб кринку и сметану всю пролил. Побежал отнимать у ястреба курицу; а

дверей и не запер; пришли в избу свиньи, квашню опрокинули, тесто все поели и просо из ступы все пожрали. А мужик курицы с цыплятами не отнял, воротился назад — полна изба свиней, хуже хлева сделали! Насилу вон выгнал. «Что теперича делать?— думает мужик.— Придет хозяйка — беда будет!» Всё убрал чисто дело — нет ничего! «Да-ка пойду рубахи из воды вытащу». Запряг кобылу и поехал на реку; уж он искал-искал белья нету! «Да-ка в воде поищу!» Разделся, скинул с себя рубашку и штаны и полез в воду и пошел бродить, а толку все не добьется: так и бросил! Вышел на берег, глядь — ни рубахи, ни штанов нету, кто-то унес. Что делать-то? Не во что и одеться, надо в деревню голому ехать. «Нарву-ка я себе,— говорит,— длинной травы да обвяжу кляп, сяду в телегу и поеду домой: все не так стыдно будет!» Нарвал зеленой травы, обвертел свой хуй и стал отвязывать повод у лошади. Лошадь увидала траву, схватила ее зубами и оторвала совсем с хуем. Заголосил мужик о кляпе, кое-как добрался в избу, залез в угол и сидит голой и без хуя.

Пришла с поля хозяйка; смотрит: в сенях квашня валяется, в избе все раскидано, а муж голой сидит в углу. «Ну что, все приготовил?»—«Все, любезная жена!»—«Где же рубашки?»—«За водой уплыли».—«А курица с цыплятами?»—«Ястреб утащил». —«А тесто? А просо?»—«Свиньи пожрали».—«А сметана?»—«Всю разлил».—«А хуй-то где?»—«Кобыла съела».—«Экой ты, сукин сын, наделал добра!»

РАЗЗАДОРЕННАЯ БАРЫНЯ

В некотором царстве, в некотором государстве жил богатой мужик, у него был сын по имени Иван. «Что ты, сынок, ничем не займешься?»— говорит ему отец.—«Еще поспею! Дай-ка мне сто рублей денег да благослови на промысел».

Дал ему отец сто рублей денег. Пошел Иван в город; идет мимо господского двора и увидал в саду барыню: очень из себя хороша; остановился и смотрит сквозь решетку. «Что ты, молодец, стоишь?»— спросила барыня.—«На тебя, барыня, засмотрелся: уж больно ты хороша! Коли б ты мне показала свои ноги по щиколки — отдал бы тебе сто рублей!»— «Отчего не показать! На, смотри!»— сказала барыня и приподняла свое платье. Отдал он ей сто рублей и воротился домой.

«Что, сынок,— спрашивает отец,— каким товаром занялся?»—«Что сделаешь на сто рублей? Купил место да лесу для лавки. Дай еще двести рублей, надо заплатить работникам». Отец дал ему денег, а сын опять пришел и стоит у того же сада. Барыня увидала и спрашивает: «Зачем, молодец, опять пришел?»—«Пусти меня, барыня, к себе в свой сад да покажи свои коленки, отдам тебе двести рублей». Она пустила его в сад, приподняла подол и показала свои коленки. Парень ей отдал деньги, поклонился и воротился домой.

«Что, сынок, устроился?»—«Устроился, батюшка; дай мне триста рублей, я товару накуплю». Отец дал ему триста рублей, а сын сейчас отправился к барынину саду; стоит и смотрит сквозь решетку. А отец думает: «Дай-ка схожу посмотрю на его торговлю». Пошел за ним следом и посматривает. «Зачем, молодец, опять пришел?»— спросила барыня. Парень отвечал ей: «Не во гнев тебе, барыня: позволь поводить мне хуем по твоей пизде, я за то дам тебе триста рублей».—«Пожалуй!» Пустила его в сад, взяла деньги и легла на траву: а парень скинул портки и стал ее хуем тихонько по губам поваживать и так раззадорил, что барыня сама просит: «Ткни в срединку! Ткни, пожалуста!» А парень не хочет: «Я просил только по губам поводить!»— «Я отдам тебе назад все твои деньги»,— говорит барыня. «Не надо!» А сам все знай поваживает по губам-то. «Я у тебя шестьсот взяла, а отдам тысячу двести, только ткни в срединку!» Отец глядел-глядел, не вытерпел и закричал из-за решетки: «Бери, сынок! Копейка на копейку хороший барыш!» Барыня услыхала — да как вырвется и убежала.

Остался парень без копейки и стал ругаться на отца: «Кто просил тебя кричать-то, старой хрен!»

ПО-СОБАЧЬИ

В некотором царстве жил-был дворянин, у него была дочь-красавица. Пошла она как-то погулять, а лакей идет за ней позади да думает: «Эка ловкая штука! Ничего б, кажись, не желал в свете, только б ее отработать хоть один разок: тогда б и помирать не страшно было!»

Думал, думал, не вытерпел и сказал потихоньку: «Ах, прекрасная барышня! Шаркнул бы тебя хоть по-собачьи!» Барышня услыхала эти слова и, как воротилась домой, дождалась ночи и позвала к себе лакея. «Признавайся, мерзавец,— говорит ему,— что ты говорил, как я ходила гулять?»—«Виноват, сударыня! Так-то и так-то говорил».—«Ну, коли хотел, так и делай сейчас же по-собачьи, не то все отцу расскажу...»

Вот барышня заворотила подол, стала посреди горницы раком и говорит лакею: «Нагибайся да нюхай, как собаки делают!» Холуй нагнулся и понюхал. «Ну, теперича языком лизни, как собаки лижут!» Лакей лизнул раз, и два, и три раза. «Ну, теперича бегай вокруг меня!» Начал он кругом барышни бегать; обежал разов десяток, да опять пришлось нюхать и лизать ей языком. Что делать? Морщится — да нюхает, плюет да лижет! «Ну, теперича на первой раз будет,— сказала барышня,— ступай, ложись себе спать, а завтря вечером опять приходи».

На другой день вечером опять барышня позвала к себе лакея. «Что ж ты, мерзавец, сам не идешь? Не всякой же день за тобой посылать; сам знай свое дело!» Сейчас заворотила свой подол и стала раком, а лакей стал ей под жопою нюхать да языком в пизде лизать; обежит кругом ее разов десять да опять понюхает да полижет. И этак долгое время угощала его барышня, да потом сжалилась, легла на постель, заворотила подол спереди, дала ему разок поеть и простила всю вину. Лакей отработал да и думает: «Ну, ничего! Хоть и полизал, да свое взял!»

СТЫДЛИВАЯ БАРЫНЯ

Жила-была молодая барыня; много перебывало у ней лакеев, и все казались ей похабными, и она прогоняла их от себя. Вот один молодец и сказал: «Дай-ка я пойду к ней наймусь!» Пришел наниматься. «Смотри, голубчик,— говорит барыня,— я не пожалею денег, только с тем условием, чтоб ты не говорил ничего похабного».—«Как можно говорить похабное!»

В одно время поехала барыня в свою вотчину; стала подъезжать к деревне, смотрит: ходит стадо свиней, и один боров взлез на свинью, и так его с той работы припарило, что изо рта пена клубом валит. Барыня и спрашивает лакея: «Послушай!» — «Чего изволите, сударыня?»—«Что это такое?» Лакей был не промах. «А это,— говорит,— вот что: под низом, должно быть, какая-нибудь родня — сестра или тетка, а наверху-то брат или племянник: он крепко нездоров, вот она и тащит его домой на себе».—«Да, да, это точно так!»— сказала барыня и засмеялась.

Ехали-ехали, ходит другое стадо, и один бык взлез на корову. «Ну, а это что такое?»— спросила барыня. «А это вот что: у коровы-то сила плохая, и прокормиться не сможет; кругом себя корм объела и траву общипала, вот бык и попихивает ее на свежую травку». Барыня опять засмеялась: «Это точно так!»

Ехали-ехали, ходит табун лошадей, и один жеребец взлез на кобылу. «А это что такое?»—«А вон, сударыня, изволите видеть за лесом-то дым, должно быгг, горит что-нибудь; так жеребец и взлез на кобылу пожар поглядеть».—«Да, да, это правда!»— сказала барыня, а сама-то смеется, так и заливается.

Опять ехали-ехали и приехали к реке. Барыня и вздумала купаться; велела остановиться и начала раздеваться, да и полезла в воду без всякой одежды. А лакей стоит да смотрит. «Если хочешь со мною купаться — раздевайся скорее!» Лакей разделся и полез купаться. Она увидела у него тот струмент, которым делают живых людей, затряслась от радости и спрашивает: «Посмотри, что это у меня?»— а сама на дыру показывает.—«Это колодезь!»— говорит лакей.—«Да, это правда! А у тебя это что такое висит?»—«Это конь называется».—«А что, он у тебя пьет?»—«Пьет, сударыня; нельзя ли попоить в вашем колодезе?»—«Ну, пусти его; да чтоб он сверх только напился, а глубоко его не пускай!» Лакей запустил своего коня к барыне и стал ее раззадоривать. Стало ее разбирать, стала она приказывать: «Пущай его дальше, пущай его дальше, чтоб хорошенько напился!» Вот тут-то он натешился; насилу оба из воды вылезли.

ДОБРОЙ ОТЕЦ

В одной деревне жил веселой старик. У него были две дочери — хорошие девицы. Знали их подруги и привычны были к ним на поседки сходиться. А старик и сам был до девок лаком; завсегда по ночам, как только они уснут, то и почнет щупать, и какой подол ни заворотит — ту и отработает; а девка все молчит, такое уж заведение было. Ну, мудренаго нет, таким образом, может, он и всех-то девок перепробывал, окромя своих дочерей.

Вот и случилось, в один вечер много сошлось к ним в избу девок, пряли и веселились, да потом и разошлись все по домам: той сказано молотить рано поутру, другой мать ночевать наказала дома, у третьей отец хворает. Так все и разошлися. А старик храпел себе на полатях, и ужин проспал, и не видал, как девки-то ушли. Проснулся ночью, слез с полатей и пошел ощупывать девок по лавкам, и таки нащупал на казенке большую дочь, заворотил ей подол и порядком-таки отмахал, а она спросонок-то отцу родному подмахнула.

Встает поутру старик и спрашивает свою хозяйку: «А что, старуха, рано ли ушли от нас ночевщи-цы?»—«Какие ночевщицы! Девки еще с вечера все ко дворам разошлись».—«Что ты врешь! А кого же я на казенке-то уячил?»—«Кого? Вестимо кого: знать, большую дочуху». Старик засмеялся и говорит: «Ох, мать ее растак!»—«Что, старой черт, ругаешься?»—«Молчи, старая кочерга! Я на дочь-то смеюся; вить она лихо подьебать умеет!» А меньшая дочь сидит на лавке да обертывает онучею ногу: хочет лапоть надевать; подняла ногу да говорит: «Вить ей стыдно не подъебывать-то; люди говорят: девятнадцатой год!»—«Да, евто правда! Евто же ваше ремесло!»

ПОП И ЗАПАДНЯ

В одной деревне был мужик, промыслом мясник: бил он скотину да продавал говядину, а мясо-то хранил в сарае. Только в этом сарае было окно, и повадились туда лазить собаки и кошки и таскать мясо. Вот мужик и поставил в окне капкан: прибежала попова собака и попала в капкан да и сдохла. Жалко попу собаки, а делать нечего, купил другую и боится, как бы и эта не пропала.

Думал-думал, как бы пособить горю да насмеяться над мужиком, и надумался: пришел к сараю, скинул штаны, взлез на окно и ну срать в капкан. А капкан как спустится, да как схватит попа за муде — закричал он благим матом.

Прибежал мужик. «Ах, мать твою разъедак! Какой черт тебя занес сюда? Уж впрямь дурья порода!» Сбежался народ, кое-как отцепили попа, а он тут же издох, так и повалился!

ПОРОСЕНОК

Жил-был в одном селе поп, толоконный лоб; у него была дочка, да такая уродилась прекрасная, что любо-дорого посмотреть Вот и нанял поп себе батрака: детина ухарской! Живет у попа месяц, и другой, и третий.

На ту пору у богатого мужика родила в деревне баба; приехал мужик и зовет попа окрестить младенца: «Да милости просим, батюшка, пожалуйте вместе с матушкою, не оставьте!» А поповская порода на чужое добро лакома, за чужим угощеньем обосраться рада.

Вот поп запрет кобылу и уехал с попадьей на крестины, а батрак остался дома вместе с поповною. Захотелось батраку есть, а в печи-то у попадьи было припасено два жареных поросенка. «Послушай, что я скажу,— стал говорить он поповне,— давай съедим этих поросят, вить попа с женой дома нету!»—«И то, давай!» Он сейчас достал одного поросенка, и съели его вдвоем. «А другого,— говорит батрак,— давай я запрячу тебе под подол, чтоб наши не нашли, да после сами и съедим! А когда поп с попадьей спросят про поросят — заодно скажем, что кошка съела!»—«Да как же ты под подол спрячешь?»—«Уж не твое дело! Я знаю как».—« Ну, хорошо, спрячь!»

Он велел ей нагнуться раком, поднял подол да и давай прятать своего сырова ей в пизду. «Ах, как хорошо ты прячешь!— говорит поповна.— Да как же я его оттуда выну?»—«Ничего, помани только овсом, он и сам выйдет!» Таким манером уважил ее батрак так славно, что она сразу и сделалась беременною. Стало у ней брюхо расти, стала она поминутно на двор бегать у ней в брюхе шевелится-то ребенок, а она думает — поросенок. Выбежит на крыльцо, поднимет ногу, а сама сыпит на пол овес да и манит: «Чух, чух, чух! Авось выйдет».

Раз как-то и увидал это поп, и стали с попадьей думать: «Ведь непременно дочь-то брюхата; давай-ко спросим у нее, с кем ее лукавой стрес?» Призвали дочку: «Аннушка, подь сюда! Что это с тобой, отчего ты очижелела?» Она смотрит в оба и молчит: что такое, думает, меня спрашивают. «Ну, скажи же, отчего ты забрюхателa?» Поповна молчит. «Да говори же, глупая! Отчего у тебя пузо велико?» «Ах, маменька, ведь у меня в животе поросеночек: мне его батрак засадил!» Тут поп ударил себя в лоб, кинулся за батраком, а того и след давно простыл.

ПОП И МУЖИК

В некотором царстве, в некотором государстве, а по правде сказать — в том, где мы живем, был-жил мужик, у него была молодая жена; она осталась дома беременная, а муж-то пошел на заработки. А попу давно она приглянулась; и хочется ему как бы умудриться да мужику в карман насрать.

Дождался: пришла она к нему на исповедь. «Здра-ствуй, Марья,— говорит поп,— где твой муж те-перя?»—«Пошел на работу, батюшка!»—«Ах он мошенник! Как же он тебя-то оставил? Ведь он заделал тебе ребенка, да не доделал! Родишь теперь какого-нибудь урода, безрукого или безногого! И пойдет про тебя худая слава на целой уезд!» Баба была оченно проста. «Что же мне делать, батюшка? Нельзя ли помочь этому горю?»—«Похлопотать-то можно, только разве для тебя, а для твоего мужа ни в жисть бы не согласился!»—«Похлопочите, батюшка!»— просит его баба со слезами. «Ну, так и быть, я тебе ребенка доделаю! Приходи ужо вечером к нам в сарай. Я пойду за кормом скотине, тут тебя и исправлю».—«Спасибо, батюшка!»

Пришла баба вечером к попу в сарай. «Ну, ложись, голубушка, хоть на солому». Легла баба и ноги растопырила, поп отвалял ее разов шесть и говорит: «Ступай домой с Богом! Теперь все благополучно». Баба стала попу кланяться да благодарствовать.

Вот воротился домой мужик, а баба сидит и губы надула — такая сердитая. «Что ты рыло-то воротишь?— спросил мужик.— Смотри, как бы я те не утер его!»—«Поди-кась! Твое дело только гадить: ишь пошел из дому, а ребенка так и оставил недоделанным! Спасибо, поп уж смиловался — доделал, а то родила б тебе урода!»

Видит мужик, что поп насрал ему в карман; погоди ж, думает, и я тебе навалю. Пришло время, родила баба мальчишку; поехал мужик звать попа на крестины. Собрался поп, окрестил младенца и сел за стол да стал попивать водочку. «Эка славная водка!— говорит поп хозяину.— Ты б послал кого за попадьею, и она б выпила».—«Я сам пойду за ней, батюшка!»—«Поди, свет!»

Пошел мужик и стал звать попадью. «Спасибо, что нас не забываешь! Сейчас оденусь!»— говорит попадья. Стала убираться да наряжаться, положила на лавку золотыя серьги, а сама принялась умываться; только смочила глаза водою — а мужик взял и спрятал к себе серьги. Умылась попадья и давай искать серег — нет нигде. «Не ты ли пошутил?»— спрашивает она у мужика. «Как можно, матушка! Я хоть и видел, куда они

запропастились, да сказать совестно».—«Ничего, сказывай!»— «Ты, матушка, на скамью-то села, а пизда их и съела!»— «Что ты, родимой! Никак врешь?»— «Точная правда: ты, матушка, села, а пизда и съела!»—«Нельзя ли как достать их оттудова?»—«Пожалуй, для тебя постараюсь!» Заворотил ей подол, запендрячил и начал валять; отделал раз и в другой и вытащил свой кляп и повесил на него одну серьгу. «Вот, достал, матушка!» Слазил на попадью в другой раз, достал и другую серьгу. «Замучился ты, бедной! Да уж потрудись еще: третьего года пропал у нас медный чугун, слазь поищи, не достанешь ли и его там!» Отработал ее мужик еще раза два: «Нет, матушка, не достанешь! Тут-то он тут, да перевернулся дном кверху, зацепить не за что!»

Вот, покончивши это дело, пришла попадья к мужику на крестины и говорит: «А ты, батько, чай, заждался?»—«И то заждался!.. Тебя,—(говорит мужику),— только за смертью посылать!»—«Что ты, батько! Вить у меня было серьги пропали; я положила их на лавку да сама-то и села, а пизда их и съела; спасибо мужику, уж он мне достал!» Поп услыхал и надулся, сидит как сыч. Вот тебе, невестка, на отместку!

* * *

Жил мужик с женою. Только ему пришла нужда ехать в Москву; что делать: жена беременна, а ехать надо. «Ладно,— говорит он жене.— Я поеду в Москву, а ты живи без меня поскромнее да по-воздержнее». Сказал и уехал.

А дело-то было великим постом. Баба говела и пошла к попу на дух. Баба-то была собой хороша. Вот поп ее на духу и спрашивает: «Отчего у тебя брюхо велико?»—«Согрешила, батюшка! Жила с мужем, сделалась тяжела, а теперича он в Москву уехал».—«Как в Москву?»—«Да, батюшка».— «А долго ль проездит?»—«Почти с год...»—«Ах он мошенник; заделал ребенка и не доделал, вить это смертной грех! Делать нечего: я твой отец духов-

ной и обязан тебе доделать, а за хлопоты принеси-ка три холста!»—«Сделай Божескую милость,— просит баба,— избавь от смертнаго греха, доделай, а ему, мошеннику, как приедет с Москвы, все глаза выцарапаю!»—«Ну, свет, рад послужить тебе; и так грешно, коли до его приезда станешь носить младенца!» Так дело-то и обделалось.

А поп был женатой и у него были две дочери; вот он и боится, как бы попадья не узнала про его шашни. Хорошо.

Приехал мужик с Москвы, а жена его уж давно родила; только что входит он в избу, баба и напустилась на него: «Ах ты сукин сын, мошенник! Наказывал мне жить воздержнее, а сам у меня

ребенка заделал, да не доделал, так и уехал! Спасибо еще, батюшка-поп мне его доделал, а то что бы стала я делать?» Мужик догадался, что дело неладно, и говорит себе: «Погоди, я его, долгогриваго колухана, обтяпаю!»

Случилось в одно время летом, поп служил обедню, а дом его был подле самой церкви. Мужик собирался ехать в поле на пашню, и понадобилась ему борона, а у попа их было три. Мужик пошел к попу в церковь и стал просить борону. Поп рад ему всячески угодить, чтоб только до попадьи не довел про его шашни, боится отказать и говорит: «Возьми хоть все три!»—«Да без тебя, батюшка, не дадут; скажи попадье хоть из окошка-то, чтоб все три дали».—«Хорошо, свет! Ступай».

Мужик к попадье пришел и говорит: «Матушка! Батюшка велел вам всем трем мне дать...»— «Что ты, свет, с ума, что ли, сошел?»—«Спроси его хоть сама, ведь он мне сейчас приказывал». Попадья и кричит попу: «Поп! Ты велел нам дать мужику?»—«Да, да все три дайте!» Делать нечего, стали давать мужику по очереди; он начал с попадьи, а кончил меньшой поповною и воротился домой.

Как только пришел поп от обедни, попадья и давай его ругать: «Ах ты черт, колухан! С ума, что ли, спятил? Всех дочерей перепортил; ну меня одну уж так и быть бы, а то всех трех велел ему отделать». Поп хвать себя за бороду и побежал к мужику: «Я тебя в суд потащу, ты моих дочерей перепортил!»—«Не сердись, батька!— говорит мужик.— Ты любил чужих ребят доделывать, да еще за труды холстом брал; вот теперя мы с тобой и поквитались». Помирился поп с мужиком и стали жить большими приятелями.

* * *

Та же интрига в одном варианте выставляется как случившаяся между племянником и дядею, который вздумал доделать ребенка. Начало то же, но конец иной.

Задумал Иван, как бы дяде Кузьме насмешку отплатить. На ту пору Кузьмы дома не было, оставались одно бабы. Ванька взял веревку, привязал корову за рога и повел вдоль деревни. Увидала из окна тетка и говорит: «Видно, Ванька-та совсем промотался, последнюю корову повел продавать. Сноха, поди-ка спроси его, куда ведет корову?» Сноха выбежала и спрашивает: «Куда повел корову?»— «Да рассердился на жену, вот и веду: где-нибудь проебу!»—«Дай ему ты, сноха!— говорит тетка.— Пусть чужим корова не достается!» Сноха согласилась. «Веди корову на двор!»— закричала она Ваньке.

Вот он привел ее на двор, привязал к столбу, положил сноху на солому, отделал как надо и хочет зашивать ей пизду:

вынимает иголку и нитки. Та испужалась да в избу. «Ну, где ж корова?»— спрашивает тетка. Та чуть не плачет: «Поди сама! Он отделать-то отделал да еще хотел пизду зашить: очень-де широка!»—«Ну, ступай ты, Матрешка,— стала посылать тетка свою дочь-девку,— хошь не задаром твоя честь пропадет, все корову возьмем!»

Пошла Матрешка к Ваньке; он положил ее на солому, отработал и стал вынимать ножик. «Ах, старая чертовка,— говорит Ванька,— что она на смех высылает? Весь хуй до крови ободрал. Я не пожалею, что родня, разрежу пизду-то!» Матрешка испужалась и побежала в избу. «Сама ступай, старая ведьма!— говорит с плачем матери.— Он хотел еще ножом резать, а мне и так больно». А старуха говорит: «Уж разве мне пойти — старинкой тряхнуть!» Пошла к Ваньке, он и ее отвалял да и стал смеяться: у меня-де и дома много в погребу снегу! Схватил пук соломы и вынул огниво. Старуха давай Бог ноги, а Ванька отвел свою корову назад домой и пошел навстречу к дяде. Повстречались. «Здорово, дядюшка!»—«Здорово!»—«Спасибо, что без меня в моем дому порядок держал! Да что у тебя волос на голове совсем нету?»—«Что делать, Бог взял!»—«Хошь, я сделаю, что у тебя будут на голове волосы; только пошепчу тебе в шапку — и дело с концом!» Взял дядину шапку, зашел за куст, насрал в нее, застлал сверху травкой и надел дяде на голову. «Смотри, дядя, трои суток носи — не скидывай!»

ПОП И БАТРАК

Жил поп с попадьею; у них были две дочери. Нанял себе поп работника; дождался весны, сам поехал на богомолье, а работнику приказывает: «Смотри, свет, к моему приезду чтоб ты весь огород скопал и гряды поделал».—«Слушаю, батюшка!» Вот батрак кое-как скопал огород колом, да все время и прогулял.

Воротился поп, пошел с попадьей на огород, видит — ничего не сделано. «Эх ты, свет! Ужли ж не знаешь, как огороды копают?»—«То-то и оно, что не знаю! Коли бы знал — так бы и сделал».— «Ну, свет, ступай в горницу, спроси у дочерей, чтоб дали тебе железную лопатку; я тебе покажу, как копать-то». Батрак побежал в горницу прямо к дочерям: «Ну, барышни, батюшка приказал вам, чтоб вы обе мне дали!»—«Чего?»—«Сами знаете чего — поеть!» Поповны на него заругались. «Нечего тут ругаться-то! Батюшка велел, чтобы скорей меня отпустили: надо гряды копать. Коли не верите, сами у него спросите». Одна сестра сейчас выбежала на крыльцо и кричит: «Батюшка! Вы приказали дать работнику?»—«Дайте ему поскорее; что вы его там держите!»—«Ну, сестрица,— говорит, воротившись, поповна,— нечего делать — надо ему дать; батюшка приказал». Тут они обе легли, и работник лихо их отмахал. После того схватил в сенях лопату и побежал к батьке на огород.

Поп показал ему, как копать гряды, а сам с попадьей пошел в горницу; смотрит, а дочери плачут. «Что вы плачете?»—«Как нам не плакать, батюшка! Сам же ты велел работнику над нами насмеяться».—«Как насмеяться?»—«Да вить ты велел, чтоб мы ему дали!»—«Ну что ж! Я велел дать ему лопату...»—«Какую лопату? Он нас обеих перепортил, невинность нашу нарушил». Поп, как услыхал это, сильно рассердился; схватил кол и прямо на огород. Батрак видит, что поп с колом бежит к нему — не с добром, бросил лопату и давай Бог ноги от попа бежать. Поп за ним, а батрак шибче, так и укрылся от него.

Пошел поп отыскивать своего батрака. Идет, а навстречу ему мужичок. «Здравствуй, свет!»— «Здравствуй, батюшка!»—«Не попадался ли тебе навстречу мой работник?»—«Не знаю, какой-то парень пробежал бойко».—«Это он самой и есть! Пойдем, мужичок, со мною; пособи мне его отыскать. Я тебе за то заплачу». Вот и пошли они вместе; прошли немного, повстречался им цыган. «Здраствуй, цыган!»— говорит поп. «Здоров бул, батенька!»—«Что, не попадался ли тебе навстречу какой парень?»—«А, батенька, какой-то проскочил мимо».—«Это он самой и есть! Пособи нам отыскать его, я тебе заплачу за это».

—«Изволь, батенька!» Пошли они втроем.

А батрак прибежал в деревню уж, надел на себя другую одёжу и сам идет попу навстречу. Поп не узнал его и стал спрашивать: «Что, свет, не видал ли ты какого мужика по дороге?»—«Видел, в деревню побежал».—«Ну, брат, пособи нам его найти». —«Извольте, батюшка». Пошли все четверо искать попова батрака, пришли в деревню, ходили-ходили до самого вечера: нет толку. Стало темно: где бы переночевать? Вот приходят они к одной избе, в которой вдова жила; стали проситься на ночлег. Вдова отвечает: «Добрые люди! У меня нельзя вам ночевать, у меня эту ночь потоп будет! Пожалуй, еще потонете». Но сколько она ни отказывалась — не могла отказаться и впустила их на ночь. А к ней эту ночь обещался прийти любовник. Вот взошли они в избу и легли спать. Поп думает: «Что, коли в самом деле будет потоп?» Взял большое корыто, поставил на полку и лег в корыте. «Коли будет потоп,— (думает себе),— так я стану в корыте по воде плавать». Цыган лег на шестке, головой в золу; мужик лег за столом на лавке, а попов работник у самого окна на скамье.

Только улеглись они, и уснули все крепким сном; один попов работник не спит, и слышит он, что под окошко подошел хозяйкин любовник и стучится: «Отопри, душенька!» Работник встал, отворил окно и тихонько говорит ему: «Ах, миленькой мой! Ты пришел не вовремя. Теперича у меня ночуют чужие люди в доме; приходи на ту ночь».—«Ну, миленькая,— говорит любовник,— нагнись в окошко, хоть мы с тобой поцелуемся!» Работник поворотился к окну жопою и высунул свою сраку; любовник и поцеловал ее всласть. «Ну, прощай, миленькая! Будь здорова; на тую ночь приду к тебе» —«Приходи, душа! Я стану дожидаться. А на прощанье дай, миленькой, свой хуй — мне хоть в руках его подержать: все как будто будет повеселее». Вот он вывалил из штанов на окно свой кляп: «На, милая, полюбуйся!» А батрак взял тот кляп в руки, побаловал-побаловал, вынул нож из кармана и отхватил у него хуй вместе с мудами. Любовник закричал благим матом и побежал без памяти домой. Работник затворил окно, сидит себе на лавке и чавкает ртом — будто что ест. Мужик услыхал, проснулся да и спрашивает: «Что ты, брат, ешь?»—«Да вот нашел на столе кусок колбасы, только никак не угрызу: такая сырая!»—«Даром, брат, что сырая — дай-ка мне кусочек попробывать».—«Э, брат, мне и самому мало! Да, пожалуй, на тебе один конец, ешь на здоровье»,— и отдал мужику отрезанной хуй. Мужик с голодухи начал его жевать; грыз-грыз, никак не может откусить и говорит: «Что, брат, с нею делать^ Никак не угрызешь, эдакая сырая!»— «Ну, ты положь колбасу в печь; пускай поджарится, тогда ты и съешь». Мужик встал,

подошел к печке и сунул колбасу прямо на цыганские зубы; подер-жал-подержал и стал пробивать «Нет, ничего колбаса не упарилась! Ее и огонь не берет».—«Да полно тебе с нею-то возиться; еще, пожалуй, хозяйка услышит — забранится. Небось в печке-то огонь весь разгреб; залей его водою, чтоб хозяйка не узнала».—«Да где воды искать?»—«Ну посцы туда! Чем на двор идти — лучше огонь залей». Мужику крепко хотелось сцать, и зачал он прямо цыгану в рожу сцать. Как услыхал цыган, что откуда-то вода льет ему прямо в рот, подумал: вот де пришел потоп, и стал кричать во все горло: «Ай, батенька, потоп! Потоп!» Поп услышал голос цыгана, проснулся и захотел спросонок прямо на корыте спуститься на воду, да как шлепнется об пол — все ребра себе переломал. «О Боже мой!— кричит поп.— Когда падает малой ребенок — Бог подстилает под него подушку, а как старому придется упасть — так нечистая сила борону подставит. Вот теперича я весь разбился! Не найти мне, верно, плута моего батрака». А работник: «И не ищи лучше; ступай-ка с Богом домой — будет здоровее!»

* * *

Нанял поп батрака. Раз поутру говорит поп батраку: «Давай-ка позавтракаем да пойдем молотить». Сели завтракать; поели того-сего, потом попадья дала на закуску три яйца: два попу, а батраку — одно. Пошли они на ток молотить; взяли цепы и стали работать; поп ударит цепом два раза, а батрак один раз; поп — два раза, а батрак — один раз Поп видит, что батрак выдает его в работе, рассердился и говорит: «Что ты, свет, со мною шутишь, что ли? Я как следует молочу, а ты все выжидаешь: я ударю цепом два раза, а ты супротив меня только один раз!»—«Послушай, батюшка,— сказал батрак,— когда мы завтракали, так ты два яйца съел, а я одно; оттого и силы у меня меньше!»—«Что ж ты, свет, давно мне этого не скажешь? Я бы приказал матке, чтоб тебе и другое яйцо дала. Ступай в избу да скажи матке, чтоб дала тебе другое яйцо, съешь да и воротись назад».

Батрак бросил цеп, прибежал в избу и говорит попадье: «Матушка! Поп приказал, чтоб ты мне дала».—«Чего тебе дать?»—«Сама догадаешься — вестимо: поеть! Только давай поскорее, батька велел торопиться».—«Что ты, проклятой, с ума спятил? Эдакия речи говоришь!»—«Ну сама спроси у попа, коли не веришь». Попадья вышла на двор и кричит: «Послушай, батька! Ты велел работнику дать?»—«А ты еще не дала!— кричит ей поп. — Дай ему поскорее да отпусти: пусть молотить идет». Попадья вошла в избу. «Ну, правда твоя!»— говорит работнику и легла на лавку за столом. Батрак взлез на нее, живо отмахал, торопится уйти, чтобы поп-то не застал, и прямо с попадьи полез через стол,

и тут с его хуя натекло на стол соплей таки порядком. Вышел на двор и дал тягу от попа.

Вот поп помолотил, помолотил и думает: «Что такое значит, что по сю пору нет работника; дай схожу за ним». Пришел в избу и спрашивает у попадьи: «Где же батрак?»—«Как обработал — так сейчас и ушел». Поп думает, что попадья говорит об яйце, подошел к столу и видит, что на столе нагажено, и говорит жене: «Эка ты ему уважила! Верно, дала яйцо всмятку; ишь, не мог он аккуратно съесть, на стол разлил». А попадья посмотрела на стол и говорит: «Эка подлец! Это как он с меня лез прямо через стол — верно, с его хуя и натекли сопли; надо убрать».—«Что, что,— спрашивает поп,— что он с тобой сотворил?»—«Да что ты приказал, то и сотворил — отьеб меня!» Поп начал на себе длинный волоса рвать и заругался на попадью: «Ах ты, треклятая блядища!»

Тотчас запрег он лошадь и поехал отыскивать батрака. Батрак увидал попа, взял выпачкался в грязи и сам пошел к нему навстречу. «Здравствуй, батюшка!»—«Здорово, свет!»—«Куда едешь?»— «Батрака своего разыскиваю».—«Возьми и меня с собою».—«Да ты кто?»—«Грязнов».—«Пожалуй, поедем».

Едут вдвоем, попадается им цыган, тоже назвался с ними ехать. Вот едут втроем, и настигла их ночь. Приехали они к речке и увидели: стоит на берегу избушка, а в той избушке жила вдова, и к ней по ночам ходил любовник. Стали у ней проситься ночевать; она им отказывает: «Никак нельзя! Нынче ночью зальет мою избу водою — вы, пожалуй, сонные потонете!»—«Ничего; мы тогда как-нибудь выйдем». Делать нечего, пустила их ночевать; поп лег на полати. «Здесь,— думает,— высоко; авось вода не дойдет!» Цыган привесил корыто к потолку, лег в него и взял нож. «Когда придет вода,— думает себе,— я обрежу веревки и поплыву в корыте». Хозяйка легла на печке, а батрак хозяйкино-то дело сметил да лег у окна: «Пусть вода придет, ведь один раз умирать!»

Вот ночью слышит он: кто-то стучится к нему под окошко. «Кто там?»—*«Я»,*— говорит любовник.— «Ну что ж, принес что-нибудь?»—«Принес полштофа водки да колбасу».—«Ну давай!» Тот подал. Батрак взял и говорит ему: «Мне никак нельзя теперича тебя принять, потому что у меня постояльцы ночуют; а дай хотя для потехи подержу твой в руках: все легче мне будет!» Любовник вывалил из штанов свой хуй, а батрак взял рукою за хуй покрепче, а другою ищет: нет ли палки его попотчевать; на счастье и попадись ему ножик. Как он барахнул-то ножом — тот и стоит как безумной без хуя, видит: дело-то плохо, и марш домой! А батрак сейчас полуштоф побоку, пьет себе да колбасой заедает.

А попы на это чутки, проснулся поп и кричит: «Грязнов! Что ты ешь?»—«Колбасу».— «Дай-ка и мне!» Тот ему и подал отрезанной хуй. Поп погрыз-погрыз да и отдал назад. «Очень крепка!— говорит.— Еще не уварилась!»

Потом опять заснули все; батрак и вздумал еще подшутить, взобрался на полати и зачал сцать да наметил прямо попу в рот, а тот как закричит: «Вода, вода!» Да чебурах вниз головою. А цыган видит, что поп нырнул вниз,— сейчас обрезал ножом веревки да с корытом бац — так и брякнулся об пол. Кое-как повскакивали да бежать вон! А батрак и теперя поживает с этою хозяйкою.

ПОПОВСКАЯ СЕМЬЯ И БАТРАК

В некотором царстве, в нашем государстве жил-был поп с попадьей, у него было три дочери да батрак. Вот этот батрак и задумал: как бы подобраться к поповым дочерям. Попросить-то прямо не смел; вот дождался он праздника, взял с собой котелок и пошел в сарай, налил в котелок воды, разложил огонь и давай кипятить воду.

Поп воротился от обедни и сел обедать с женою и дочерьми да и спрашивает: «А где же батрак?»— «В сарае,— говорит попадья,— что-то все утро работает».—«Что вы, безбожницы! Послали его работать — эдакой нынче праздник! Али в вас Богато нет?»—«Мы его не усылали; он сам пошел».— «Ступай,— сказал поп старшей дочери,— сходи за ним, чтобы шел обедать».

Поповна побежала в сарай; прибежала и спрашивает: «Что ты, батрак, варишь?»—«Сласть!»— «Дай-ка хлебнуть!»—«Да дай ебнуть!» Поповна заворотила подол, а батрак и ну ее пялить; отделал и дал хлебнуть. Она хлебнула и говорит: «Вода как вода!»— и назад. Приходит в избу; поп и спрашивает ее: «Что ж батрак нейдет?»—«Что-то работает!»—«Дура! Ведь я сказал, чтобы все бросил да шел обедать. Поди ты,— говорит поп середней дочери,— гони его сюда!» Побежала середняя дочь и спросила: «Что ты, батрак, варишь?»—«Сласть!»— «Дай мне хлебнуть!»—«Дай-ка раз ебнуть!» Тут он и эту отвалял и дал после хлебнуть. «Как есть вода!»— говорит поповна и убежала назад. «Что ж батрак?»— спрашивает поп. «Не идет, что-то все возится!» Послал поп меньшую дочь. Пришла она в сарай и тоже спросила: «Батрак, что ты варишь?»—«Сласть!»— «Дай-ка мне хлебнуть!»—«Дай разок ебнуть!» Поповна дала ему разок, хлебнула воды и ушла в избу. Поп осердился и говорит: «Все вы дурищи! Поди ты, попадья! Зови его, чтоб сейчас шел!» Пришла попадья в сарай. «Что ты, батрак, варишь?»— «Сласть!»—«Дай отведать — хоть раз хлебнуть!»— «Дай ебнуть!»

Попадья было заартачилась, а он так — даром не дает попробовать сласти; но вот ей очень захотелось узнать, что такое там варится, попадья и дала ему ебнуть, а потом и хлебнула водицы. «Ну что, хороша, матушка, моя сласть?» Вылили вместе воду и пошли обедать.

«Что ты, дурак, долго не шел; ныня грешно работать!»— сказал поп. Стали обедать; вот подали пирог, поп разрезал его и роздал всем по куску. Попадья отдает свою долю батраку: «На тебе, батрак, мою долю за давишнее!» Глядя на мать, и поповны стали отдавать батраку свои куски: «На тебе, батрак, за

давишнее!» Поп глядел-глядел, да и сам туда ж: «На тебе, батрак, и мою долю за давишнее!»—«Да разве тебя батрак пежил?»—спросила его попадья. «А вас разве пежил?» Попадья и поповны в один голос так и заголосили: «Как же нас пежил!» Поп рассердился и согнал батрака со двора.

ЧЕСАЛКА

Купил старик своей старухе тулуп да под забором всю ночь ее еб. Поутру стала погода мокрая, идет старушонка, сгорбилась да плачет, а старик вслед за нею да на жену так и скачет. Старуха своему старику говорила: «Не разорви меня, Гаврила!» А старик был на ухо крепок, тех речей не расслухал да ей в серево свой хуй и вбухал и ёб ее до усёру. Не насытится никогда око зрением, а жопа бздением, нос табаком, а пизда хорошим елда-ком: сколько ее ни зуди — она все, гадина, недовольна! Эта присказка, сказка впереди.

Жил-был поп. У попа была дочка — еще невинная девка. Пришло лето, стал поп нанимать работников косить сено и нанимает с таким уговором: если дочь его пересикнет через стог сена, что работник накосит в день, то и заработной платы ему нет. Много нанималось к нему рабочих, да все работали на попа даром: поповна что ни выйдет, так стог и пересикнет.

Вот договорился с попом один удалой работник с тем, что будет он косить попу сено, и коли поповна пересикнет, то вся работа пойдет ни за что. Стал работник косить сено; накосил и сметал в стог; лег подле стога, вынул из порток свой хуй да и давай его надрачивать. А дочь попова идет к работнику посмотреть на работу, глядит на него да и спрашивает: «Что это ты, мужичок, делаешь?»—«Чесалку поглаживаю».—«Что ж ты этою чесалкою чешешь?»—«Давай я тебя почешу! Ложись на сено». Легла попова дочка, он начал ее чесать насквозь пизду да и промахнул ее как следует.

Встала поповна и говорит: «Какая славная чесалка!» Потом стала сикать через стог — нет, не берет: только себя обоссала, словно из решета вылила! Приходит к отцу и сказывает: «Оченно велик стог — не смогла пересикнуть!»—«Ах, дочка! Верно, больно хороший работник! Я его на год найму».

Как только пришел работник за расплатою, поп и пристал к нему: «Наймись, свет, на год!»—«Хорошо, батюшка!» Нанялся он к попу. А поповна так ему рада! Приходит ночью к батраку и говорит: «Почеши меня!»—«Нет, я даром чесать не буду; принеси сто рублей, купи себе чесалку». Поповна принесла ему сто рублей, он и начал чесать ее каж-ную ночь.

После того батрак поссорился с попом и говорит ему: «Рассчитай меня, батька!» Рассчитался и ушел. А дочери на ту пору дома не было; приходит она домой: «Где работник?» — «Он, — говорит поп,— рассчитался и сейчас ушел на деревню».— «Ах, батюшка! Что вы сделали; ведь он мою чесалку унес». И пустилась

бежать за ним впогонь. Нагоняет его около речки, батрак засучил портки и стал переходить вброд. «Отдай мою чесалку!»— кричит попова дочь. Батрак взял камень, бросил его в воду. «Возьми себе!»— говорит. Перешел на ту сторону и был таков!

Поповна подняла подол, полезла в воду и ну искать чесалку: шарит по дну — нет чесалки. Ехал мимо барин и спросил: «Что ты, голубушка, ищешь?»—«Чесалку. Я купила ее у батрака за сто рублей, а он, уходя, бросил вот ту чесалку в воду». Барин вылез из брички, скинул с себя штаны и полез искать чесалки. Искали-искали вдвоем. Вот попова дочь увидала, что у барина висит хуй, как схватит его за хуй обеими руками; держит, а сама кричит: «Ах, барин! Стыдно тебе, вить, это моя чесалка! Отдай, гад, назад».—«Что ты делаешь, бесстыдная! Пусти меня!»— говорит барин.—«Нет, ты сам бесстыдник! Чужое добро хочешь взять. Отдай мою чесалку!» И потащила барина за хуй к своему отцу. Поп смотрит в окно: дочка тащит барина за хуй да все кричит: «Отдай, подлец, мою чесалку!» А барин жалобно просит: «Батька, избавь от напрасной смерти! Век тебя не забуду!» Что делать? Поп вынул из порток свой поповской кляп, показывает дочери в окошко и кричит: «Дочка, а дочка! Вот твоя чесалка!»—«И то моя, — говорит дочь,— ишь с конца-та красная! А я уж думала, что барин ее взял!» Сейчас бросила барина и бегом в избу. Барин навострил лыжи — только давай Бог ноги. А девка вбежала в избу: «Где ж моя чесалка, тятенька?»— «Ах ты, сякая-такая!— напустился на нее поп.— Гляди, матка, вить, у нее честности-то нет!»—«Полно, батька,— сказала попадья,— посмотри сам, да получше». Поп портки долой и давай свою дочь ети. Как стало попа забирать — он ржет да кричит: «Нет, нет, не потеряла дочка честности...» Попадья говорит: «Батька! Засунь ей честность-то подальше».—«Не бойсь, матка, не выронит, далеча засунул!» А дочь-то еще молоденька, не умеет подымать ноги круто. «Круче, дочка, круче!»— кричит попадья. А поп: «Ох, матка! И так вся в куче!» Так-то нашла попова дочь чесалку.

С тех пор стал поп их обеих чесать, состряпал им по куколке и доселева живет: дочку с матушкой ебет!

ЗАГОНИ ТЕПЛА

Жил-был мужик; у него было три сына: два умных, а третий дурак. Под старость стал он их спрашивать: «Дети мои любезные! Чем вы меня будете кормить?» Старшие братья сказали: «Работою». А дурак по-дурацки и отвечал: «Чем тебя больше кормить, как не хуем!»

На другой день старший сын взял косу и пошел косить сено; идет дорогою, попадается ему навстречу поп. «Куда идешь?»— спрашивает поп.—«Ищу работы, где бы сена косить».—«Поди ко мне, только с уговором: я дам тебе сто рублей за день, если моя дочь не пересикнет того, что ты накосишь за день; а коли она пересикнет — не заплачу тебе ни копейки». «Где ей пересикнуть!»— думает батрак и согласился. Поп привел его на полосу: «Вот здесь коси, работник!» Парень сейчас же начал косить и к вечеру накосил такую кучу, что страшно посмотреть. Но поповна пришла и пересикнула.

Пошел он домой, как не солоно хлебал! С средним братом случилось то же самое. Ну, пошел и дурак. «Дай-ко,— говорит,— я пойду, поищу по своему хую работы». Взял косу и идет; попадается ему навстречу тот же самой поп и зазвал его к себе работать с таким же уговором. Стал дурак косить; прошел одну линию, скинул портки и стал раком. Тут пришла старшая попова дочь и спрашивает: «Работник, что же ты не косишь?»—«Подожди, дай мне тепла в жопу загнать, чтоб зимою не мерзнуть».—«Загони и мне тепла, пожалуста, а то мы зимой в гости ездим — всегда зябнем».—«Становись раком; заодно загонять!» Она стала раком, а дурак вздрочил махалку да как хватит ей в пизду и давай загонять тепло: до тех пор загонял, что с ней аж пот градом льет. Как его забрало, он и говорит: «Ну, будет с тебя! Хватит на одну зиму!» Она побежала домой и сказала двум своим сестрам: «Ах, душечки-сестрицы! Как славно мне работник тепла в жопу загонял, с него и с меня даже пот полился!» И эти туда ж побежали; дурак и им загнал тепла на зиму. А сена накосил он так, самую малость, только три раза прошел.

Приходит поп с старшой дочерью и говорит: «Ступай, работник, лучше заранее домой; моей дочери этого нетрудно пересикнуть!»—«А вот посмотрим!» Поп велел своей дочке сикать: она подняла подол, как сикнет, да прямо себе за чулки. «Вот видишь,— сказал дурак,— а тоже хвастаешь!» Поп в досаде послал за меньшими дочерьми. «Коли и эти не пересикнут,— (говорит поп),— то я даю тебе с кажной по сту рублей!»—«Хорошо». Но и середняя и меньшая поповны только

себя обоссали. Дурак сорвал с попа триста рублей, пришел к отцу и говорит: «Вот вам хуева работа! Посмотрите, сколько денег!»

СМЕХ И ГОРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был поп; жил он над рекою и содержал на ней перевоз. Приходит к нему один раз бурлак и просит с другого берега: «Эй, батька! Перевези меня».— «Давай, свет, за деньги!»—«Денег у меня нету».— «А нету, так и перевозить не стану».—«Коли перевезешь, батька, я покажу тебе за то смех и горе». Поп задумался, захотелось ему увидать смех и горе. «Что такое,— думает он себе,— говорил сейчас бурлак? »

Поехал на ту сторону, посадил с собой бурлака и перевез на эту сторону. «Ну, батька, ворочай лодку вверх дном!»— говорит бурлак. Поп перевернул лодку вверх дном и ждет себе: что будет? Бурлак вынул из порток свой молодецкой хуй и как ударит по дну — так лодка и развалилась надвое. Поп посмотрел на такой заправской хуй и рассмеялся; а после как раздумался о своей расколотой лодке — так стало ему жалко, что даже заплакал с горя. «Что, доволен мною, батька?»— спрашивает бурлак.— «Шут с тобой! Ступай куда идешь!» Бурлак простился с попом и пошел своей дорогой, а поп воротился домой. Только перешагнул через порог в избу — вспомнил о бурлацком хуе и засмеялся, а как вздумал о лодке — и заплакал. «Что, батька, с тобою сделалось?»— спрашивает попадья. «Ты не знаешь, матка, моего горя!» И сдуру рассказал ей обо всем, что с ним случилось.

Как услыхала попадья про бурлака, сейчас напустилась на своего батьку: «Ах ты, старой черт! Зачем ты его от себя отпустил? Зачем домой не привел? Вить это не бурлак, это мой брат родной! Верно, родня прислала его нас с тобою проведать, а ты нет того, чтоб догадаться. *Я* бы хоть расспросила его. Запрягай-ка скорее лошадь да гони за ним, а то он, бедный, блудить станет и, пожалуй, домой воротится, нас не видавши. Я хоть про родичей-то расспрошу да на его, голубчика, посмотрю». Поп запрег лошадь и погнал за мужиком; нагнал его и говорит: «Послушай, доброй человек! Что ж ты мне не сказался: вить ты моей попадье родной брат.

Как рассказал ей про твою удаль — она сейчас тебя признала и приказала тебя воротить». Бурлак сейчас догадался, к чему дело клонится. «Да,— говорит,— это правда: я твоей попадье довожусь родным братом, да тебя-то, батюшка, прежде никогда я не видывал, а потому самому и признать тебя не умел!» Поп схватил его за руку и тащит на телегу. «Садись, свет, садись! Поедем к нам. Мы с маткою, слава Богу, живем в довольстве и благополучии, есть чем тебя уподчивать».

Привез бурлака; попадья сейчас выбежала к нему навстречу, бросилась бурлаку на шею и спрашивает: «Ах, братец любезный, как давно тебя не видала. Ну что, как наши-то поживают?»— а сама его целует. «По-старому, сестрица! Меня послали тебя проведать».—«Ну и мы, братец, покудова Бог грехам терпит, живем помаленьку». Посадила его попадья за стол, наставила перед ним разных закусок, яичницу и водки, и ну угощать: «Кушай, любезный братец!» Начали все они трое есть, пить и веселиться до самой ночи. А как стало темно, постлала попадья постель и говорит попу: «Мы с братцем вот здесь ляжем да поговорим про наших родичей: кто жив и кто помер; а ты, батька, ложись один на казенке али на полатях».

Вот полегли спать; бурлак взлез на попадью и начал ее попирать своим хуищем, так что она не утерпела — на всю избу завизжала. Поп услыхал и спрашивает: «Что там такое с тобой-то?»—«Эх, батька, ты не знаешь моего горя: мой отец помер».—«Ну, царство ему небесное»,— сказал поп и перекрестился. А попадья опять не выдержала да в другой раз еще пуще того завизжала. Поп опять спрашивает: «О чем еще, матка, плачешь?»—«Эх, батька! Вить и мать-то моя померла!»—«Царство ей небесное! Со святыми упокой!» Так-то вся ночь у них и прошла.

Поутру встала попадья бурлак стал домой собираться; а попадья ну его угощать на прощанье и вином-то, и пирогами, так и суетится около него и говорит: «Ну, братец любезный, коли опять будешь в этой стороне — завсегда к нам заходи!» А поп поддакивает: «Не обходи нас; мы тебе завсегда будем рады!» Попрощались, и бурлак пошел в дорогу, попадья вызвалась провожать его, а за ней и поп пошел. Идут да разговаривают; вот уже и деревни не видно. Попадья говорит попу: «Воротись-ка, батька, домой, что тебе идтить, я и одна теперича провожу братца».

Поп воротился; прошел шагов с тридцать, остановился и глядит: далеко ль они ушли? А бурлак тем временем повалил матку на пригорок, взлез на нее и ну отжаривать на прощанье; а чтобы попа надуть, надел ей на правую ногу свою шапку и велел задрать ногу-то кверху. Вот он ебет ее, а попадья махает то и дело ногой да качает шапкой. Поп стоит да смотрит. «Вишь,— говорит сам себе,— какой родственной человек-то! Далеко ушел, а все шапкою мне махает да кланяетя!» Дай и я ему поклонюсь. Взял да скинул с себя шапку и давай кланяться. «Прощай,— кричит во все горло,— шурин! Прощай!» Отвалял бурлак попадью, да так ее утешил, что три дня под подол заглядывала. Догоняет она попа, а сама с радости песни поет. «Сколько лет с ней живу,— сказал поп, — а доселева не слыхал от нее песен!»—«Ну, батька,— говорит

попадья,— проводила я братца любезного, еще придется ли опять увидеться с ним в другой раз!»— «Бог не без милости! Еще прийдет!»

ЧУДЕСНАЯ МАЗЬ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, парень молодой; не посчастливилось ему в хозяйстве, все коровы и лошади подохли, осталась одна кобыла. Стал он эту кобылу беречь пуще глаза, сам недоест-недоспит, а все за ней ухаживает: раздобрела во как кобыла! Раз как-то убирал он свою лошаденку, зачал ее гладить да приговаривать: «Ах ты, моя голубушка! Матушка! Нет милее тебя!» Услыхала эти слова соседская дочь — девка ражая, и только собрались на улицу деревенские подруги, она им и сказала: «Ах, сестрицы! Я стояла у себя на огороде, а сосед наш Григорий убирал на ту пору свою кобылу, да потом слазил на нее таки прямо под хвост и ну целовать да приговаривать: «Ах ты, голубушка моя, матушка! Нет тебя милее на свете!» Вот девки и начали парню смеяться: где только ни повстречают его, сейчас и закричат: «Ах ты, матушка моя, голубушка!» Что делать парню; никуда глаз показать нельзя. Стал он печалиться. Вот увидала его старуха тетка. «Что, Гриша, невесел, что головушку повесил?» Он ей и рассказал про все это дело. «Ничего, Гриша,— сказала старуха,— все поправлю; приходи-ка завтра ко мне. Небось перестанут смеяться!»

Старуха-то была лекарка, да такая важная — на все село. На-другой день пошли вечером, а в избу к ней сходились деревенские девки на вечерницы. Вот она вечером-то увидала ту девку, что посмеялась, как Григорий кобыле под хвост лазил, и говорит ей: «Ты, девушка, заходи ко мне завтра поутру; мне надо кой о чем с тобой потолковать».— «Хорошо, бабушка!» На другой день встал молодец, оделся и пришел к старухе. «Ну смотри, Гриша, чтоб у тебя припас-то твой готов был! А теперя становись за печку да стой смирно, пока не позову». Только стал он за печкою, пришла и девка. «Здравствуй, бабушка!»—«Здорово, голубушка! Вот что, девушка, хочу тебе сказать: вить над тобою худое деется; вить ты, родимая, оченно больна...»—«Э, бабушка, я, кажись, совсем здорова!»—«Нет, голубушка, у тебя в нутре то деется, что беда, коли до сердца дойдет и подумать-то страшно! Хошь теперича и не больно тебе, а как дойдет до сердца — в то время уж ничем не вылечишь; так и помрешь! Дай-ка я тебя за живот пощупаю».—«Пощупай, бабушка!»— говорит девка, а сама чуть не плачет со страху. Стала баба щупать ее за живот и говорит: «Вишь, я правду сказывала! Как только вчерась на тебя взглянула — сейчас догадалась, что с тобой недоброе деется. У тебя, голубушка, подле сердца желтуха...»—«Полечи, пожалуста, бабушка!»—«Уж коли хвораешь, так надо полечить; только

стерпишь ли? Ведь больно будет!»—«Что хошь делай, хоть ножом режь, да вылечи!»—«Ну стань же ты вот тута, высунь голову в окошко и примечай: с какой стороны, с правой али с левой, будет больше народу идти? А назад-то не моги оглядываться, а то все мое лекарство задаром пропадет: тогда и двух недель не проживешь!» Девка высунула свою голову в окошко и ну глазеть по сторонам; а старуха задрала ей хвост и говорит: «Нагнись-ка туда за окошко побольше! Да не оглядывайся: сейчас стану помазком тебе мазать да своим деготьком!» Тут вызвала старуха потихоньку парня: «Ну, работай!» Вот он и засунул девке помазок свой на целую четверть вглубь, и как стало у них заходиться — стала девка жо-пою вертеть, а сама просит: «Бабушка-голубушка! Мажь, мажь побольше своим деготьком да помазком!» Парень отвалял ее и ушел за печку. «Ну, девушка,— сказала старуха,— теперича ступай домой, такая будешь красавица, что любо-дорого!» Девка поблагодарила старуху: «Спасибо, бабушка! Какое славное у тебя лекарство-то! Просто сласть!»—«У меня ничего худаго нету, а это лекарство для баб и девок куда пользовитое! А с какой стороны народу шло больше?»—«С правой, бабушка!»—«Ишь, какая ты счастливая! Ну, ступай с Богом домой». Девка ушла, ушел и парень. Вот он пообедал и повел свою кобылу на реку поить. Девка увидала его, выскочила и кричит: «Ах ты, матушка моя, голубушка!» А он оборотился да и ну передразнивать ее: «Ох, бабушка-голубушка! Мажь же, мажь побольше своим деготьком да помазком!» Тут девка язык прикусила и стала жить с парнем дружно.

•*к & к*

В одной деревне жил-был пастух, молодой парень. Деревенские девицы и молодые молодицы к нему были привычны и всякие шутки от него принимали. Многие девки на него завидовали, хочется полюбить его, да не всякой удается-то!

Вот девки и придумали на него напраслину, а может, и взаправду они застали его на кобыле — и ну над ним потешаться. Другие девки еще не так его докоряли, Как одна Дуня. Погонит, бывало, она поутру скотину, а сама кричит пастуху: «Смотри-ка, Иван, стереги мою кобылу!» Просто проходу ему не дает со своей кобылой. Пастух все себе на ус мотает.

А в деревне жила старуха — такая приветливая, и к этой старухе собирались девки на посиделки. Пошел пастух к старухе и прямо упал к ней в ноги: «Заставь, бабушка, за себя вечно Бога молить, а я тебя до веку не забуду». Рассказал ей про свое горе и дал ей полтинник денег. «Хорошо, родимой! Приходи ужо в сумерки».

Вечером пригнал пастух с поля стадо; а в то время был

дождик; стали бабы зазывать своих, и Дуня тоже побежала по деревне искать свою корову. А старуха увидала ее в окно и закричала: «Дуня, Дуня! Поди-кась сюда». Девка прибежала. Как зачала бранить ее старуха, а пастух-то спрятан у нее за печкою. «Смотри, Дуняша, будешь каяться, да не воротишь!» Дуня испугалась и не знает, какая такая вина за нею. «Экия вы дуры безопас-ныя!— сказала старуха.— Бегаете неосторожно и прыгаете через канаву как попало! Годится ли эдак делать? Посмотри-кася, что ты теперь наделала: ведь ты, дура, честь свою испортила! Кто тебя за-муж-то возьмет?»—«Ах, бабушка! Нельзя ли похлопотать да поправить как-нибудь?»—«То-то поправить! За все-про все отвечай бабушка! Поди-ка сюда, делай, что скажу, да терпи, хоть и больно будет».—«Хорошо, бабушка!»—«Смотри в окно да раскорячься пошире, а сама, чур, не оглядывайся: а то все дело пропадет, в то время и поправить нельзя будет!» Заворотила подол и махнула пастуху. Иван подкрался тихонько, скинул портки и начал поправлять Дунькину честь. «Ну что, хорошо ли?»— спрашивает старуха. «Хорошо, бабушка; ух, как хорошо! Еще поправь, бабушка! Я тебя николи не забуду». Покончил свое дело пастух и спрятался за печку. «Теперь,— сказала старуха,— ступай, глупенькая, домой! Да моли за бабушку Бога». На другой день погнала Дуня скотину и опять стала дразнить пастуха кобылою; а он ей в ответ: «А не хочешь ли, честь тебе поправлю!»—«Ну хорошо, Иван!»— сказала с укором девка. «Не знаю, как тебе, а мне хорошо было!»— отвечал пастух.

* * *

Жил-был молодец, повадился ходить мимо купеческого дома: как идет — прокашляется и скажет: «Гуся ел, да попершилось!» Вот купеческая дочь и думает себе: «У моего батюшки много денег, а каж-ной день не едим гусей!»—«Это бывает не богатством, а счастием!»— отвечал молодец и пошел домой. А купеческая дочь позвала какую-то старую нищенку и посылает: «Иди за ним вслед да узнай, что он там обедает? *Я тебя* награжу за это». Нищенка пошла.

Молодец пришел домой, а за ним и нищенка просится отдохнуть в избе; вот ее и пустили. Только молодец жил в большой бедности. «Матушка,— говорит он,— нет ли чего поесть?»—«Щи вчерашние да третьевошная каша».—«Давай-ка сюда кашу». Подала мать кашу. «А масла,— говорит,— нету!»—«Да нет ли хоть сальной свечки?»—«На вот огарочек». Положил он свечной огарок в кашу и давай уплетать. Нищенка все это и рассказала купеческой дочери.

Вот идет молодец мимо купеческого дома да опять прокашлялся и сказал: «Гуся ел, да попершилось!» А купеческая

дочь в окошко кричит: «Сальной огарок с кашей ел!»—«Ах; мать твою! Почему она знает? Верно, это нищенка ей сказала». Отыскал он нищенку и стал ее просить: «Нельзя ли как поправить это дело? Коли будут деньги — заплачу тебе!»—«Хорошо»,— сказала старушка. Сейчас пошла к купеческой дочери: «Как, сударыня, поживаете?»— «Не совсем здорова, бабушка; все животом хвораю. Нельзя ли помочь моему горю?»— «Можно, прикажи истопить баню, я вам живот-то и поправлю».

Вот истопили баню; старуха загоди спрятала там молодца, потом привела купеческую дочку, раздела всю донага и говорит: «Ну, сударыня, завяжите теперь глаза, чтоб дурно не сделалось!» Завязала ей платком глаза, положила ее на лавочку и говорит: «Теперь стану мазать легкою мазью!» И провела по брюху рукою раза два. «А теперича будет потруднее!» И после сказала молодцу, он взлез на девку, всунул ей свой кляп, да так, что она закричала на всю баню. «Потерпите маленько, сударыня! Завсегда сначала больно бывает, а как обойдется — так по маслу пойдет, и живот заживет!» Зачал он махать купеческую дочку, забрало ее за живое, хорошо показалось; она и говорит: «Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь!» Сделал молодец с нею раз и спрятался; старуха развязала купеческой дочери глаза. Та посмотрела, а под нею кровь. «Что это, бабушка?»—«Это дурная кровь из тебя вышла; полегчило ль тебе?»—«Полепило, бабушка! Ах какая у тебя славная мазь, слаще меду! Нет ли еще?»— «Разве еще хочется?»—«Очень хочется, бабушка! Что-то живот опять зачал побаливать». Завязала ей старуха глаза, положила на лавочку, а молодец опять стал ее махать по-свойски. «Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь!»— говорит купеческая дочь. Отделал ее молодец и спрятался; купеческая дочь встала и просит: «Принеси мне, бабушка, этой мази; вот тебе сто рублей за леченье!» Так дело и кончилось.

Вот идет молодец мимо купеческого дома и опять говорит: «Гуся ел, да попершилось!» А купеческая дочь кричит в окно: «Сальную свечу с кашей съел!» А молодец в ответ: «Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь!»

Стало у купеческой дочери брюхо расти; приметила мать и спрашивает: «Что это, дочка, никуда ты из дому не ходишь, а брюхо у тебя выше носу подымается?»—«Ах, матушка, вить это от того — как ходила я с бабушкою в баню, она все мазала мне живот мазью, да такою славною, слаще меду!» Мать догадалась, позвала к себе нищенку и спрашивает: «Ты, бабушка, мазала мою дочь в бане мазью?»—«Я, сударыня!»—«Помажь и мне!»—«Изволь, помажу». Тотчас побежала за молодцем. «Одевайся, иди, купчиха мази просит!»

Пришли все в баню; старуха завязала купчихе 1лаза и положила ее на лавку, а молодец на нее взлез и ну отжаривать. Тут купчиха поскорей платок с глаз долой, увидала молодца, поцеловала его за работу и говорит: «Ну, молодец, живу я с мужем двадцать лет, а эдакой сласти не знавала. Вот тебе сто рублей, будь мужем моей дочери».

Так и женился молодец на купеческой дочери и задал пир на весь мир, и я там был — мед-вино пил, по усам текло, в рот ни капли не попало!

* * *

Жил-был солдат, любил выпить; напала на него одышка, и пошел он к лекарке. Лекарка была хоть и старуха, да еще крепенькая; как увидала солдата, засвербело у ней меж ногами. «Что, служивой?»— «Да вот полечи от одышки».—«Раздевайся да садись». Солдат сел, а лекарка поставила перед ним штоф водки: «Кушай, служивой, на здоровье!» Солдат не заставил себя просить, так нализался, что в глазах зарябило: тут же повалился да и заснул. Старуха ну солдата ощупывать, добралась до пупа и пониже; и как завоет: «Ах, я взбалмошная! Что наделала, кляп-то у него не то чтобы ожил, а совсем загнулся...» Уложила солдата на кровать и сама улеглась подле; лежит да все щупает: не ожил ли хуй у него? А солдат храпит себе во всю ивановскую. Дотронулась она в последний раз до корня, и видит, что он торчит, и уснула.

Перед рассветом солдат очнулся, увидал бабу подле себя и думает: «Дай-ка ее сбоку хвачу!» И придвинулся как следует. А старуха была чутка, говорит спросонок: «Что ты, служивой, делаешь? Как тебе не стыдно!» А сама еще больше на хуй навертывается. «А что, бабушка, разве для хвораго это вредно? Я, пожалуй, выну».—«Что ты, служивой! Засовывай, да нельзя ли поглубже; тебе от того полегче будет!» Солдат отработал ее и ушел, приговаривая: «Хоть не легче, так сытно!»

На горе солдата, видела все это девка, старухина племянница, она на полатях спала, и рассказала другим девкам. Стали они солдата дразнить: «Старуху качал! Старуху качал!» Солдат терпел, терпел и пошел с жалобой к старухе. «Ах, благодетель!— сказала старуха.— Да что ты давно мне не рассказал про это, я бы отучила смеяться мерзких девчонок. Ах они такие-сякие! Да разве у старухи хуже ихней-то дыра! Да где им, паскудным, так подмахивать! Послушай же, ко мне ходит лечиться одна девка от грыжи; так ты, служивой, приходи завтра вечером сюда, я тебя спрячу на кровать, а девку-то поставлю на четвереньки, ты и откачай ее на все корки!»

Вот на другой день солдат по-сказанному, как по-писаному,

пришел и лег на кровать. Прошло с полчаса — глядь: молодая девка пришла. Солдат как увидал ее солдат — у него жила натянулась и приподнялась не хуже штыка. Старуха поглядела на девку и говорит: «Что ты, родимая! Да у тебя меж ног блохи гнездушко свили, и вывесть-то их нельзя другим манером, как только рукою; а то, пожалуй, умрешь».—«Сделай, бабушка, божескую милость, вылечи!»—«Ну, делать нечего; не хотелось бы рукой лезть в ад, да надо. На вот тебе платок, завяжи глаза, разденься наголо да стань на четвереньки». Девка все то сделала. Тут солдат подошел к мишени, взял хуй в обе руки и стал всаживать ей в пизду. Девка ну кричать: «Больно, бабушка! Больно!»—«Терпи, кормилица! Вишь, проклятыя блохи как расплодились, даже в устьях поделали норы!» Солдат всунул ей на целую четверть, девка взвизгнула: «Ой, бабушка, умру; больно, родимая, больно!»—«Постой, дитятко, я с деготьком попробую; авось легче будет». Солдат всадил ей, девке, хуй донельзя — девка и язык прикусила — и давай ее насаливать. Стало у них заходиться. «Вот теперь, бабушка, хорошо! Право слово, хорошо! Да нельзя ли еще деготьком подмазать? С деготьком-то задорнее! Я уж у отца целую бадью с дегтем утащу да тебе принесу». Солдат слышит, что девка-то разгорелась на гвоздю, и ну тискать свой хобот вместе с бубенчиками, да так разутешил, что сделал пизду шире шапки. «Ну что, легче ли?— спрашивает старуха.— Кажись, все подохли!»—«Как же, бабушка! Теперь полегчило!» Солдат спрятался; девка встала, оделась и ушла.

На другой день девка-широкопиздка повстречала солдата и стала его дразнить: «Старуху качал! Старуху качал!» А солдат ей говорит: «А с деготьком-то ведь лучше!»

*** Л А**

Был-жил приказной. Был он холост, платья имел одну пару, сюртук да брюки; наденет, бывало, сюртук о две полы, а бока-то голы; служил он исправно и пил вино заправно. Вздумалось ему познакомиться с одной девицей, что жила неподалеку в соседстве, — Дарьею. Только все не удавалось; и пришло ему на ум прельстить ее хвастовством. Идет, бывало, со службы — молчит, ничего не говорит, а пойдет из дому на службу, дойдет до Дарьина дому, схаркнет, сплюнет и говорит: «Фу, с курятнинки-с поросятинки в горлышке першит!» Так говаривал он не по один день, и девка с своей матерью всегда слышали и удивлялись: «Неужели он каждой день жаркое ест? Ишь, ходит-то завсегда как есть оборванец!»—«Экая ты дура!— говорит мать Дарье.— Надень-ка мою старую гуню да чебак и ступай к ним, словно нищенка, просить милостину в обеденный час. У него ведь мать-то подслепа, не разглядит тебя, а ты прийди да и попросись на

печку погреться; вот сама все и увидишь». Дарья надела старую гуню и чебак, пришла и попросилась на печь обогреться.

Тем временем и приказной пришел домой, разделся, вынул из кармана полсвечки сальной и говорит матери: «Чего б мне поесть, маменька?»—«А чего, сынок! Хлеб на столе, а горячая вода в печке». Взял он хлеб, покрошил в чашку, налил горячей водою; разломил сальной огарок надвое: одну часть положил в чашку, а другую намазал на ломоть хлеба и начал похлебку свою уписывать да хлебом прикусывать; ест да похваливает: «Хороша похлебка!» Девка чуть не грохнула от смеху и, немного погодя, ушла домой, рассказала про то своей матери и всем девкам, как-де приказной хлебал горячую воду с сальным огарком.

Идет приказной на службу, дошел до Дарьина дома, скашлянул, крякнул и говорит: «С курятинки-*с* поросятинки в горлышке першит!» А Дарья ему в ответ: «Не с горячей ли воды да с свечного огарка так в горле пересохло?» Приказной со стыдом убежал. «Эх, беда!— думает.— Как это она узнала?» Разнеслось про то по всем его товарищам, начали над ним смеяться и на вечеринках, и на службе. Задумал приказной отомстить девке и узнал как-то, что Дарье прихворнулось и ходит она к старухе, что издавна занималась всякими женскими повреждениями. Доброй молодец спохватился, пришел к старухе и просит: «Нельзя ли как отсмеять Дарью насмешку?»— и обещается заплатить за то, как скоро получит жалованье. Старуха не отказалась: «Ладно, молодец! Не зевай, в семь часов вечера ко мне побывай. Она сегодня у меня была, полечить перекос нутра просила — уже и баня для нее готовится».

Приказной еле вечера дождался, поплелся к старухе. «Ну, полезай пока в голбец,— сказала ему старуха,— подожди да разболонись (разденься)! А как она в баню прийдет — ты смотри не зевай, тотчас в передбанок прибегай». Пришла девка в баню, старуха ее вымыла, выставила маленькое окошечко, велела Дарье просунуть в него свою голову и упереться в стену плечами; взяла потом суконку, мылом натирала и приказного в двери впущала. Приказной к голой девке подходил, хуй надрочил и давай у ней перекос поправлять, а старуха суконкой по спине ей потирать. Девка кричит: «Ой, бабушка, шибко! Ой, бабушка, садко!»—«Молчи, глупенькая! Скоро будет сладко!» Приказной дело свое совершил и на улицу ускочил; а старуха знай наговоры шепчет: «Ты правься, косовина на топорище, и будь пряма, словно тросточка, а ты, красная девица, не будь упряма, а будь ветляна (вежлива), над молодчиками не смейся, а кто попросит у тебя — с охоткой давайся!»

На другой день приказной идет мимо Дарьина дома,

кашляет-харкает: «Фу, с курятинки — с поросятинки в горлышке першит!»—«Экой проклятой хлопуша! Горячую воду с сальным огарком хлебал, а на курятинку клепит!» А он ей в ответ: «Ой, бабушка, садко! А что, Дашенька, было ли сладко?» Девка замолчала и с тех пор никогда над ним не смеялась больше.

СОЛДАТ САМ СПИТ, А ХУЙ РАБОТАЕТ

Жил-был мужик, у него была молодая хозяйка, большая блядь. Вот пришли к ним в деревню солдаты, и поставили к этому мужику в постояльцы одного служивого. Вот легли они вечером спать все вместе: хозяйка в средине, а мужик с солдатом по краям. Мужик лежит да разговаривает с женою, а солдат-та улучил то времечко и стал хозяйку через жопу валять. Мужик разохотился было и сам на бабу слазить и хотел ее пощупать — хвать за пизду рукою и поймал солдатской хуй. «Что ты делаешь, служивой?» А солдат храпит себе, как будто крепко спит. «Ишь какой служивой!— сказал мужик.— Сам спит, а хуй в пизду наровит».—«Извини, хозяин! И сам не знаю, как он туда попал!»

& & &

Долго подбирался солдат, как бы уеть хохлушку; вот и выдумал, и говорит хохлу: «Хозяин! У тебя в дому много чертей, спать не дают! А ты каково спал?»—«Я, слава Богу, хорошо!»—«Ну, я нынче с тобой ляжу». Хохлушка говорит: «Пущай с нами ляжет!»

Хохол согласился. Вот сам хозяин лег с краю, хозяйку положил в середку к себе передком, а солдат улегся к стене и ну поталкивать хохлушку через жопу. Хохол протянул тихонько руку и ухватил солдата за хуй.—«А, господа-служба, сам спит, а хуяку пустил в чужую пиздяку!»—«Что ты, чертов сын, ухватил меня за хуй?— закричал солдат.— Я и жене твоей не позволю — не только тебе!»—«А ты зачем, господа-служба, пустил своего хуяку в чужую пиздяку?»—«Да разве он лазил туда?»—«Ишь какой! Да я его оттуда насилу вытащил!»—«Экой блудливой шельма! Ну, надую ж ему бока; не станет он у меня шляться по чужим дырам».

СОЛДАТ И ХОХЛУШКА

Ехал хохол с жинкою и сыном в город на волах, а кирасир привязал на дороге кобылу к дереву и ебет ее. «Что ты, москаль, делаешь?»—«Да вот казенная лошадь сплечилась, так лечу!» А хохлушка думает: «Верно, у него хуй большой! Ишь кобылу ебет!»

Взяла и села в телеге на грядку; колесо ударилось о кочку, хохлушка упала с телеги и кричит: «Беги скорей за солдатом, я сплечилась!» Хохол побежал, догнал солдата: «Москаль! Будь родной отец, помоги, пожалуста, у меня хозяйка сплечилась». —«Что делать! Надо помочь твоему горю!»

Воротился солдат; хохлушка лежит на земле да стонет: «Ай, батюшки, сплечилась!»—«Есть ли у тебя,— спрашивает солдат хохла,— рядно, чем телегу накрыть?»—«Есть!»—«Хорошо; давай сюда!»

Накрыл телегу и положил туда хохлушку. «А есть ли у тебя хлеб-соль?»—«Есть».

Солдат взял немного хлеба и посолил его. «Ну, хохол, ступай, держи волов, чтоб с места не трогались!» Хохол ухватил их за рога и держит; а солдат взлез на телегу и давай еть хохлушку. Сын увидал, что солдат на матери лежит, и сказал: «Тятька, а тятька! Москаль мамку ебет».— «И то, сынок, кажись, ебет! Да нет, его хлеб-соль не попустит!»

Солдат отработал и вылез из телеги. Хохлушка говорит: «Ну, спасибо тебе, москаль! Вот тебе карбованец». Хохол достал кошелек, дает ему два карбованца: «Спасибо, москаль, что жинку вылечил!»

СОЛДАТ И ХОХОЛ

Стоял солдат у хохла на квартире и свел знакомство с его хозяйкою. Хохол заметил и перестал ходить на работу: все сидит дома. Солдат поднялся на выдумку, переоделся в другую одежу, приходит вечером к хате и стучится в окно. Хохлушка спрашивает: «Кто там?» А солдат отвечает: *«Бабе».*— «Какой Бабе?»—«Какой хохлов ебе! Что, хохол дома?»—«На что тебе?»—«Да вот последовал указ всех хохлов переть! Отпирай-ка скорей двери!»

Хохол испугался, не знает, куда деваться; вскочил с лавки, схватил кожух, залез под лавку и укрылся тем кожухом. Хохлушка отперла двери и впустила солдата; вошел он в хату и кричит: «Где же хозяин?»—«Его нима дома!»

Солдат начал искать его на печи, на полатях и по всем углам и наконец напал на хохла под лавкою. «А это кто?» Хозяйка говорит: «Это теля». А хохол услыхал и замычал по-телячьи. «Ну, коли нет хозяина, так сама ложись!»—«Ах, Боже мой! Нельзя ли обождать до другаго раза, пока хозяин прий-дет?»—«Тебе хорошо — до другаго раза! А мне надо обойтить все избы, а не обойду — так триста палок в спину. Ложись-ка скорее; мне с тобой некогда разговаривать».

Хохлушка легла, а солдат начал ее осаживать по-свойски, до того припер ее, что аж запердела с натуги. Отработал солдат и ушел из хаты.

Хохол вылез из-под лавки и говорит: «Ну, спасибо тебе, жинка, что меня пожалела! У тебя две дыры: в одну прет, в другую дух идет — и то ты не утерпела да запердела, а я, кажись, и совсем усрался бы! Ох, жинка! Ты умна, а я еще умней: ты сказала «теля», а я и замычал как по-телячьи!»

СОЛДАТ И ПОП

Захотелось солдату попадью уеть; как быть? Нарядился во всю амуницию, взял ружье и пришел к попу на двор. «Ну, батька! Велено всех попов перееть, вышел такой указ, подставляй свою сра-ку!»—«Ах, служивой! Нельзя ли меня ослобо-дить?»—«Вот еще выдумал! Чтоб мне за тебя досталось! Скидай-ка портки поскорей да становись раком».—«Смилуйся, служивой! Нельзя ли вместо меня попадью уеть?»—«Оно, пожалуй, можно-то можно! Да чтоб не узнали про то, а то беда будет! А ты, батька, что дашь? Я меньше сотни не возьму».—«Возьми, служивой! Только помоги горю».—«Ну смотри же, ступай и ляжь в телегу, а посверх себя положи попадью, я приду и будто тебя отъебу!»

Поп лег в телегу, попадья на него, а солдат задрал ей подол и ну валять на все корки. Поп лежал-лежал, и разобрало его; хуй у попа понатужился, просунулся в дыру сквозь телегу и торчма торчит, да такой красной! А попова дочь смотрит на него и говорит: «Ай да служивой, какой у него хуй-то: большой, здоровенный: двух'ебет, да еще конец мотается!»

СОЛДАТ РЕШЕТИТ

Была свадьба у богатого мужика: женил он сына, и было у него пированье великое. Обвенчали жениха с невестой и спать уложили, а наутро подняли, поздравили с законным браком, потом накрыли молодых белою простынею и стали решетить (т. е. давать молодым дары): всякой кладет денег сколько может! Вот все отрешетили; остался один солдат. Старик свекор видит, что он лежит с похмелья, и говорит: «Что ж, служивой, встань да порешети мо-лодых-то!» Солдат встал. «Решетить так решетить!»— говорит и идет без портков — как спал, не берется за решето, а прямо поднял простыню и давай решетить молодую через жопу. «Служивой,— кричит свекор,— ты не так решетишь!» А молодая: «Ничего, батюшка! Пускай хоть так пореше-тит!» Отвалял ее солдат и полез на лавку.

Вот свекру досадно стало, и говорит он девкам: «Спойте-ка солдату страмную песню!» Девки запели: «Ах ты, солдат! По белу свету волочился, а решетить не научился!»—«Ах вы, курвы! Как умел, так и решетил!»

ТЕЩА И ЗЯТЬ-ДУРЕНЬ

Жил-был мужик с бабой, у них была дочь. Нашелся жених, высватал девку и женился на ней.

Случилось зятю быть у тещи в гостях на святках. Теща посадила его за стол и начала угощать; поставила перед ним разных закусок, а сама зятя спрашивает: «Послушай, сынок! У вас нонче какую животину к празднику били?»—«Да вить мой батюшка перед самым праздником поймал суку в анбаре и так ее прибил, что она усцалась и усра-лась; насилу сука-то вырвалась да бежать, а батька за нею вдогонку, нагнал ее у забора, как она лезла в дыру, да по пизде еще раз вдарил!»—«Ну, нажила себе умнаго зятя!— думает теща.— Экое словечко сбухал! Больше у него ничего не спрошу».

БОЛТЛИВАЯ ЖЕНА

Жил-был мужик, и захотелось ему попытать: можно ли, когда случится, сказать жене тайну али нет?

Захотелось ему раз до ветру, он пошел на двор и высрался; воротился в избу, сел на лавку, повесил голову и так тяжело вздыхает, будто что худое сделал! Стала баба его спрашивать: «Что ты, али захворал? Какой давеча веселой был, а теперича поди, как рукой сняло!»—«Эх, жена, молчи!— говорит мужик.— Сам не знаю, перед добром или худом это со мной случилось!»

Баба пристала: «Скажи да скажи мне, что такое случилось?»—«Сейчас ходил я, жена, до ветру; только сел да перднул, как из жопы у меня вылетела одна сорока! Вот я и думаю: к чему бы это такое было?»

Как услыхала баба про сороку, тут же пошла к куме за каким-то делом и давай ей рассказывать: «Послушай, кума, что с моим мужем-то вчера случилось: пошел он до ветру, только перднул — как у него из жопы вылетело две сороки. К чему бы это такое?»—«Не знаю, кумушка!»

Потолковали они, потолковали и разошлись. Сейчас побежала кума к своей куме и говорит ей: «Не слыхала ты, кумушка Арина, что случилось с Иваном-то? Ко мне жена его приходила и сказывала, что пошел он до ветру и только перднул раз — как у него из жопы вылетело три сороки!»

Кума Арина побежала к соседям и нахвастала, что пошел Иван до ветру, а у него из жопы вылетело четыре сороки. Чем дальше шло — тем больше сорок прибывало; как обошла эта весть всех деревенских баб — оказалось, что у мужика из жопы вылетело двенадцать сорок, и такая пошла на него слава, что и показаться никуда нельзя! Кто ни попадется на глаза, всяк его спрашивает: «Что, брат, правда? Как это, брат, у тебя из жопы двенадцать сорок вылетело? Расскажи, пожалуста!»

ЖИДОВКА

Пошел парень на работу; увидел на дороге кабак и заехал ночевать. А тот кабак держал жид; у него была жена.

Вот стемнело, и полегли они спать на полу. Показалось жидовке жарко, она спросонок раскидалась и посбросала с себя все: лежит с открытой пиздой. Взяла мужика охота; он не думал долго, взлез на нее и давай валять. Жидовка думает себе, что это муж ее качает, и говорит: «Волько, волько!» А парень отвечает: «Какого ты черта волькаешь? Жид проснется!» Жидовка схватила его за голову, пощупала — а пейсиков нет! «Ай вей, волько!»— «И так потихоньку!»— сказал парень; отработал и слез долой.

СОЛДАТ И ЧЕРТ

Вышел солдат в чистую отставку и пустился на родину; а солдатик-то был — размычь горе: какие были деньжонки, все пустил в разные стороны. Идет дорогою. «Дай,— говорит,— с горя горелки тяпну! Продам последний ранец и развеселю ретивое».

Ладно, ранец побоку и урезал полштоф начисто. Пошел путем-дорогою, брякнулся спьяна наземь и стоит на четвереньках: никак не может подняться! Прибежал черт: «Что ты делаешь, служивой?»— «Сам видишь! Ебу!»—«А что ж у тебя хуй торчит наружу?»—«Не попаду!»—«Да ты кого ебешь?»— «Да кого велишь, того и стану». Черт видит, что солдат — парень ловкой, а им таких и надо, взял его к себе: солдат теперь живет богато — каждой день пьет горелку, курит махорку, редькой закусывает.

БИТЬЕ ОБ ЗАКЛАД

Был поп, содержал на большой дороге постоялой двор. Идучи с заработков, заходили к нему ночевать и обедать всякие мужики. Вот разговорился раз поп с одним парнем: «Что, свет, хороша ль работа была? Много ль денег заработал?»—«Сот пяток несу домой».—«Это доброе дело, свет! Давай-ка со мной посмотрим да об заклад побьемся на эти пять сотен-то; коли выиграешь — будет у тебя целая тыща».—«О чем нам с тобой спорить-то?»— «А вот что: живи у меня сутки, пей-ешь что твоей душе угодно, только до ветру не ходи: вытерпишь — твое счастье, а не вытерпишь — мое заплатишь!»— «Изволь, батько!»

И ударились об заклад. Поп сейчас поставил на стол всякого кушанья и вина; парень давай уписывать, нажрался и напился до того, что вздохнуть невмоготу. Запер его поп в особую горницу. Только дня еще не прошло, а мужику захотелось срать: пришло невтерпеж! «Что делать, проспорил,— говорит он попу,— отвори, батька!»

Поп обобрал сейчас-то с него деньги и отпустил домой начистоту. Так понравилось попу огребать денежки; надул еще двух-трех мужиков таким же манером. Прошел о нем слух по деревням и селам, и выискался один хватюга. Шел он домой с работы, а денег в кармане у него меньше гроша; пришел к попу ночевать. «Откуда идешь?»— спрашивает поп.—«В работниках жил, зовут Какофием, теперя иду домой».— «А много ль денег домой несешь?»—«Тысячи полторы будет!» Поп как услышал — чуть не подскочил от радости. «Давай,— говорит,— об заклад биться: ешь и пей ты у меня что душе угодно, только до ветру не ходи целые сутки. Вытерпишь — я плачу тебе полторы тысячи, а не вытерпишь — ты мне заплатишь. Хошь?»—«Давай, батька!» Уселся мужик и давай угощаться: поп не успевает носить кушаньёв да вина наливать — так все и прибирает.

Нажрался, напился и спать повалился; поп его и запер накрепко. Ночью проснулся мужик и так захотелось ему до ветру, что, кажись, последнюю калитку ломает — так туго приходит! Мужик увидал: на гвозде висит большая попова шапка, снял ее и навалил больше половины, и опять повесил на стену, а сам улегся спать. Прошли сутки; мужик прижал попа: «Подавай денежки!»

Поп отпер, осмотрел везде — нигде не видать насранного. Поп морщится, а делать нечего, заплатил ему деньги и спрашивает на прощанье: «Как тебя, проклятой, зовут-то? Николи тебя пущать не буду!»—«Меня зовут Какофием, батько!»— отвечал мужик. Взял денежки и ушел.

Остался поп один и раздумался: жалко ему стало денег. «Пойду с горя лошадей посмотрю! Догоню мужика, авось выможжу как-нибудь назад свои деньги». Схватил со стены шапку и напялил на голову: говно и потекло оттуда по голове на Шею ему и на плечи. Поп еще пуще взбесился, выскочил на двор, сел верхом на лошадь и погнал по большой дороге; а навстречу ему извозчики едут. Поп и спрашивает: «Не видали ль, ребята, *Какофья?»*— «Видим каков ты! Неча сказать, хорош! Кто тебя так славно изукрасил-то!» С тем поп и воротился.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были три брата — все женатые. Раз пошли они на охоту; долго ходили, только убить ничего им не случилось, и зашли они в темный лес. Бродили-бродили по лесу, и застигла их ночь; попасть на дорогу никак не могут, и решились тут переночевать в лесу. Захотелось развести огонь, а как? Трут отсырел, не берет — сколько ни вырубали! «Давай-ка,— говорят,— посмотрим во все стороны — не увидим ли где огня?»

Стали высматривать по сторонам и приметили: в одном месте горит малый огонек. «Ну, братцы, кому за огнем идти?»—«Давайте жребий бросим!»

Бросили жребий, и досталось идти старшому брату. Он не стал спорить, пошел на огонь, стал подходить и видит: сидит у огня старик и греется. «Здраствуй, дедушка!»—«Здорово, добрый человек! Что хорошего скажешь?»—«Дай огоньку!»—«Хорошо, только скажи наперед: ты женат али холост?»— «Женат, дедушка!»—«А веришь своей жене?» Подумал мужик и говорит: «Нет, не верю!»—«Ну, получи огонь да ступай в свое место». Взял он огонь и пошел назад. Стал подходить к братьям — чуть-чуть не дошел, у него огонь в руках и погас. Что тут делать?—«Ну, братцы! Я больше не пойду. Пусть кто из вас двоих пойдет!»

Пошел средний брат. И с ним то же случилось, что с старшим братом. Пришлось идти за огнем самому меньшому. Пошел он к старику. Приходит и говорит: «Здраствуй, дедушка! Дай, пожалуста, огоньку». Старик спрашивает: «А что, ты женат?»— «Женат».—«А веришь своей жене?»—«Верю, дедушка!» Старик встал с места и сказал: «Ну, хорошо, коли веришь!»

Подошел к нему и дал ему щелчок в лоб: мужик в ту ж минуту оборотился козлом! Откуда явились рога и борода. Старик привязал козла к дереву и уселся по-прежнему.

Стоит козел и думает: «Что такое сделал надо мною старик! Теперь я совсем пропал и молодую жену без мужа покинул!» Братья ждали-ждали и думают: «Верно, над ним что-нибудь худое сделалось! Пойдем, поищем!» Пришли к старику: «Что, дедушка, не приходил к тебе за огнем наш брат?»— «Приходил; он взял у меня огню и пошел было назад, да попался ему знакомой человек, Никитою зовут; они вместе и пошли».

А козел смотрит на братьев умильно, а проговорить ничего не может. Братья хотели было уж назад поворотить. «Послушайте, молодцы,— сказал им старик,— вот вам сто рублей, только возьмите от меня этого козла, приведите его домой и привяжите у

кровати менынаго вашего брата: пусть три дня постоит там. А после опять приведите его назад на это самое место; я заплачу вам за это еще сто рублей!»

Братья с радостию взяли сотню рублей и повели с собой козла на веревочке. Пришли домой на деревню и спрашивают у невестки, что воротился ли меньшой брат домой? А жена-то братнина отвечает: «Нет, с тех пор не бывал, как с вами ушел».— «Ну, видно, повстречал кого да с ним и загулял!.. Вот что, невестушка,— говорят братья,— пусть этот козелок постоит у твоей койки три дня».—«Ступайте с ним к черту! Как бы не так, пущу я этакую вонючую гадину стоять у моей койки!» Братья пристали к бабе, дали ей десять рублев. Она подумала-подумала да и согласилась: деньги годятся! Вот они и привязали козла у койки. Стоит козел день, не евши, не пивши, на свою жену посматривает. А баба подступит к нему и заворчит: «Экой черт проклятой! Как от тебя смердит-то!»— и сунет его ногой под бок.

Попал бедный козел на поругание, так надо терпеть. Пришлая ночь, пора и спать ложиться. Прибегает к бабе полюбовник, сели они за стол, стали угощаться да целоваться, и легли на койке спать. Ну, полюбовник-то свое дело знает, заворотил ей подол, не стал долго думать, а зачал ее скоблить. Как увидал это дело козел, не вытерпел, скопил на кровать и давай полюбовника в жопу рогами долбить. Тут и мужик и баба вскочили с койки, схватили с печки по ухвату и ну козла бить: все бока бедному отколотили; потом привязали его покрепче к койке, а сами опять легли и опять начали свое дело творить. Козел видит, что творится, а подступить не смеет: пожалуй, до смерти прибьют!

Переночевал козел так-то одну ночь, и другую, и третью. Вот пришли братья. «Мы,— говорят,— теперь возьмем от тебя козла-то!»—«Возьмите его, дьявола, всю избу загадил!» Братья отвязали его от койки и повели на то место, в лес; привели к старику. Тот вынул кошель и дал им сто рублев по уговору, да подошел к козлу и только дал ему щелчок в лоб — козел сейчас сделался по-прежнему парнем.

Старик его и спрашивает: «Ну что, любезной, будешь теперича верить своей жене?»—«Нет, дедушка! Не только сам верить не стану, и товарищам своим закажу, чтоб никогда женам не верили!»—«А что,— спросил старик,— хотелось бы тебе насмеяться над женою?»—«Оченно желательно, дедушка!» Старик дал ему тонкой ремешик и говорит: «Вот тебе ремешик; коли увидишь, что жена твоя станет что худое творить, то ты, ничего не говоря, возьми да и завяжи на этом ремешике один узелок. Теперича ступай домой, у твоей тещи свадьбу гуляют. Как

прийдут тебя звать на свадьбу, ты отпусти наперед жену, а сам иди следом за нею по другой дороге да норови на свадьбу-то прежде прийтить. Как придешь, в избу-то не заходи, а ступай прямо в сарай и закопайся в сено. Тут сам увидишь, что с твоей женой подеется!»

Пошел мужик домой, приходит, а жена: «Ах ты, миленькой! Где по сю пору побывал? Уж как же я рада, что ты воротился-то; у нас ведь свадьба, брат мой женится; убирайся-ка да пойдем скорей на свадьбу».—«Ступай ты впереди, может, что-нибудь там пособишь, а я опосля прийду; надо отдохнуть маленько».

Баба оделась почище и пошла на свадьбу, а мужик вслед за нею по задам да бегом; залез в сарай, запрятался в сено и сидит. Вот баба пришла на свадьбу, поздоровалась с роднею, немножко помешкала да отыскала свово полюбовника, сморгонулась с ним и марш в сарай. Легла сейчас на сено, а полюбовник заворотил ей подол, залез на нее и начал качать. Муж видит, что они делают-то, да, не говоря ни слова, взял ремешик и завязал узелок. Баба с полюбовником своим вдруг и склещились, как собаки, не могут никак разойтись. Уж любовник и так, и сяк — нет, не сможет ослободиться. Приходит худо: возятся себе по сараю, а мужик выскочил из сена и говорит: «А что, шельма, попалася!» Жена просит прощенья, а полюбовник тоже: «Батюшка, прости!»—«Нет, подлец! Не прощу; ты меня не прощал в по поры, как стоял я козлом у койки».

Тут мужик отпустил ему горячих с полсотни, да бросил обоих в сарае склещенных, а сам в избу. Теща встречает его и подносит вина. Он выпил и спрашивает: «Где ж, матушка, моя жена?»—«Сейчас,— говорит,— здесь была, верно, на двор вышла».

Зять подождал маленько да опять к теще: «Куда ж моя жена-то девалась?»—«Подожди, сынок! Верно, сейчас воротится». —«Нет, матушка, не хочу дожидать; пойдем вместе искать ее, кажись, я видел, она в сарай пошла...»

Пошли они в сарай. Приходят, а баба-то с полюбовником по сараю трудятся, таскают друг дружку. Теща видит, что дело не ладно; люди узнают — что стыда-то будет! Делать нечего, надо послать за Никитою-колдуном. Заложили пару лошадей и поехали за Никитою-колдуном. Он расспросил, что такое и как случилось; узнал про такую беду и начал куражиться: и ехать-то не хочет! Тут его просить: «Батюшка Никитушка! Сделай милость, пособи нашему горю».

Дали ему пятнадцать рублев денег; вот он собрался и поехал. Взошел он в сарай, поглядел и говорит: «Эхма! Дело не ладно, подмутил кто-то! Ну да нам это не почем, все отделаю!»

Взял Никита воду, стал ворожить, да потом надо было ему

дунуть на самое то место, где баба с парнем склещились-то. Вот Никита-колдун пригнулся к ним и только дунул, а мужик взял сейчас на ремешке другой узел завязал — и в ту ж минуту Никита-колдун бородой прирос к пизде и хую. Никита-колдун туда-сюда, нет, не может бороды оторвать; станет тащить — борода больно трещит. Откуда ни взялось — сошлось народу видимо-невидимо и говорят: «Теперича делать нечего, нужно послать в деревню за Гришкою-колдуном, он больше Никитки знает!»

Поехали за Гришкою-колдуном, стали его просить. Тот тоже ломается, хочет больше получить. Дали ему двадцать пять рублев, поехал и Гришка. Приезжает и видит, что дело не хорошо. Вот он и говорит: «Эх ты, Никитка, и этого не смог сделать! Бросаешься в волки, а хвост собачий!»

Зачал ворожить, пригнулся таким ж манером и только дунул, а мужик сейчас узелок на ремешке завязал — и Гришкина борода приросла к пизде с другой стороны. Припали колдуны Никитка с Гришкою с обеих сторон, целуют пизду поневоле, не могут никак разделаться. Пуще того сбежалось в сарай народу и говорят: «Нечего делать, как разве всем миром просить Андрюшку-колдуна: тот всем колдунам колдун! Коли он не пособит, так никто больше не поможет».

Сложились всем миром, собрали рублев пятьдесят и послали за Андрюшкою-колдуном. Андрюшка взял деньги, не стал куражиться и поехал прямо к тому месту. Вошел в сарай, как увидал, что ста-лось-то — и говорит: «Ловко сделано! А, и вы тут, Никитка с Гришкою! Эх вы, колдунишки! Мелко еще плаваете, коли и этого говна не смогли исправить: другого дела, знать, нечего с вас и спрашивать».

Начал Андрюшка ворожить да рукою пощупывать, только засунул он к пизде руку да начал пощупывать, а мужик завязал еще на узелок — и Андрюшкина рука к пизде прилипла. Он и так, и сяк — нет, не сможет руки выручить. «Вот беда!— говорит Андрюшка.— Что такая за чертовская напасть? Кто это хитрит? Я хитер ажно, а есть и хитрее меня!»

Столпился весь мир, думал-думал и присудил: накрыгг всех их рогожами, пускай под ними сохраняются, покудова ни изомрут. Тут мужик сказал своей теще: «Как думаешь, матушка, а ведь окромя меня этого дела никто не разделает, а я коли захочу — всех сейчас распущу». Теща ему говорит: «Коли можешь, так делай! Довольно людей-то смешить!»

Вот зять взял в руки хороший кнут и давай колдунов всех троих драть изо всей силы да приговаривать: «Что, станете теперь колдовать?» Спустил им шкуры-то *с шеи до* самых пят и потом

развязал на ремешке три узелка: колдуны да-ка друг за дружкою поскорее бежать. Андрюшка бежал-бежал впереди, да оглянулся назад и видит, что за ним бегут еще Гришка с Никиткою. «Эй, братцы!— закричал им.— Пожалуста, не бегите друг за дружкою, а то, пожалуй, опять склещимся!»

Тут они все трое и разбежались в разные стороны. И говорит мужик честному миру: «Люди добрые! Что вы посудите, что мне с женою и ее полюбовником делать?»—«Твоя воля! Делай что знаешь».—«Поведу их к барину, пусть посмотрит и рассудит». И велел им подыматься и идти к барину. Встали они кое-как на ноги, обхватили друг дружку руками и потащились боком, ногу к ноге переставливают; и тащились они, эдак склещонные, с утра вплоть до самого вечера. Идут мимо гумна, а там крестьянин на лопате рожь веял; увидал он такую оказию, удивляется: «Что за дьявол! Отроду не видал такого дива, чтоб какой мужик с бабою склещились!»

Подбежал к ним с лопатою, хотел разбить и только махнул лопатою промежду их, а мужик взял да и завязал на ремешке узелок. И тотчас приросла к бабе лопата. «Ах, батюшки!— кричит крестьянин.— Вот беда приключилась: осталась на гумне рожь не убрана, набегут свиньи, налетит птица — все зерно переведет!»

Так с лопатою и привел их мужик к барину; барин только дивуется! Мужик развязал узелки на ремешке, упала лопата наземь, и расклещился полюбовник с бабою. Тут им задали такую баню, что до новых веников не забудут. Тем и сказка кончилась.

МАЛЬЧИК-БЗДУНОК

Жили-были старик да старуха; детей у них не было. Случилось однажды — зашел к ним странник. Стали они ему жаловаться, что вот дожили до старости, а детей Бог не дает. Странник говорит: «Я вас научу — будет у вас сынок-бздунок». И научил.

Только ушел странник, старик говорит: «Старуха, а старуха! Давай в кувшин бздеть».—«Давай!» Вот старик купил кувшин с широким горлышком, принес в избу, сел и давай в него пердеть: кряхтел-кряхтел — не мог сына выперднуть. После села старуха, как перднула — так и выскочил мальчик, да такой резвой: и ходит, и говорит, несмотря что малешенек. Старик со старухой куды как рады были! Наутро поехал старик с бороной в поле, а баба напекла блинов. «Сынок-бздунок! Снеси отцу блинков позавтракать». Понес блины. «Батюшка, покушай блинков, я за тебя поскорожу (скородить — боронить)».

Мужик стал обедать, а мальчик уселся на борону и пошел работать да песни распевать. Едет мимо барин. «Что за чудо!— думает.— Мужик обедает, а лошадь сама боронит пашню». Подъехал к старику, давай его спрашивать. «Да разве ты не видишь, что на бороне мальчик сидит? Той-то мой сынок-бздунок».—«Не вижу».—«Ну, приглядись, так увидишь».—«А не продашь ли его?»—«Купи».—«Что стоит?»—«Сто рублев».

Барин не рядясь заплатил деньги и взял мальчика; посадил его в карман с орехами и поехал домой. «Вот,— думает про себя, — так гостинец жене купил!» А бздунок перещелкал все орехи, насрал барину в карман, а сам прорезал дырочки и ушел подобру-поздорову. Приехал барин домой. «Здраствуй, милая!— говорит барыне.— Ступай сюда, голубушка: какой я тебе гостинчик привез!»— «Да где же он?»—«А вот здесь, в кармане; вынимай сама, да потихонечку».

Засунула барыня руку в карман и вытащила оттуда полну горсть говна. Как закричит на мужа: «Ах ты, подлец эдакой; вишь какой гостинец привез! Я таких гостинцев от своих детей разов по пяти в день вижу!»

Да хлоп его по уху замаранной рукою. Видит барин, что дело-то неладно, почесал в затылке: «Пропали,— говорит,— деньги ни за что!» А мальчик-бздунок шел-шел, а как настала темная ночь, спрятался в траве и лежит себе-полеживает. Только слышит он, идут три вора, сговариваются на ночную работу идти; остановились против того места, где бздунок лежал, и ну один сцать: прямо на него угодил! «Тише, вор проклятой!— закричал

бздунок.— Эдак ты меня совсем зальешь». Воры испугались да бежать. «Куда вы бежите?— кричит он.— Воротитесь назад, пойдем вместе воровать». Воротились они назад. «Ну куда же идти?»—«Да пойдем к старику».—«И, что вы! Он сам гол как сокол; что у него взять? Пойдемте-ка лучше к попу». Пошли к попу.

Мальчик-бздунок пролез в щель, отпер ворота и впустил воров. Увели они у попа корову (быка); привели ее (его) в лес, зарезали и стали делить. «Ну, братцы! Мне мяса не надобно; дайте мне требуху да кишки».—«Бери!»

Взял бздунок требуху и кишки и побежал с нею опять к попу; захотелось ему шутку подшутить. Видит, что все крепко спят. Он и положил требуху и кишки промеж двух поповых дочерей, а промеж попа с попадьей сел да насрал; работнику привязал стул к бороде, работнице вставил в жопу жилейку. Да тут ночевали еще слепые — так тем волоса (виски) связал, а сам пошел на двор, закричал под окном во все горло: «Воры, воры! Держите, ловите!» И слушает, что будет. Проснулся поп, хватил рукой и попал в говно: «Это ты, попадья, обосралась?»— «Нет, это ты, батька, обосрался да на меня сваливаешь».—«Врешь, дура!»—«Сам врешь, подлец!»

И пошли спорить да перечиться. Проснулись и поповы дочери, схватились за требуху с кишками. «Это ты, курва, родила!»— кричит одна. «Нет, (плё-ха) шельма, это ты родила!— кричит другая.— Разве я не знаю, как ты с молодыми парнями кру-тилася (таскалася)». Проснулись и слепые, хотят приподняться: «Что ты, мошенник! За что меня за хохол схватил?»—«Сам ты мошенник!»— отвечает дурак.

Хвать друг друга кулаком по рылу, и пошла драка да затрещины; а тут батрак с стулом возится; шум такой поднялся, что поп испугался и давай творить молитву да отчитывать нечистую силу, а потом стал будить работницу: «Вставай, свет! Дуй скорей огонь!» Работница бросилась к печке, достала уголь, только начала дуть, а жилейка в жопе и зачала играть.

Как услыхала она, что жилейка играет,— пошла по избе вприсядку. «Полно, окаянная,— кричит поп,— дуй огонь!» Работница только станет дуть, жилейка опять играет — она опять вприсядку. Насилу уж догадалась вытащить из жопы жилейку и вздула огня. Тут вся семья разобралася.

Мальчик-бздунок побежал домой. Навстречу ему серый волк; схватил его и проглотил целого. Стоит он в волчьем брюхе, и никак не может волк его высрать. Плохо пришлось старому. Только подойдет к стаду, захочет овцу унесть — мальчик-бздунок сейчас выглянет из жопы и закричит во все горло: «Пастух,

пастух, овечий *дух! Волк* овцу тащит!» Волк бежать, а бздунок орет: «Тю-тю!» Что будешь делать? Поворотил волк назад да к дереву — уж он трет-трет жопою о дерево — ничего не берет: мальчик-бздунок сейчас схоронится в брюхо, а как подойдет волк к стаду, опять закричит: «Пастух, пастух, овечий дух! Волк овцу тащит!» Просто хоть с голоду умирай. «Вылези»,— просит волк. «Довези домой, вылезу».

Волк привез его к отцу, к матери. Мальчик-бздунок из жопы выглядывает и кричит: «Это я еду к отцу, к матери!» Приехал; выскочил он из жопы, схватил волка за хвост. «Бейте волка, бейте старого!»— кричит на всю деревню. Тут волка и порешили.

МУЖИК И ЧЕРТ

Жил-был мужик с женою в большой бедности. В одно время случилось мужику рожь молотить на своем гумне: как ударит цепом об сноп, так кверху сноп и подскакивает! Вдруг, откуда ни возьмись — прибежал черт. «Ах, мужичок! Мне тебя жаль; ты один целой день молотишь, и пособить-то тебе некому! Да-ка я немножко пособлю тебе».—«Пособи, коли не лень!» Черт схватил два толстые бревна, связал концы как надо быть цепу и стал молотить; как ударит, так сноп к земле и пристанет! Вверх не подскакивает! Смотрит черт, удивляется: «Что за штука! У мужика сноп кверху подскакивает, у меня к земле пристает!» И начал мужика спрашивать: «Послушай, мужичок! Невжли ты сильнее меня?»— «Еще бы!— говорит мужик.— Само собой разумеется: у меня силы поболе тваво».—«Отчего же так, мужичок?»—«Оттого, что я кладеной: у меня, брат, мудей нету — давно вырезаны!»—«Пожалу-ста, мужичок, отрежь мои муде, выложь и меня!»

Захотелось, значит, черту сильным быть. «Пожалуй, я отрежу!»— говорит мужик. Наточил нож, схватил черта за муде и отрезал. Черт и сам не рад своей выдумке; на все село закричал от боли, крепко осердился на мужика, вырвался и убежал к своим товарищам — таким же чертям. Стал показывать им свою рану да жалобу приносить.

А мужик уже знает, что от чертей беда ему будет; бросил молотить, пришел к жене и говорит: «Ну, жена, выручай! Вот тебе моя одежа и шапка, надень поскоре и ступай на гумно хлеб молотить. Набегут к тебе черти, станут у тебя спрашивать: взаправду ль у тебя муде отрезаны? Ну, ты подыми подол и покажи им свою щель-то!»

Баба тотчас оделась в мужнее платье, взяла цеп и пошла молотить. Немного погодя набежало к ней многое множество всяких чертей. «Зачем,— говорят,— ты нашему брату яйца отрезал?»—«А затем, что он сам просил; вишь, у него силы мало, так боле захотел! Как заживет у него эта рана, так и будет силен по-моему».—«Невжли ж у тебя, мужичок, муде вырезаны?»—«Да, таки вырезаны!»— «А ну покажь!» Баба подняла подол, черти уставились рылами промеж ног ей, смотрят — в самом деле дыра, да еще больше, чем у черта, прорезана! «Ну, братцы!— говорят меж собой.— У этого мужика дыра еще больше, чем у нашего товарища». И разбежались в свои места: кто куда — тот в болото, а тот в лесную трущобу. Тем все и кончилось.

ЗЯТЬ И ТЕЩА

Жил-был парень с дурцою. Женился, да через неделю и поехал с женой к теще в гости. Жена говорит: «Посадят тебя за стол у моей матушки, не часто стербай ложкою; часто будешь — толкну».

Посадили их за стол в переднем углу. Начал зять стербать, свинья под столом его толканула — он и вечерять перестал. Легли спать; муж с женой на лавке. Говорит он ночью жене: «Я за ужином ничего не ел, так мне есть хочется». Жена послала его в сени: там-де есть тесто.

Тем временем жена встала, а теща легла на лавку. Подходит зять к теще: «На-ка, жена, теста попробуй!» Та как забздит. «Не дуй, жена! Тесто давно простыло, вчерашнее!» Та как запердит: пррр!.. «Вишь какая! Еще молока просит!» Рассердился, ткнул ей тестом в жопу и пошел руки мыть; не догадался нагнуть кувшин, всунул в него руки, вымыл, а назад никак не вынет. «Пойду,— думает,— на двор, разобью кувшин да ослобожу руки».

Тут проснулась теща; хвать за жопу — батюшки! усралась; побежала на двор. А зять не разглядел тещи, думал, что столб; как хватит кувшином об тещину задницу. «Батюшка-зятюшка! Не дерись; впервой в жизни случилось!»

СОЛДАТ И ЧЕРТИ

Пришел солдат в господскую деревню переночевать. Призывает его барин и говорит: «Послушай, солдат! О тебе сказывают, что ты ничего в свете не боишься. Сослужи-ка мне службу: видишь, выстроил я новой дом, а жить в нем нельзя; поселились там черти и не дают никому спокою. Коли ты оттуда чертей выгонишь, отдам за тебя свою дочь и награжу большим приданым».—«Слушаю!»

Пошел солдат в новой дом и стал с ружьем на часах. Вот в двенадцать часов поднялся шум, гам, стук; со всех сторон набежали черти.—«Служивой! Выучи нас солдатскому строю. Сколько раз смотрели мы, как вы учитесь: в строю много вас, а делаете как один!»— пристают к нему нечистые.— «Пожалуй, отчего не выучить. Только, чур, слушаться».—«Будем слушаться, служивой! Право, будем».—«Ну так притащите наперед воза два палок, сами знаете, без палок ничему нельзя выучиться.

Чай, видели, как нашего брата палками дуют!»— «Валяй, служивой!»

Черти вмиг натаскали целые вороха палок. Солдат поставил их в шеренгу и начал учить маршировке, да поворотам, да ружейным приемам. Чуть которой ошибется — сейчас пятьсот палок ему! Ночи три эдак учил он чертей, а на четвертую принес с собой буравль, навертел в стене несколько дыр и говорит чертям: «Теперь я покажу вам, как солдаты стоят в лагере по палаткам!» Сделал расчет по пяти чертей в дыру и скомандовал им лезть туда всякому: кто попадет в чужую дыру — тому не миновать палок! Только они вскочили по дырам, солдат взял да и закрестил их мелком. Черти никак не вылезут; взмолились они: «Выпусти, служивой, на волю! Что хоть возьми, да отпусти». —«Дайте зарок, что не станете жить в этом доме». Черти тотчас поклялись, что и нога ихняя никогда тут не будет, и дали на том ему расписку.

Ну, солдат их выпустил, а наутро доложил помещику, что все исправил как следует: выжил из дому нечистую силу — больше и носу не покажет!

Женился солдат на помещиковой дочери, стал барином и позабыл, есть ли на земле печаль да горе. Раз пошел он с молодой женой гулять; подошел с ней к озеру: захотелось ему купаться. Только полез в воду; а черти увидали, подхватили его и ну тащить в омут. «Постой же! Отплатим мы тебе, лиходею!»— «Дайте хоть с молодой женой проститься,— умоляет солдат,— а там после делайте, что хотите».— «Ну, простись, да поскорее!» Он

подозвал жену, как есть голую, поставил ее голую раком на самом берегу и ну валять через жопу. Черти как усмотрели: «Ай, ай!— закричали.— Служивый опять дыру вертит, хочет нас загонять!» И бросились с испугу бежать в разныя стороны.

ПЕТУХ И ЖЕРНОВКИ

Раз помещик ехал деревнею, увидал у мужика на крыльце жорновки и увез. У мужика был петух, попросился он лететь до барина и выручить жерновки. Мужик согласился, и петух полетел. Дорогою попадает ему навстречу медведь и спрашивает: «Петушок, петушок! Куда ты летишь?»—«К барину за жерновками».—«Возьми и меня с собой!»—«Полезай ко мне в жопу». Летит далее. Попадает навстречу волк. «Петушок, петушок! Куда ты летишь?»—«К барину за жерновками».—«Возьми и меня».—«Полезай ко мне в жопу». Полетел опять. Попадает навстречу лисица. «Петушок, петушок! Куда ты летишь?»—«К барину за жерновками».—«Возьми и меня». —«Полезай ко мне в жопу».

Вот прилетел петух к барину, сел на балкон и кричит: «Барин, барин! Подай мне жерновки». Барин рассердился, приказал его поймать, на скотный двор его кинуть: пусть коровы его замнут рогами. Посадили его на скотный двор. Петух говорит: «Медведь, выходи из жопы!»

Медведь вышел и весь скот приломал. А петух полетел на балкон и еще громче кричит: «Барин, барин! Подай мои жерновки».—«Ах, проклятой!— говорит помещик.— Посадить его к овцам, пусть его ногами замнут». Посадили к овцам. Петух говорит: «Волк, выходи из жопы».

Волк вышел и всех овец перерезал. Утром петух вылетел из хлева, сел на балкон и еще громче закричал: «Барин, барин! Отдай мои жерновки».— «Ну, окаянной! И тут ему смерти нет,— сказал барин.— Посадить его к гусям, пусть склюют его». Только посадили, а петух говорит: «Лисица, выходи из жопы».

Лисица вышла и всех гусей переела. Петух опять полетел, сел на балкон и кричит свое: «Барин, барин! Отдай мои жерновки». —«Тьфу, окаянной!— закричал барин.— Посадить его в колодезь; пусть утонет». Бросили петуха в колодец, он говорит: «Пей, жопа, воду! Пей, жопа, воду!» Колодец высох, а петух улетел, уселся на балкон и опять за свое. «Ну, проклятой петух! Нигде тебе смерти нет; посадить его на каленую в бане каменку». Вот и посадили, а петух закричал: «Лей, жопа, воду! Лей, жопа, воду!» Вылил воду и затушил каменку, сам остался невредим. Вылетел, сел на балкон и что силы есть кричит: «Барин, барин! Отдай мои жерновки». Барин — нечего делать — отдал ему жерновки; петух взял и отнес их к своему хозяину.

РОГА

Было у старичка три сына. Младший из них Иван в солдаты готовился и потому работой не занимался, а по кабакам ходил да с девками играл. Выдали его в солдаты. Послужил год, другой, третий, и показалась та служба тяжела. «Чем мне служить, пойдука я (говорит) лучше бродяжничать». Уговорил с собой пятеро таких же товарищей-солдат, и убежали из полку.

Много прошли они сел и городов, дошли до того, что им есть нечего. Говорят они меж собой: «В полку был над нами унтер-офицер старший, пусть теперь Иван будет над нами большим!» Сделали его своим унтер-офицером. Говорит сташий одному солдату: «Лезь на это дерево и смотри: нет ли поблизости села или пригородка». Тот взлез на дерево и увидел: стоит келья. Пошли туда, а там живут шесть монашек. «Здраствуйте!»—«Здраствуйте!» И заставили их монашки ночевать с собой три ночи, а греха не творить. Ночь солдаты терпели и другую терпели, а на третью не выдержали: взлезли на монашек и сотворили грех. Наутро говорят им монашки: «Коли вы не могли потерпеть третьей ночи, то не жить вам с нами; ступайте своей дорогой».

Нечего делать, собрались солдаты в путь; стали прощаться; та монашка, с которой унтер-офицер ночь переспал, подарила ему плащ-невидимку, кисет *с* золотом да тросточку.

Пошли куда глаза глядят. Пришли в тридесятое царство, забрели в трактир и давай пировать. Унтер-офицер так горстями и бросает золото: в кошельке все не убывает. Увидал сие царь, спрашивает: «Что за человек?»—«Иностранный принц!»— говорит беглой солдат. Царь его просит к себе в гости, а у того царя была дочь Марфа-царевна. Всяких царевичей и королевичей в карты обыгрывала. «Не угодно ли тебе, иноземной принц, в карточки поиграть?»—«Изволь, царевна!»

Сколько она ни выигрывала у него денег, у того солдата все не убывает золота! Она ему говорит: «Верно, ты сам деньги делаешь?»—«Нет, у меня такой кисет есть!»—«Дай-ка мне свой кисет, я попробую: не вытряхну ль из него все деньги?»

Он сдуру дает ей кисет, а она взяла и закричала своим слугам: «Возьмите этого подлеца, выкиньте из окошка; он насилком на меня лезет!»

Выбросили в окно. Унтер-офицер сходил на квартиру, взял свой невидимой плащ, накинул на себя и пошел опять к Марфе-царевне прямо в спальню.

Она спит, разметалась, совсем голая! Он на нее взобрался и

давай катать. Та слышит, что кто-то ебет ее, а кто, не видит, и спрашивает: «Это ты, иноземной принц?»—«Я!» Когда покончил он свое дело, она вскричала слугам: «Несите сюда всяких напитков!» Когда принесли, царевна давай его поить разными винами, напоила пьяным и говорит: «Дай мне свой плащ, я его надену: увидишь ли ты меня?» Он отдал ей плащ, она надела и спрашивает: «Видишь меня?»—«Нет, не вижу!» Тут царевна опять вскричала: «Возьмите этого подлеца и выкиньте из окна; он насилком на меня лезет!»

Его, добра молодца, схватили и фуркнули из окна. Он пошел в трактир и взял тросточку, подбросил ее кверху — и тотчас выскочили три арапа и спрашивают: «Что прикажете делать?»—«А вот что: пустите кругом этого города воду, по воде чтоб корабли плавали, на кораблях бы солдаты расхаживали, из ружей стреляли, из пушек палили. А мне сделайте лодку, на той лодке чтоб было двенадцать песенников и двенадцать музыкантов».

Сказано — сделано. Лежит наш иностранной принц в лодке и прокатывается мимо царскаго дворца. Марфа-царевна испугалась: «Что это,— говорит,— сделалось? Никогда не бывало, чтоб вокруг города да вода была, на воде б корабли плавали, из пушек палили, из ружей стреляли! Верно, скоро свету представление!» Выбежала на балкон: «Не ты ли, иноземной принц, действуешь?» А он в лодке хохочет: «Я!»— говорит.

Царевна просит его к себе на двор; он к ней и заехал. «Как ты этакую хитрость сделал?»—«А у меня есть такая тросточка, подброшу ее да прикажу — ничего не будет».—«Дай-ка мне, сумею ли я этак сделать?» Отдал ей; царевна подбросила тросточку — опять выскочили три арапа: «Что, Марфа-царевна, прикажете?»—«Возьмите этого подлеца, фуркните в окно» Тотчас выкинули его в окно; упал бедной солдат и говорит сам себе: «Ну, теперь все свое имение уходил! Пойду в лес и задавлюсь!»

Долго ходил он по лесу, проголодался, увидал яблоню, съел одно яблочко — хвать, а на лбу у него рог вырос. Походил-походил, сорвал с другого дерева яблоко, съел — и рог спал. Вот солдат нарвал этих яблок и пошел во дворец. Марфа-царевна послала купить яблок. Скушала парочку — и выросли у ней на лбу рога! (Солдат ее вылечивает другими яблоками и женится на ней.)

МАТЬ УБИЙЦА

Служил солдат в Питере пять лет, выпало счастье ему — заработал до 500 рублей денег. Отпросился в отпуск родных повидать. Собрался, помолился Богу и отправился в поход. Долго ли, коротко ли шел — приходит в деревню, куда отдана была его родная сестра замуж. Пристал у нее в доме, а про себя не сказывает, кто он таков. «Пусти, молодица, на постой!»—«Милости просим; мы таким людям рады. Откуда тебя Господь несет?»— «Иду из Питера».— «Ах, батюшка! Не ведаешь ли: там служит в солдатах мой родной братец?»—«В каком полку?»

Она ему говорит, а сама пристально в него всматривается. «Никак,— думает,— это и есть он», да вклепаться боится. Смотрит, а у него на левой щеке малой шов: еще с детства остался — вишь, лошадь его копытом зашибла. Бросилась к солдату на шею: «Значит, ты братец, родимой мой! Зачем ты меня обманываешь?» А из глаз слезы так и льются. Солдат признался; пошло гулянье, подчиванье. Погостил он у этой сестры целых три дня и отправился на родину.

А до родной той деревни, где жили его родители, оставалось верст со сто. Приходит в свою деревню и спрашивает старосту; ему указали. «Отведи,— говорит,— мне хватиру». И просится в тою свою отцовскую избу. Староста отвел его прямо туда, постучал под окошком и говорит: «Эй, хозяева! Вот вам постоялец, накормите его и спокой дайте». А дома была одна мать, отца-то не было, уехал куда-то. «Вот черт их носит!»— отзывается старуха. Солдат вошел в избу, помолился образам и говорит: «Здорово, хозяйка!» Баба молчит. «Дай, родимая, поужинать!»—«Жри, что царь даст; вишь, на вас сборы большие, сухари непокупные». Нечего делать, закусил солдат своими сухариками. «Где же мне спать лечь, что в голова положить?»— спрашивает у матери. «Ложись здесь на шинели, ранец в голова клади; вишь, государь-то какие для вас угодья пожаловал — лучше и желать нельзя!» А сама, шельма, прядет, а под жопой подушка подложена. Солдат не вытерпел, разгорелось его сердце, вскочил с своего места, выхватил у ней из-под жопы подушку и говорит: «Чем тебе на подушке жопой сидеть, лучше я на ней головой лягу!» Баба взбесилась, зачала его ругать всячески: «Ах ты, сукин сын; у тебя, знать, матери-то не было, родила тебя кобыла али сука поганая!» Проклинает сама себя, не веда-ючи, что он ей — родной сын. «Ладно,— кричит,— пусть муж приедет, я с тобой, окаянным, по-своему разделаюсь!»

А солдат разделся, вытащил деньги, пересчитал и спать лег. Только заснул, баба тотчас схватила острой нож да прямо ему в сердце; зарезала сына и обобрала деньги. После запрягла жеребца, свезла убитого на чужую землю и там покинула. Через неделю приезжает к ней дочь, поздоровалась и спрашивает: «А где же братец?»—«Какой братец?»— «Дак он из полку на побывку домой пришел!»— «Что ты, дочка, в уме ли? Перекрестися!»—«Да он у меня три дня гостил, да вот тогда-то к вам пошел».

Как услыхала это баба, сидит сама не своя. А тут скоро нашли мертвое тело, стали разыскивать и оказалось, что это она своего родного сына со свету спровадила. Ну после того ведомо что было: суд, да кнут, да каторга.

СОЛОМОН ПРЕМУДРЫЙ

Враги преследовали Соломона Премудрого; он бежал, и за ним были посланы в погоню гонцы. «Да який же вин?»— спрашивали гонцы. «Да тий, що всих премудрее!»—«Як знайдете — зараз хватайте». Бежит погоня, а Соломон сидит у самой дороги на кучке: серет, и ест, и вшей бьет в одно время. «А що ты, человиче, робишь?»— спрашивают его.—«Старину выкладаю, новину накладаю, а ворога бью!» Вернулись гонцы и говорят: «Никого на тий дорози не бачили, тилько и бачили: сидит один мужик на куче, сам серет, да паляницу йист, да вшей бье! От мы его и спрошали: що вин робит? А вин каже: старину выкладаю, новину накладаю, а ворога бью. Дак мы и пойихали соби дальше!»—«От дурни! Що ж вы его не схапали! То вин самый и був!»

ВОРОНИЙ язык

Жил-был помещик. У него жена да две дочери. И случилось ему раз поехать на охоту. На ту беду барин забыл плеть, что оземь хлопают да зайцев пугают. «Эй, Ванька!— говорит помещик своему

слуге верному.— Побеги домой да возьми плеть». А он прибежал да говорит: «Сударыня-барыня! Пожалуйте еть».—«Ах ты, сукин сын! Как ты смел эдакое слово вымолвить?»—«Мое дело подневольное, меня барин послал!»—«Да что он, с ума сошел, что ли?» Выбежала барыня на балкон и кричит мужу: «Скажи зачем ты Ваньку прислал?»

А помещик думает, что она не ведает, какую плеть прислать, и говорит: «Все три дайте!»

Делать нечего, принуждена была барыня дать Ваньке, а за ней и дочки. Отработал их Ванька и прибежал к барину. «Ах ты, сукин сын! Что так долго копался?»—«И то, сударь, копался! Разве у бар скоро найдешь». Вот воротился барин с охоты, а барыни к нему: «Что ты, варвар! Зачем ты Ваньке наказывал? Мне-то еще с полагоря, а каково Маше с Катею?» — «Да я ему приказал дать плеть». —«А он, подлец, прибежал да говорит: «Пожалуйте, сударыня, еть!»—«Ах, он рассукин сын! Погоди ж, как я его завтра в солдаты сдам».

Ванька услыхал эти речи, заказал кухарке спечь пирог с морковью да купил штоф водки, улизнул ночью из дому и как раз на дороге, что в город ведет, под один куст поставил водку, под другой — пирог положил и вернулся назад. Поутру встал барин ранехонько, приказал связать Ваньку и повез его в город в солдаты сдавать. Подъезжают они к одному кусту, и говорит Ванька: «Ваше благородие! Не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить. Я ведаю, что эта ворона каркает».—«Ну, говори!»—«Она каркает, что в этом самом кусту стоит штоф с водкою».—«А ну,— говорит барин лакею,— поди посмотри: проверь не врет ли Ванька?»

Лакей побежал и несет штоф с водкою. «Ах, сукин сын! Он и впрямь вороньему языку знает!

Стали подъезжать к другому кусту, а ворона над пирогом вьется да все: «Кра-кра!»—«Ваше благородие!— говорит Ванька.— Я знаю, что эта ворона *сказывает».*—«А что?»—«Она сказывает, что в этом кусту пирог с морковью лежит».

Опять лакей побежал и тащит пирог с морковью. «Ах, сукин сын! Он и взаправду вороньему языку знает! Ну, Ванька, выучи

меня по-вороньему, я тебе вину прощу».—«Извольте, сударь! Только это дело хитрое: надо наперед три раза в жопу уеть».

Вот барин думал-думал и согласился; Ванька хватил его своим холопским хуем и так умучил, что барин и язык высунул. Сделал дело и выпустил барина. Летит ворона да все каркает. —«Знаете, сударь, про что ворона сказывает?»—«Нет, не знаю». —«Она говорит: «Стар, стар! Сразу не выучишь, надо три раза в жопу уеть!» Барин плюнул: «Пошел ты прочь, сукин сын! Куда хочешь иди, только на мои глаза никогда не показывайся!» Тут они и расстались.

ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ ЗА ОДИН РАЗ

Жил в некоем городе жил богатой барин; охотник был в карты играть. Проиграл 500 рублей как-то. «Ну,— говорит,— я с человеком пришлю». —«Хорошо».

Воротился домой, вынул 500 рублей и посылает с своим слугою. Вот лакей и понес деньги. Идет он большою улицею, подходит к большому славному дому, а из окна смотрит барыня-красавица. Глянул на нее и думает: «Вот барыня так барыня! Если б разок поеть дала — все 500 рублей так бы и отдал!»

И давай он ходить мимо того дома взад и вперед да на барыню поглядывать. Увидала его барыня и посылает свою девку: «Поди, узнай, чего этот человек мимо нашего дома все ходит?» Девка побежала и спрашивает, а лакей говорит: «Есть у меня пятьсот рублей, если б барыня согласилась да дала шмурыгнуть себя хоть один раз — все бы деньги ей отдал!» Девка плюнула и воротилась к барыне. «Ну, что — узнала?»—«Ах, сударыня! Это такой подлец, что и сказать нельзя — нехорошо!»—«Ничего, говори!»

Нечего делать, надо сказывать: «Ах, сударыня! У этого лакея есть пятьсот рублей, и, если б вы согласились с ним пошмурыгаться — так за один раз все бы деньги вам отдал: так вы ему больно понравились!»—«Ну что ж! Раз дать — меня не убудет, а пятьсот рублей на земле не подымешь!»— «Как знаете, сударыня!»—«Зови его поскорее, пока барин домой не вернулся». Вот приходит лакей.— «Здраствуй, друг! Зачем пришел?»— спрашивает барыня. «Сама ведаешь! Не десять раз рассказывать; чай, девка все рассказала!»—«Ну, давай деньги поскорее, а то, не ровен час, барин приедет!»— «Погоди, барыня, ноги драть, дай наперед хую встать!» Снял он свои шаровары и отсчитал барыне 500 рублей. Она взяла, положила их в комод, легла на постелю и говорит девке: «Коли приедет барин да захочет в спальню идти, скажи ему, что я нездорова, припадок с ней приключился, никого пускать не велела».—«Слушаю, сударыня!»

Вот лакей взлез на барыню и только запустил свой кляп, а на тот грех барин и приехал. Девка ему навстречу: «Не беспокойте, сударь, барыню; она нездорова — припадок сделался».

Ну, барин и пошел себе прочь, взял с горя скрипку и заиграл песню, да такую заунывную. Барин на

скрипке играет, а лакей знай дальше пихает. Поиграл барин, поиграл и пошел по городу разгуляться; и лакей исправил свое дело и пошел из дому. Идет да думает: «Как теперь к своему господину явиться? Надо ответ давать, а деньги прогуляны! Дай

зайду в церковь да Богу помолюсь». Взошел в церковь, стал перед образом, молится не молится — все назад поглядывает; а назади стоит какой-то барин. Как оглянется, так-то и усмехнется, вспомнит про музыку, как он с барыней на постели лежал, а барин на скрипке играл. Вспомнит да и рассмеется. Стали выходить они из церкви, этот господин его и спрашивает: «Скажи, любезный! Чего ты смеялся?»—«Нельзя, барин! Эта штука самому дорогого стоит!»—«А как дорого?»—«Пятьсот рублей!»—«Ничего, рассказывай как! Я тебе с барышом заплачу». Лакей ему рассказал все, как было. Барин услыхал — так и ахнул: «Ах! Ведь это моя барыня пошаливает!»

Заплатил лакею 500 рублей да 10 на водку дал; после вернулся домой и давай лечить жену от болезни плеткою... Важно вылечил!

СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

Стоял как-то солдат у мужика на хватере, а у того мужика хозяйка молодая, славная; да и солдат — парень из ловких! Зачал он подъезжать к хозяйке так и эдак. Она бы и согласна, а мужик все дома, никуда не ездит, раз только на двор выйдет — и то наскоро назад воротится. Вот однова вышел он до ветру, а солдату давно невтерпеж, ухватил хозяйку, припер к дверям и давай запендрячивать встоячку. Только запендрячил, а мужик тут как тут — отворил дверь. Баба в сени повалилась, а солдат стоит ни при чем: штаны спущены, хуй торчит!

Мужик ну его срамить: «Ах, служивой! Как тебе не стыдно! Хлеб-соль мою ешь, а вот такая твоя благодарность!»—«Это, брат, пустяки! Ты лучше скажи, как она, проклятая, с хуя сорвалась!»—«Пойду, служивой, коли так,— говорит мужик,— я на тебя просить».—«Ступай, проси, а я себе уже выпросил! Только ты, дурак, помешал».

Стал солдат штаны натягивать да застегивать, а сам все ворчит: «Счастье твое, что ты хозяин! А то я б с тобой разделался. Чрез тебя, мошенника, я теперь надорвался. Вот и веди меня в госпиталь да лечи на свой счет: я человек казенной! А не вылечишь — сам на мое место в солдатье попадешь».

Мужик давай солдата умасливать, ведро ему водки поставил. Насилу уговорил помириться.

С той поры пошло солдату важное житье: сколько хочешь с бабою возись, мужик будто и не видит: «Пусть ее ебет!»

ЧЕРТ И БАБА

Поехал мужик в лес, пристигла его погода, снегом все дороги занесло — куда схорониться? Влез мужик в дупло и сидит себе, выжидаючи. Вот как поутихло, хочет он вылезть из дупла — не тут-то было! Сунул ногу — не йдет, руку — не йдет! «Что за притча! Влез слободно, а вылезть нельзя — дыра мала! Уж не черт ли подшутил надо мной?»—«Да, это-таки черт!»— отзывается нечистой. «Пусти, брат!»—«Нет, не пущу».—«Неужли ж мне тут пропадать? Ведь я, коли не замерзну, так с голоду околею».—«А мне что! Коли хочешь, отдай мне свою душу через десять лет — сейчас выпущу».

Что делать мужику? Не хочется помирать и решился заложить свою душу нечистому. «Ладно,— говорит,— я согласен». —«Ну, давай расписку!»

Мужик разрезал мизинец, написал расписку своей кровью и отдал нечистому. Тотчас дупло развалилось, и вышел мужик на белый свет. Пришел домой и стал жить по-прежнему.

Скоро идет время, вот десяти лет как не бывало, и срок наступает. Приуныл мужик, заплакал с горя. «Что с тобой?»— спрашивает жена. «Так и так, жена! Последний час доживаю; скоро черт за мной явится».—«Что ж ты прежде мне не сказывал? Беги скорей да топи баню».

Мужик побежал баню топить, а баба напарила гороху и давай есть. Так наелась, что любо-дорого! Пришел муж, баня готова. «Ну, пойдем помоемся!»— говорит она мужу. Пришла в баню, разделась и принялась голову себе мыть. Вдруг черт откуда не взялся — за мужиком явился. «Тебе что?»— спрашивает баба. «А вот за твоим мужиком пришел: он теперь мой».—«Врешь, он мой! Мы с ним под венцом вместе стояли, я тебе даром его не уступлю. Коли хочешь: сделай мне три работы; сделаешь — твой мужик, а не сделаешь — отдай рукописанье!»—«Ну, задавай, какия твои работы?»—«Да легонькия! Вот тебе первая!— говорит баба, а сама раскорячилась, выдернула из манды курчавой волос и подает черту:— Сделай его ровным да прямым. А коли испортишь — пропал теперь!»

Нечистой взял волос в зубы, давай его выравнивать. Нет — ан все крутится. Подошел нечистой к печке, захотел выправить тот волос об каленой камень и здесь спалил его совсем. «Ну,— говорит баба,— пропала твоя первая работа. Вот тебе другая!» А сама стала на карачки, выпятила манду и спрашивает: «Видишь

гнездо?»—«Вижу!»—«Закрой его ладонью, да смотри, чтоб лапа сверху лежала!» Черт положил ладонь на причинное место, а баба как попятится — так вся чертова лапа и вошла в дыру! «Ну, пропала твоя и вторая работа! Теперь принимайся за третью».

С этим словом ложится баба на лавку и говорит нечистому: «Гни мои ноги, а что в те поры я выпущу, то сейчас излови!»

Только принялся нечистой гнуть бабе ноги, она как перднет с гороху, да таково-то громко, а сама кричит: «Скорей! Лови!» Черт бегал-бегал, толку ни на грош. «Твоя взяла!— говорит бабе.— Никак не могу поймать: около носу вьется, а в руки не дается!»

Отобрала баба от черта мужнину расписку, и пошел нечистой несолоно хлебавши в тартарары. Правду люди сказывают: черт хитер, а баба и черта хитрее.

ИСПЫТАНИЕ ЖЕНИНОЙ ВЕРНОСТИ

В одном селе жил-был поп с попадьей. Только поп этот не очень-то на жену смотрел, а снюхался с просвирнею.

Да раз как-то ввечеру попадья вышла на двор коров доить, а поп стоит с просвирнею за забором, да все ее просит, да разное ей сулит. «Приходи,— говорит,— завтра в овин; я тебе и муки, и масла, и круп, и соли — всего-всего нанесу!»—«Хорошо, прийду».

Попадья все это слышала. На другой день, только что стало смеркаться, она поскорей в овин, забралась туда раньше всех и сидит себе: ни гугу! Глядь — лезет поп, словно мерина себя всякой всячиной навьючил, и спрашивает потихоньку: «Просвирня! Ты здесь?»—«Здесь, батюшка»,— говорит попадья шепотом. «Вот тебе целой узел. Бери: в дому пригодится!» Вот полежал с ней маленько и давай складчину делать. Сам ебет попадью, и говорит: «У тебя, свет, не в пример слаще, чем у попадьи».—«И, батюшка! Не все ли равно? Что у ней, что у меня — все дыра!»—«Нет — большая разница. У тебя дыра муровата!»

Покончил поп свое дело и пошел домой, а попадья припрятала узел да за ним же вслед. Вошла в избу, налила щей, нарезала хлебу и зовет попа ужинать. Поп попробовал и говорит: «Давай, матка, соли!»—«А где я тебе возьму! Ступай к своей просвирне в овин — она тебе даст».

Поп смекнул, что дело-то выходит кляп! И замолчал. С той поры не стало ему ни житья, ни спокоя: попадья во всем отказует да просвирней попрекает!

«Дай,— думает поп,— схожу на базар да найму молодого батрака; авось он мне поможет отсмеять попадье за ее насмешку!» И попадается ему на базаре бравой парень. «Здорово, свет! Куда идешь?»—«Иду наниматься в работники».—«Наймись ко мне! Я тебе сто рублей дам, а работа у меня не тяжелая: сделай только, чтоб попадья не попрекала меня просвирнею,— сейчас и деньги в руки!»—«Ладно, батька! Это живо можно обработать». Воротился поп домой с батраком.

На другой день поутру собираются они в поле ехать. Попадья накормила их вчерашними щами на завтрак, а соли опять не дала: ступай-де к своей просвирне — она тебе даст!

Выехали поп с батраком за околицу, уговорились, как и что, пустили лошадей на траву, а сами назад. Поп стал под окошком.«Ну, батька!— говорит батрак.— Смотри, и что б я ни делал, по тех пор терпи, пока сил хватит!»

Поп стал под окном, а батрак — в избу. Видит: попадья квашню месит. Как заплачет он во все горло горько да жалостно!

«Что с тобой подеялось?»— спрашивает попадья. «Ах, матушка, беда моя! Повстречался отец со мной, велит домой ехать, хочет женить меня; а я еще мал, ничего не ведаю, никогда не спал с бабами, что с женою делать — не ведаю».—«Эх, руки-то у меня в тесте, а бы я тебя, пожалуй, поучила; ну, да и так можно!» Легла посередь пола задрала подол и говорит батраку: «Полезай на меня!» Вот батрак и полез на нее через голову. «Куда ты?— кричит попадья.— Не туда, не туда! Вот сюда лезь!» А сама подняла сарафан и рукой в манду тычет. Батрак сбоку полез. «Да не так! Дурашка, ничего не умеет! Будто ты и взаправду никогда ни с кем греха не творил?»— «Творил, матушка, да с кобылою, а с бабами не случалося».—«Ну, так я стану на карачки». Стала попадья на карачки, задрала подол и говорит: «Полезай скорее с заду!» Батрак опять не туда лезет. «Что ты, дурак! Сам сказывал, что у тебя было дело с кобылою; я и стала по-кобыльи, а ты и тут не умеешь!»—«Да ведь, матушка, втепоры я боронил; кобыла была в хомуте и в бороне!»—«Ну, ступай, принеси борону и хомут й запряги меня». Батрак сбегал, надел на попадью хомут и запрет в борону, а сам все не лезет. «Ну, что ж ты мешкаешь? Вишь, я и в хомуте, и в бороне...»—«Да у кобылы-то, матушка, хвост был». —«Экой! Возьми поскорей батькину кропилку да воткни мне в жопу — вот те и хвост!» Тут поп не выдержал и закричал во все горло: «Ах ты, курва, еще мою кропилку поганить хочешь!» Батрак взял попа денег 100 рублей, а попадья с того времени полно поминать попу о просвирне.

* * *

Жил старик со старухой, детей у них не было. Взяли к себе на утеху племянника. Дядя-то был стар, а тетка еще не так-то стара, а середка на половине.

Раз поехал дядя с племянником в лес дрова рубить и дорогой расхвастался: «Экая у меня славная баба! И какая в законе твердая. Уж ее никто на грех не заманит».—«Пустяки!— говорит ему парень.— Это дело вовсе не трудное».

Поспорили они и ударились об заклад: коли племянник да сумеет соблазнить тетку, так дядя виноват и должон ему подарить две пары быков и с телегами. Воротились оба домой. Дядя стал под окном, а племянник вошел в избу и горько плачет. «Что ты, сынок, плачешь?— спрашивает тетка».— «Как не плакать? Приехали мы с дядею в лес, увидали дупло и поспорили, чей хуй больше? Он говорит: его больше, а я говорю: мой больше. Что делать? Согласились попробовать, чей в дупло не войдет. Дядя сунул в дыру, а гадюка его прямо за хуй и укусила. Тотчас старик помер!»—«Черт с ним!— говорит тетка.— А твой хуй вошел в дупло?»—«Нет, мой не вошел».—«А ну, ложись со' мной

на постель да поеби меня».—«Я эдак-то не умею. Намедни я кобылу ёб, так с заду ее угодил». Тетка стала раком и жопу подставила. «Стой! Еще не все. На кобыле-то седло было».—«Ах, подлец! Ступай в сени, там седло висит, возьми да скорей назад!» Парень принес и оседлал тетку. «Как же теперь еть тебя? Ведь у кобылы-то хвост — есть за что подержаться!»—«Экой выдумщик, возьми ложку, воткни в жопу и еби поскорее!» Дядя услыхал и кричит в окно: «Что ты! Полно, полно! Не бери ложки — не погань, а то хлебать нечем будет!» Прибежал старик в избу, схватил кнут и давай валять жену: «Эка подлая! Через тебя пару волов проиграл...»

ДВА БРАТА ЖЕНИХА

Жил-был мужик; у него было два сына — парни большие. Стал старик со старухою советоваться: «Какого бы сына оженить нам — Грицька или Лавра?»—«Женим старшова»,— сказала старуха. И стали они сватать за Лавра и сосватали ему невесту на самую масленицу в другой деревне.

Дождались святой недели, разговелись; вот и собирается Лавро вместе с братом своим Гриць-ком ехать к своей невесте. Собрались, запрягли пару лошадей и поехали в гости. Лавро за барина, как жених, а Грицько за кучера, и поехали в гости. Только выехали за деревню, как Лавру захотелось уже срать; он так налупился на разговенах! «Брат Грицько,— говорит он,— останови лошадей».— «Зачем?»—«Посрать хочу».—«Экой ты дурак! Ужли ж ты станешь на своей земле срать? Потерпи маленько, съедем на чужое поле — там вали хоть во все брюхо!»

Нечего делать, понатужился Лавр, терпит — ажно в жар его бросает и пот прошибает. Вот и чужое поле. «Ну, братец,— говорит Лавр,— сделай такую милость, останови лошадей; а то невтерпеж: до смерти хочу срать!» А Грицько в ответ: «Экой ты глупой! С тобой пропадешь; отчего не сказал, как ехали мы через свое поле: там смело бы сел и насрал, покуда хотел. А теперь сам знаешь: как орать на чужой земле! Еще, не ровен час — какой черт увидит да поколотит нас обоих и лошадей отберет. Ты потерпи маленько; как приедем к твоему тестю на двор — ты соскочишь из повозки и прямо в нужник, и сери себе смело; а я тем временем лошадей выпрягу».

Сидит Лавр на повозке, дуется да крепится. Приехали в деревню и пустились к тестиному двору; у самых ворот встречает своего будущего зятя теща. «Здравствуй, сынок, голубчик! Уж мы тебя давно ждали!»

А жених, не говоря ни слова, выскочил из повозки и прямо в нужник. Теща подумала, что зять стыдится, схватила его за руку и говорит: «Что, сынок, стыдишься? Господь с тобой, не стыдись, у нас чужих людей никого нету; прошу покорно в избу».

И втащила его в избу, посадила за стол в переднем углу. Пришло Лавру внемоготу, начал под себя валить и насрал полные штаны, сидит на лавке и боится с места пошевелиться. Теща-то суетится: наставила перед ними разных закусок, взяла штоф с вином в руки, налила и подносит первой стакан жениху. Встал жених на ноги — так поплыло все говно вниз по ляжкам да в голенища: пошла вонь на всю избу. Что за притча! Воняет! Теща бросается по всем углам, глядит: не напакостили ли где

ребятишки? Нет, нигде не видать: подходит к гостям: «Ах, любезные мои! У нас на дворе-то не совсем чисто; может, кто из вас ногой в говно попал; встаньте-ка, я посмотрю: не замаран ли у кого сапог?» Осмотрела старуха Грицька — ничего нету; подошла к Лавру: «Ну-ка, зятек; ты кажись как приехал на двор — так кажись и побежал к нужнику; не втяпался ли в говно?»

Стала его щупать, схватила и только дотронулась промеж колен — и выпачкала всю руку в говне. Заругалась она на жениха: «Что ты, с ума сошел, что ли? Кой черт тебе сделалось! Ты, верно, не в гости приехал, а насмехаться над нами, подлая твоя душа! Еще не пил-не ел, а за столом обосрался! Ступай же к черту, будь ему зять, а не нам!» Тотчас призвала старуха свою дочку и говорит: «Ну, дитя мое любезное! Не благословляю тебя выходить за этого дристуна и засерю, выходи за его брата: вот тебе жених!»

Тут Лавра в сторону, а в передний угол посадили Грицька, начали пить, есть и прохлаждаться до самого вечера. Пристигла ночь, пора и спать ложиться. Старуха велела положить гостей в другой избе; жениху наказала: «Ну, вы ступайте с Богом спать в другой избе, что на дворе стоит, а ты, дочка, снеси туда перину да постели жениху; а этому засе-ре ничего не стели, пущай на голой лавке валяется!»

Вот легли они спать: Грицько на перине, а Лавр скорчился на лавке; не спится ему, все думает: как бы отсмеять брату его насмешку. Слышит, что Гриць-ко заснул крепко; он встал с лавки, взял стол и тихонько перенес его к самым дверям; а сам опять улегся на лавке. В самую полночь проснулся Грицько, встал с перины и идет до ветру прямо к дверям; подошел да как ударится о стол. «Что такое? Где же двери?»— думает он. Воротился назад, давай искать — куда ни сунется, все стены. «Куда ж двери-то девались?»

А срать так приспичило ему, хоть умирай! Что делать? Сел у стола и насрал такую кучу, что на лопате не унесешь. Насрал и раздумался: «Делото неладно, надо говно убрать до утра!» Поглядел кругом и увидел в стене большую щель. «Давай-ка я повыбросаю говно на двор в эту дырку! Забрал говна целую пригорш и давай метить в щель; как ляпнет — в щель-то не попал, а прямо в стену; говно отвалилось назад да прямо ему в рыло. Утерся Грицько руками; забрал другую пригорш, бросил в другой раз — опять то же самое. И стены вымазал, и себя самого всего выпачкал. Надо умыться: стал искать воды; искал-искал и нащупал в печи чугун с краской, что яйца к празднику красят; вытащил и стал умывать руки и голову. «Ну, теперь ладно будет!»

Лег Грицько спать, и только заснул, брат его взял потихоньку стол и перенес на старое место. Стало совсем рассветать; пришла

невеста жениха будить. «Вставай, душенька!— говорит она.— Уж завтрак готов».

Да как глянула на него и видит, что рожа женихова на черта смахивает, испугалась и побежала вон. Прибежала к матери, а сама-то разливается. «Что ты плачешь?»— спрашивает мать. «Как же мне не плакать? Вить я совсем пропала: поди-ка сама посмотри, что у нас в той избе деется!»—«А что деется? Там жених твой с братом ночь спят».—«Какой жених! Это черт, а не жених!» Пошли все трое, отец, мать и невеста, в избу, где жених спал.

Только вошли — жених увидал их и усмехается с радости: одни зубы белеют, а лицо все синее — настоящий бес!

Они бежать вон. Старик запер избу накрепко и побежал к попу. «Поди, батюшка, освяти у нас новую избу да выгони оттуда нечистую силу: заве-лась-таки проклятая!»—«Как, свет, у тебя черти завелись? Да я, свет, чертей-то сам боюсь!»—«Не бойся, батюшка! У меня есть кобыла: коли что случится — садись на нее верхом и уезжай: тебя не то черт — птица не поймает!»—«Ну, свет, так и быть, пойду выгонять нечистую силу, только чтоб кобыла была моя!»—«Ваша, батюшка! Ваша!»— говорит мужик, а сам ему кланяется.

Поп пошел к избе, взял с собой дьячка и пономаря, нарядился в ризу, взял в руки кадильницу с огнем, посыпал ладаном; ходят они кругом избы и поют: «Святый Боже!»—«Ишь,— думает Гриць-ко,— поп ходит со крестом; стану у дверей, неровно, взойдет в избу — так попрошу у него благословения».

Стал у дверей и дожидается. Поп обошел кругом избы три раза, подступил к дверям и только отворил да сделал шаг за порог — Грицько и протянул к нему свою синюю руку. Поп как бросится назад, да на кобылу верхом, и давай стегать ее по бокам кадильницею наместо кнута. Кобыла помчалась во весь опор, а поп знай ее по бокам поджаривает, да как-то ей невзначай махнул под хвост горячим; кобыла еще пуще понесла, бьет задом и передом, споткнулась и грянулась наземь; поп через нее кубарем, сломил себе голову и околел. А женихи-дурни воротились себе домой ни с чем.

НЕВЕСТА БЕЗ ГОЛОВЫ

Жил мужик с бабою. Повел мужик на ярмонку корову и продал ее другому мужику из другой деревни; выпили магарыч и стали сватами. «Ну, сват, будь завсегда здоров!»—«Как же, сват, как же!»

С тех пор, где они ни съедутся, величают друг друга сватами и угощают водочкой. Случилось один раз съехаться им в харчевне. «А, здравствуй, сват!»— «Здорово, сват! Каково твоя коровка?»—«Слава Богу!»—«Ну, слава Богу — лучше всего. А вот, сват, как бы нам с тобой породниться?»—«Ну что ж? У тебя сына время женить, а у меня дочь — хоть сейчас выдавай замуж!»—«Так, значит, по рукам?»—«По рукам!»

Потолковали и разъехались. Воротился домой мужик, что корову-то продал, и говорит сыну: «Ну, сынок, кланяйся: я тебе невесту нашел, хочу тебя женить!»—«Где же так нашел, батюшка?»—«А помнишь того свата, которому анодысь я корову-та продал?»—«Знаю, батюшка».—«Ну вот, у этого свата дочка — раскрасавица!»—«Нешто ты видел?»— «Нет, я-то сам не видал, а от свата слыхал».—«А не видал, так и хвалить неча. Сам ведаешь: заглазнаго купца кнутами дерут! Ты пусти меня, я схожу в ихнюю деревню, повысмотрю хорошенько и разузнаю: какова еще девка?»—«Ну, ступай с Богом!»

Парень надел на себя самую худую одёжу, перекинул узду через плечо, взял кнут в руки и отправился к свату. Пришел уже вечером и стучится под окошком у сватовой избы. «Здорово, хозяин!»— «Будь здоров, доброй человек,— отвечает мужик,— чего тебе надо?»—«Пусти к себе от темной ночи укрыться».—«А ты откудова?»—«Издалеча, верст за сто, ищу, дядюшка, хозяйских лошадей. Был я на ночлеге с лошадьми; у меня двух лошадей и увели. Вот третий день ищу, а толку нету...»—«Пожалуй, переночуй у нас!»

Вошел парень в избу, снял узду с плеча и повесил на гвоздь, сел на лавку и поглядывает на невесту. Старик и спрашивает у своего ночлежника: «А что в вашей стороне хорошего слыхать?»—«Хорошего, дяденька, ничего; а худаго много».—«Что же такое?»—«Да вот что: кажную ночь волки людей едят; уж недели с две редкая ночь пройдет, чтобы волки не отгрызли пять или десять голов!»

Потолковали и легли спать: старик со старухою в клети, дочь в сенях на койке и ночлежник в сенях — только на сене, что наверху было на досках накладено. Парень лежит да все прислушивается: не прийдет ли к девке какой любовник? Прошел

час и два, вдруг постучался кто-то в двери и говорит: «Миленькая, отопри!»

Девка встала потихоньку, отперла дверь и впустила своего полюбовника; он разделся и лег с нею спать. Поговорили промеж себя и до того договорились, что гость взобрался на девку и ну валять ее во все лопатки; отзудил раз, отзудил и в другой. Потом девка говорит: «Послушай, душа! Я слыхала от баб, что если привязать ноги веревкою и притянуть покруче к самой шее, то пизда вся внаруже будет, и что эдак-то хорошо еться: не надо и подмахивать. Попробуем-ка, дружок!»

Гость долго не думал, взял свой кушак, обвязал около ее ног и притянул их покруче к шее, и давай качать. Тут ночлежник как бросится сверху да как закричит во все горло: «Караул! Рятуй, хозяин! Твоя дочь пропала: волки голову отъели».

Любовник соскочил да к дверям, а ночлежник схватил его за шиворот. «Нет, брат, стой! Погоди маленько!» Старик со старухой услышали крик, что волки у ихней дочери голову отъели, выбежали из клети и к дочерниной постели; щупает ее старик руками и нащупал впотьмах пизду и жопу, оробел: вить это, думает, одно туловище — головы-то нету, и закричал на старуху: «Давай скорей огня! Теперича нашей дочки нет живой на свете!» А сам крепко ухватился и держится за жопу и пизду и плачет по дочери.

Принесла баба огню. Глядь — а дочка-та связана! «Господи Боже мой! Что это такое?»—«А вот он, дядюшка, волк-то!— говорит ночлежник, держа полюбовника за шиворот».—«Эка ты, сукин сын?— закричал старик.— Разя не мог ты иначе с дочкою сделаться? Разя не мог без пояса поеть ее попросту?» Тут давай толкать любовника в шею; так и вытолкали! А дочь развязали. «Сделай милость, дружок,— просит старик ночлежника,— не сказывай никому нашего горя: вот тебе за то двадцать пять рублев!»—«Нет, дядюшка! Не скажу; Бог с вами! Мне какое дело!»

Поутру угостил старик ночлежника и проводил за деревню. Пошел парень домой, идет, а навстречу ему целая ватага нищих с котомками. «Послушайте, нищенькие,— стал он говорить им,— ступайте вот в эту деревню, там на самом краю живет мужик богатой, нонче он делает поминки по своей дочери, у которой волки голову отъели. А мужик-то доброй, он вас примет, накормит и напоит, еще и в котомки накладет!»

Нищие прямо туда и потащились, пришли на двор, выстроились в ряд и дожидают обеда. Хозяин увидал: «Ишь сколько их нашло!»

Взял большой каравай хлеба, разрезал и обдарил всех по куску. А нищие все стоят, не идут со двора вон. «Чего ж вы

дожидаетесь?— спрашивает мужик.— Вить вам дали милостинку!»—«Да не будет ли, дядюшка, твоей милости, не дашь ли нам пообедать да помянуть твою дочку».—«Какую дочку?»—«Да которую волки съели».—«Кой черт вам сказал; у меня дома все благополучно!»—«Да нас послал к тебе эдакой-то парень».—«Ну, ну, проваливайте!»— закричал мужик.

Нищие ушли со двора, а хозяин говорит: «Ну, старуха, пропали мои деньги! Дал только понапрасну этому сукину сыну: обещался никому не сказывать, а как вышел за ворота — полон двор нищих нагнал! Поди-кась он теперича по всем деревням славу пустит! Да еще коли сват про то узнает, так дело наше дрянь выйдет!»

Меж тем парень шел-шел и пришел домой. «Ну что, сынок, видел свою невесту?»— спрашивают его отец с матерью. «Ах, батюшка! Не досаждайте мне, лучше бы совсем не видать».—«Что так?»—«Да вить у моей нареченной невесты — царство ей небесное!— волки голову отъели, одно туловище оставили; завтра хоронить будут!»—«Эка беда-то стряслась над ними! Надыть, старуха, поехать да проститься, пока не похоронили. Люди они для нас были хорошие! Запряги-ка нам, сынок, лошадок, мы поедем со старухою к свату...»

Сын запрет лошадей, они сели и поехали. Подъезжают ко двору, а сват увидал и выбежал навстречу. «Здравствуй, сват! Как Господь милует? Милости просим в избу, гости дорогие!» А гости унылым голосом отвечают: «Спасибо, сватушка! Мы к тебе не гостить приехали, а проститься с твоею дочкою. Верно, не судьба нам быть в родстве с тобою».— «Отчего же, сват?»—«Да вить у тебя несчастье в доме: волки голову у дочки отгрызли!»—«Когда? Кто это вам сказывал?»—«Да сынок, вить он у тебя прошлую ночь ночевал, все сам и видел».— «Вот те раз! Дак это твой сын был! Нечего делать: •хоть дочка моя и жива, да дело-то неладно!» Потолковали и разошлись с Богом; с тех пор и перестали они называться сватами.

* * *

Отпросился солдат в отпуск; шел-шел путем-дорогою, и пришлось ему ночевать у одного попа. У этого попа была дочь, и солдат уж дорогою слышал про нее, что к поповне ходит полюбовник. Сели ужинать; поп и спрашивает: «Служивой! Где ты служишь-то?»—«В Питере, батька».—«А что, часто царя видаешь?»—«Да безперечь».—«Не слыхать ли у вас чего нового?»—«Слыхать-то слыхать, да говорить нельзя!»—«Скажи, свет!»—«Тады узнаешь, как указ будет».—«Пожалуста, свет, скажи!» Пристал поп к солдату, как банный лист к жопе. «Ну, батька! Будет новая форма бабам нащет ебли, ноги в хомут и

голову в хомут — так и ебись! Эдакая теперь пошла строгость во всем: даже еть нельзя без формы!»—«Что делать! Ихняя воля!»— сказал поп. А дочь сидит себе да слушает.

Вот легли спать: дочь на печи, а солдат на полатях. «Дай, батюшка, мне полено»,— говорит солдат попу. «А на что тебе, кавалер?»—«Да у вас, пожалуй, ночью волки ходят!» Поп рассмеялся, подал ему полено и говорит попадье: «Вишь, рассказывают, в Питере дураков нет; а вот — солдат, да и тот с дурью; коли так в избу ходят волки?»

Вот в самую полночь пришел полюбовник к поповне на печь и хочет на нее лезть; она ему не дает. «Найди,— говорит,— хомут! Теперь на то новая форма царем установлена. Нынче солдат батьке сказывал!»—«Да где я тебе хомут-то возьму?»— «В сенях на гвозде висит».

Вскочил он, принес хомут, надел поповне на ноги, а там задрал ей ноги кверху как можно покрутее и просунул в хомут поповнину голову. Только стал было ее запендрячивать, а солдат соскочил с полатей да как урежет его поленом по жопе, а сам кричит благим матом: «Батюшки, волки!»

Полюбовник удрал, не кончив дела, а поп с попадьей бросились на печь посмотреть: не съели ль волки поповну? Поп схватил ее за пизду, попадья за жопу, и голосят себе: «Ах, бедная дочка! Отъели у тебя волки голову!» А солдат вздул огонь — и на печь: тут поп с попадьей увидали, что дочка-то жива, сидит в хомуте. Солдат посмотрел и закричал: «Да как вы смели без указу государева эдак делать?»— «Не сказывай, служивой,— просит поп,— вот тебе сто рублев». Солдат взял деньги и говорит: «Ну, батька, так и быть — ей по глупости прощаю, а коли б ты сам да с попадьей стал эдак еться — тысячи рублев не взял бы!»

БАБЬИ УВЕРТКИ

«Тетушка! Я хочу у тебя попросить...»—«Ну, говори, что тебе нужно?»—«Я думаю, ты и сама можешь догадаться, что нужно». Тетка сейчас догадалась: «Я бы, пожалуй, Иванушка, сделала для тебя удовольствие, да вить ты не знаешь наших бабьих уверток». —«Авось, тетушка, как-нибудь и увернуся!»—«Ну, хорошо, приходи сегодня ночью к нам под окошко».

Парень обрадовался, дождался ночи и пошел к дядину двору, а кругом двора-то была набросана кострика. Ходит он мимо окна, а кострика под ногами трещит! «Посмотри-ка, старик!— говорит тетка.— Кто-то ходит около избы: не зверь ли какой?» Дядя открыл окошко и спрашивает: «Кто там по ночам шляется?»—«Это я, дядя»,— отвечает племянник. «Кой черт тебя сюда занес?»— «Да что, дядя! За спором дело стало: отец говорит, что у тебя изба срублена в девять венцов, а я говорю — в десять. Вот я и пришел пересчитать».— «Разве он, старой черт, разум-то прожил!— говорит дядя.— Вить сам же рубил со мной избу в десять венцов!»—«Так, дядя, так; вот я пойду, отцу-то в глаза наплюю!» На другой день парень сказал тетке: «Ну, тетушка! Эдак, пожалуй, с тобой дела не сделаешь, а попадешься!»—«Экой ты чудной! Дядя с тобой говорит, а я как к тебе выйду? А ты знаешь, где наша закута, куда овец загоняют: туда и приходи нынюшню ночь. Уж я к тебе непременно выйду!»

Парень послушался, пришел ночью в дядину закуту, прижался в угол и поджидает тетки. А тетка говорит своему мужу: «Поди-ка, хозяин! Что-то у нас на дворе не здорово: нет ли зверя? Овцы наши что-то всполошились; уж не волк ли к ним забрался?» Старик вышел на двор и спрашивает: «Кто здесь в закуте?» Племянник выскочил: «Это я, дядюшка!»—«Зачем тебя черт занес в эдакую пору?»—«Чего, дядюшка! Отец не дает мне спо-кою; чуть не дошло у нас до драки».—«За что ж так?»—«А вот за что: он спорит, что у тебя девять овец, а десятой баран; а я спорю, что у тебя только девять овец, а барана вить ты зарезал?»—«Да, твоя правда: барана я на крестины зарезал! Да вить он, старой дьявол, сам был у меня на крестинах и ел баранину! Даром что он мне брат родной, а я завтра как увижу его — сейчас в глаза наплюю». —«А мне что? Даром что он мне отец родной — пойду ему да бороду выдеру; а то вить и сам не спит и людям не дает! Прощай, дядя!»—«Прощай! С Богом!» А тетка так со смеху и катается. На третий день племянник увидал тетку и говорит: «Ах, тетка, тетка! Как тебе не стыдно? С тобою, право, пропадешь!»— «Эх ты, Ваня, Ваня, какой глупой! Дядя-то с тобой разговаривает, а мне как к

тебе выйтить? Вот те-перя два раза увернулся, смотри в третий раз не дай маху. Ночью приходи к нам в избу, вить ты знаешь, где мы спим-то, да как нащупаешь — так и валяй: у меня жопа-то будет заворочена».

Только легла тетка спать с мужем и говорит ему: «Послушай-ка, что я тебе скажу: что-то мне мочи нету, спала я шесть годов с краю, а теперь ложись ты сюда, а я к стенке».—«Мне все равно!»— сказал старик и полез на край. Полежала-полежала тетка да и вздумала: «Эх, хозяин, какая в избе-то жара! Посмотри-ка, должно быть, окно-то закрыто». А сама хвать его рукой за жопу: «А ты все в портках! Ах ты — прелыя муде! Ты бы спросил хоть у Лукьяна али у Карпа: спят ли они когда в портах с своими женами?»

Он послушал ее умного разуму, скинул портки и заснул: жопа заворочена! Только пропели первые петухи, племянник пролез в подворотню да сейчас в сени, приложил ухо к дверям: в избе тихо, отворил дверь потихоньку, вошел в избу и ну щупать около постели; нащупал дядину жопу и обрадовался голой сраке; вынул свой кляп и наставил дяде в жопу: как попер, дядя закричал благим матом и ухватил его за хуй. А тетка спрашивает: «Что ты, что ты, старик?»—«Вставай скорей!— закричал дядя на жену.— Зажигай лучину: я вора поймал».

Тетка вскочила, побежала: будто огонь дуть; да взяла воды и остальной огонь залила. «Что ж ты копаешься?»—«Да огня нету!»—«Беги к соседу!»—«Как я теперь пойду! Теперь дело ночное, волки таскаются».—«Ах, мать твою растак! На вот, держи вора, а я сам побегу за огнем-та. Да смотри не упусти».

Покедова дядя отыскал фонарь, отпер ворота, пришел к соседу, разбудил его и рассказал, что случилось, да добыл огня — жена в это время оставалась с племянничком в избе. «Ну,— говорит,— теперича делай со мной что хочешь!»

Вот он положил ее на постелю и отработал ее два раза. Тетка проводила парня и думает: «Что сказать мужу? Как-де вора упустила!»

Спасибо, на ее счастье, не так давно отелилась корова, и теленок-то был привязан к ихней кровати. Баба хитра, ухватила этого теленка за язык и держит. Воротился муж с огнем и спрашивает: «Жена, что ты держишь?»—«Как ты дал, так и держу!»

Мужик так рассердился, схватил ножик и отрезал теленку голову. «Что ты, с ума сошел али взбесился?»— закричала на него жена. Он скинул свои портки и показывает ей жопу. «На-ка, посмотри, мать твою ети! Как он меня лизнул! Коли б еще раз лизнул — кажись, и жив не был бы!» Повстречалась тетка с племянником и говорит: «А что, Ваня, купишь мне красные

башмаки?»—«Отчего не купить! Вот завтра в город поеду и куплю».—«Купи, Ваня, я те заслужу». А Ванька-то был не промах, пошел на огород, выбрал кочан капусты, вырезал вилок да в платок завернул и несет тетке. «Что, Иванушка, купил?»—«Купил».—«Дай-ка я попро-бою».—«Сперва заработай!»

Привел ее в сарай, платок с вилком положил ей под голову и давай попирать тетку; попирает, а капуста под головой скрипит да скрипит. Тетка говорит: «Скрипи не скрипи, а быть на ногах!» А парень: «Съешь и в пирогах!»

СТРАННЫЕ ИМЕНА

Жил-был мужик с женою. Поехал на поле пахать, только прошел одну борозду и выпахал котелок с деньгами. Обрадовался мужик, схватил котелок и только хотел припрятать — подходит солдат, увидал деньги и говорит: «Послушай, мужик! Это мои деньги, Коли отдашь их мне, то сколько борозд пропашешь нынче, столько и котелков с деньгами найдешь!»

Мужик подумал-подумал и отдал солдату котелок. Начал опять пахать, прошел одну борозду — нет денег, прошел другую — тоже нет! «Видно, соху пущаю мелко!»— думает мужик и пустил соху поглубже: едва лошадь тянуть сможет! А денег все нету. Приходит к нему хозяйка с обедом и давай его ругать: «Какой ты хозяин! Бога ты не боишься, поди-кась как лошадь упарил! Зачем так глубоко пашешь?»—«Послушай, жена!— говорит мужик.— Только приехал я на поле да прошел первую борозду — сейчас и вырыл котелок, полной денег. Да принеси на ту пору нечистая сила солдата: коли ты, говорит, отдашь мне эти деньги, то сколько ни пройдешь за день борозд, столько и котелков с деньгами найдешь. Я ему и отдал свою находку; стал пахать да вижу, что нет ничего, и подумал себе: видно, соха берет мелко; ну, взял и пустил ее поглубже. Пахал-пахал, целой день пахал, а толку нету!»—«Экой ты дурак! Попало счастье, не мог сберечь. А в какую сторону пошел солдат?»—«Да прямо вот по этой дороге».—«Пойду-ка его догоню!»

И пошла хозяйка с своим сынишком догонять солдата; шла-шла и видит: идет впереди какой-то солдат и несет в руках котелок. Нагнала. «Здорово, служивой! Куда Бог несет?»—«Иду в отпуск, голубушка!»—«А в какую деревню?»— «Да *в* такую-то».— «Ну и мне туда ж надо; пойдем вместе».—«Пойдем». Идут вместе и разговаривают. «Как тебя, голубушка, зовут?»—«Ах, служивенькой, нас с сыном так зовут, что и сказать стыдно».— «Что за стыдно! Украсть — стыдно, а сказать — ничего, все можно».—«Да вишь, меня-то зовут *Насеру,* а сынка — *Насрал».* —«Ну что ж — это ничего!»

Пришли они на постоялой двор и легли ночевать; только солдат заснул, баба вытащила у него котелок, разбудила сына и ушла с ним домой. Солдат проснулся, хватился — а денег нету и стал звать: «Насеру! Насеру!» А хозяин услыхал и говорит ему: «Служивой, ступай в нужник срать».

Солдат видит, что баба не окликается, давай звать мальчика: «Насрал! Насрал!» А хозяин заругался: «Экой ты, служба! Таки насрал в хате!» Взял солдата и выгнал вон.

* * *

Жил-был поп с попадьею; понадобилось попу нанять троих работников. Запрёг он пару лошадей и поехал по деревням искать батраков себе. Только что выехал за околицу, попадается ему навстречу один бродяга.

«Куда ты, свет, идешь?»— спрашивает поп. «Иду, батюшка, в работники наниматься».—«А я сам, свет, ищу работников; мне троих нужно. Хочешь, наймись ко мне на год».—«Пожалуй, я не прочь».—«А что возьмешь?»—«Да двести рублей».— «Ладно, только сумеешь ли ты работать?»—«Еще бы! Я умею и пахать и махать!»—«Хорошо, свет! Ступай к попадье».—«Нет, батюшка, дай вперед хоть половину, чтоб сумненья не было».

Поп дал ему сто рублей, а сам спрашивает: «Послушай, свет, как тебя звать?»—*«Пила».*— «Ну что ж, прозвище, имя хорошее; ступай с Богом, а я поеду — другаго работника поищу».

Мужик тотчас переоделся в иную одёжу, забежал попу вперед и спрашивает: «Позвольте, батюшка, узнать: куда вы путь держите?»—«Да вот ищу, где бы нанять двух работников; уж одного нашел, а еще двух надо».—«Где ж вы, батюшка, наняли?»—«Да вот на дороге сам мне попался».—«Какой такой?»—«Да еще не стар, детина рослой, на тебя похож; говорит: ”Умею и пахать и махать“».—«Ах, батюшка, ведь это мой брат родной!»—«То-то он на тебя и похож».—«Уж наймите, батюшка, и меня».

Поп нанял, дал ему другую сотню рублей, наказал идти к попадье и спрашивает: «А как тебя, свет, по имени зовут?»—*«Была,* батюшка!»—«Что такое за имя? Кажись, этакого в святцах нет!»— «Да я и сам дивлюсь; видно, поп с сердцов на моего отца так меня назвал».—«Ну, ничего, свет! Ступай с Богом; я поеду теперь искать третьего батрака».

Мужик опять переоделся в иное платье, так что и признать его нельзя; забежал по новой и идет к попу навстречу. Поп увидал и крикнул: «Стой, свет! Куда идешь?»—«Иду, батюшка, работы искать».—«Чего искать! Наймись ко мне».—«Извольте, батюшка! Сколько на год положите?»—«У меня цена двести рублей положена; сто рублей вперед, а сто — когда год отслужишь».

Мужик на то согласен. Поп отдал ему третью сотню и наказывает: «Скажи, свет, как тебя зовут?»—«Стыдно, батюшка, сказывать».—«Ничего, говори смело!»—«Да вот, батюшка, в ту пору, как я народился, поп-та наш деревенской пьян был, стал крестить меня и дал мне имя *Пизда».*—«Ну, свет, не стыдись! В миру всяко бывает. Ты теперича ступай ко мне домой, а я недалеча к куме съезжу, зятя проведаю; к вечеру назад буду».

Поп поехал к зятю, а мужик *с* деньгами удрал, куда сам ведал. Вот ввечеру приезжает поп домой, отлежил лошадей,

вошел в избу, смотрит — ни одного батрака на дворе не видать; стал попадью спрашивать: «Послушай, мать, где *Пила?»*—«Что ты, батька! Я нигде *не пила,* маковой росинки во рту не было». —«Видно, этого не знает!— думает поп.— Спрошу про другаго».

«А где *Была?»*—«Да что ты — ума решился? Где я *была?* Нигде не была! Дома сидела».— «Эх, попадья! Ничего ты не знаешь-то! Где же *Пизда?»* Попадья заворотила подол, указывает ему на свою дыру: «Вот где!» Тут только поп смекнул, что денег пропало у него триста рублей! Да что с возу упало, то — пиши — пропало!

Был-жил поп с попадьей, у них была дочка — собой хороша. Пошел поп батрака нанимать; идет дорогою, и попадается ему навстречу доброй молодец. «Не наймешься ли, свет, ко мне в батраки?»— спрашивает поп. «Изволь, наймусь!»—«А что возьмешь?»—«Больше денег не возьму!»—«Экой веселой! Как же тебя звать?»—«Ах, батька! Нельзя сказать».—«Скажи, брат!»—«Меня, батька, худая мать рожала, а дурной поп крестил — дурное имя дал».—«Ничего, скажи!»—«Меня зовут: *Последоебешъ!»*—«Ну что ж! Верно, так надьгть было; попы в книгах читают, по-божьему разсужают! Пойдем, свет!»— говорит поп.

Вот пришли они в попову избу, а как звать батрака, попадье не сказывают. Вот как-то ни попа, ни поповны в избе не было, попадья и спрашивает: «Скажи, батрак, как тебя звать по имени?»—«Ах, матушка, стыдно признаться».—«Ничего, сказывай, ведь я не девка — мне можно, не грех сказать!»—«Меня зовут: *Около-жопы-пизда! »*— «Ну что ж! Это правда».—«А вы, матушка, никому про мое имя не сказывайте, а то смеяться будут».— «Что за смех!»

После того случилось поповне быть одной-одине-хонькой дома, стала она батрака выспрашивать: «Как тебя, молодец, зовут?»—«Ах ты, моя матушка-голубушка! Ты не поверишь, что я тебе скажу; подумаешь, что смеюся!»—«Не бойся, сказывай!»—«Меня зовут: *На-пизде-блоха».*—«Что ж такое — не велика беда. Ведь, чай, поп давал имя?»—«И то — поп».

Пришла ночь, стали спать ложиться: мать с батькою на кровати, поповна на полатях, а батрак норовит поближе к ней. «Чтой-то,— говорит,— мне холодно; пойду на печь!»

Ночью батька с маткою стал хуем баловать, а батрак заехал под подол, на дочь: поднял сорочку и давай свое перо в ее чернилицу макать. Поповна проснулась и кричит благим матом: «Ох, матушка, больно!»—«Отчего, дура, тебе там больно?»— спрашивает попадья.—*«На-пизде-блоха* кусается!»— «Ах ты, дурочка! Плюнь да потри! Что ж мне? Не лезть же к тебе да блоху ловить!»—«Ой, больно!»—«Да ты плюнь да потри!»—«Я и то

плюнула да потерла, дак дальше поперло!»

Мать встала, смотрит: батрак дочь нажаривает, и принялась попа тормошить: «Батька, а батька! Чуешь ли: у нашей дочери *Около-жопы-пизда!»*— «Эка, глупая! Я сам знаю, что пизда у ней' возле жопы; так завсегда бывает!— говорит поп, повернулся на другой бок, да вспомнил, что ихние лошади не кормлены, и кричит батраку:— *После-доебешъ!* Поди лошадям сена задай!» — «Ну что ж ты орешь?— говорит батрак поповне.— Видишь, батька сам приказывает. Вот я пойду, задам лошадям сена да опять на тебя полезу». И с той поры стал батрак поживать с поповною; набил ей брюхо, рассчитался с попом и пошел в свою деревню.

* * *

Жил поп с попадьей, у них была дочь. Вот хороша. Поп нарядил строшного (батрака) для домашней работы. Живет строшной день и два, едет в лес по дрова; на третий день приехал домой, сел обедать. Поп и спрашивает у него: «Как тебя, строшной, зовут? Мы все зовем строшной да строшной, а имени не знаем». Строшной говорит: «Меня, батюшка, зовут *Любодей».* На четвертой день приехал строшной из лесу, сел обедать. Попадья и спрашивает: «Как тебя, строшной, зовут? Я доселе не ведаю!»—«Меня, матушка, зовут *Любодешаь».* На пятой день приехал строшной с дровами из лесу и сел обедать; попова дочь стала спрашивать: «Как тебя зовут? Мы все зовем строшной да строшной, а имени не знаем». Строшной говорит: «Меня зовут *Душно».* Вот вечером лег строшной спать на голбец, а поп с попадьей на пол, а дочь на полати. Немного погодя строшной взял да и взлез на поповну. Она закричала: «Душно! Душно!» А попадья думает, что ей стало жарко, да и кричит: «Лю-бодеишь! Отвори-ка окошко!» А поп себе: «Любодей! Не отпирай, не отпирай! И так хорошо!» Нечего делать, поповна замолчала, после встала, отряхнулась, сама усмехнулась.

ПОП И ЦЫГАН

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был цыган, у него был отец-старик. Крепко старик заболел, лежит в постели; а сын ходил-ходил за ним да потом и бросил. Что отец ни попросит у него — пить або что,— цыган будто не слышит; только думает, кабы поскорей помер!

«Э, сынку, сынку!— говорит отец.— Ты вже не став уж меня и за батька почитаты, а знаешь, вить я тебя на свет родил!» А сын ему отвечает: «Серу твого батька! Ты не мене робыв, а свою душу соло-дыв (услаждал). Полизан ты к матери в сраку, то я, батько, и тебе перероблю».

Отец вздохнет и промолчит. Пришло время: помер старик. Одели его и положили на лавке. Лежит покойник, борода у него длинная; накурили в избе ладаном, и пошел цыган за попом.

«Здраствуй, батиньку!»—«Здорово, цыган! Что скажешь?»—«Мой батько помер, приды его — похорони». —«Невжли помер?»—«Помер, легкий ему опочывок! Лежить на лавке, как Спас, и бородку свою распас, любо-мило по хатоньке походите и на его билое тило посмотрите. Да, кажись, батиньку, он и просвятится, бо так и пахнет от него ладаном!»— «Что же, цыган, есть у тебя деньги — за похороны заплатить?»—«За шо тоби деньги платить? За тое стерво, шо лежить на лавки, черной, як головешка, а вытаращыв зубы, як бешена собака. Дай щэ тоби за него деньги платите! Пожалуй, не приходь хоронить, я тоби приволоку его за ноги: шо хошь, то и роби з ним, хоть соби на вечину копти да жры!»— «Ну ладно, ладно,— говорит поп,— сейчас прийду да похороню».

Воротился домой цыган; вслед за ним пришел и поп, тут отпели цыганова отца, положили во гроб, снесли на кладбище и похоронили. «Невжли же ты,— говорит поп цыгану,— нисколько не заплатишь мне за своего отца? Тебе грешно будет!»— «Ах, батиньку!— сказал цыган.— Сам знаешь, яки у цыгана деньги: було трошки, усе потратыв на поминки; а ты, батиньку, повремены до ярманки, добуду денег — отдам тоби!»—«Ну, хорошо, свет! Подождать можно».

Началась ярманка, поехал цыган в город — лошадьми менять; поехал и поп по своим делам. Вдруг и попадается цыган попу навстречу.

«Послушай, цыган,— напоминает поп,— время тебе деньги отдать!»—«Якие деньги? За шо тоби отдавать?»—«Как за что? Я твоего батька схоронил».—«А, батеньку, дак тебе-то и нада! Я скилько ни ищу свого батька, нияк не могу найтить; чужие батьки

лошадьми меняють, а мого нима. А се ты, псяча-козляча твоя борода! Похороныв мого батьку!»

Ухватил попа за бороду, повалил на землю, вытащил из-за пояса кнут и начал его отжаривать: «От тоби, псяча-козляча борода! Хоть сдохны, да роды мого батька! А то задеру кнутом!» Насилу поп вырвался из цыганских рук да давай Бог тягу! С тех пор полно спрашивать с цыгана денег.

СОКОЛИНАЯ МАТКА

Шел мужик путем-дорогою, зашел на постоялой двор ночь ночевать; ночевал тут и помещик. Стал он мужика расспрашивать, про то, про се разведывать.

Долго ль барину осерчать? Рассердился он на мужика ни за што ни про што и давай его тузить: так избил, что надолго не забудешь. Вот мужик разузнал, куда барин путь держит, встал рано поутру и пошел по той самой дороге, где и помещику надо ехать; насрал на дороге целую большущую кучу и накрыл ее шляпою, а сам сидит — дожидается. Вот едет барин.

«Эй, мужик! Что ты шляпою накрыл?»—«Соколиную матку, барин!»—«Продай мне».—«Изволь, барин!»—«А что возьмешь?»—«Сто Рублев».—«Вот тебе сто рублев, да как же повезу я домой ее?»—«У меня для нее золотая клетка есть, только дома оставил!»—«Ступай поскорей на моей лошади да привези».

Кучер отстегнул пристяжную лошадь, мужик сел и поскакал во всю прыгть. Барин ждал-ждал — нет мужика. «Эй,— говорит кучеру,— давай посмотрим, что за соколиная матка? Ты подымай шляпу да потихонечку, а я стану птицу ловить».

Сказано — сделано; руки засунул барин и схватил полную кучу говна! Кучер увидал и засмеялся, а помещик осерчал и давай ему харю мазать: все ё говном выпачкал! А мужик и теперь поживает да жену пожимает!

ШУТ

В некоторой деревне жил мужичок бедной-бед-ной, с женой и детишками; дошло до того, что кормиться нечем. Только был он на шутки горазд; вот и говорит: «Жена! Я на хитрости подымусь, авось как-нибудь прокормлюсь». Взял он саночки, взвез на горку, сел и покатился прямо попу навстречу.

«Куда едешь?» — «Да вот погулять захотелось».—«Что у тебя без лошади?»'—«Да это у меня саночки-самокаточки: не пой, не корми, где вздумал, там и поезжай».—«Продай мне!»—«Мне самому надо!»—«Продай, пожалуста, сто рублев не пожалею». —«Давай двести! Ну, разве для тебя только, батюшка!»

Продал попу санки, посадил его и пустил под горку: поп прямо на свой двор и прикатился и радехонек. Сейчас же всех лошадей своих с рук сбыл. «И без них,— думает,— теперь обойдусь». Приехал из деревни мужик звать попа на крестины. «Хорошо, свет, поезжай с Богом, я сам приеду!» Послал поп за дьячком, за дьяконом, посадил их в саночки и сам уселся — а саночки ни с места! «Экой ты, дьячок, окаянной! Всякой день с дьячихой грешишь. Слезай, с тобой, греховодником, и саночки не везут!» Слез дьячок, а толку все нет. «Ах, отец дьякон! Видно, и ты на жену слазил!» Прогнал и дьякона, а саночки все не едут. «Ну,— думает поп,— видно, надул меня проклятой!»

Была у бедного мужика кобыла самая ледящая, никуда не годная; стояла на дворе, а двор-то у мужика был полем огорожен да небом покрыт. Раз как-то идут мимо этого двора два попа. Мужик увидал их, взял свою клячу и поставил жопой к воротам; кобыла насрала целую кучу говна, а мужик наклал в эту кучу пятачков да гривенников (еще допрежде разменял свой последний целковой на мелкие деньги) и роется в говне.

«Что ты делаешь, мужичок?»— спрашивают попы.—«Да вот моя кобыла серебром серет, так роюсь в говне да сбираю пятачки да гривенники».—«Продай нам свою кобылу!»—«Нет, она не продажная; я только и кормлюся ею!» Попы пристают к нему: «Продай, мужичок!»—«Видно, от вас, долгогривых, не отвяжешься! Пожалуй, уступлю вам кобылу, коли дадите за нее двести рублев».

Попы подумали-подумали и согласились; заплатили с рыла по сту рублев, взяли худую клячонку и повели к себе. Идут да дорогой промеж себя разговаривают: «Как приведем эту кобылу, поставим в крепкую конюшню и дадим ей целую меру овса самого отборного; у мужика она овса и не нюхала, оттого только мелким серебром срала; а как поест овса — станет срать рублями да

золотом.

Наутро поднялись попы ранехонько. Один оделся, умылся, а другой еще не успел. «Погоди,— говорит,— вот я умоюся да оденуся, вместе пойдем; а то, чего доброго, ты один все деньги загребешь!» Умылся, оделся и другой поп, и пошли оба они вместе в конюшню. Смотрят — кобыла и насрала. Стала кобыла попердывать, а они ей под хвост посматривать: и насрала она большущую кучу, чуть-чуть не выше себя. Взяли попы по лопаточке и стали говно рыть. Рыли-рыли, копали-копали — все денег нет; бросили лопатки и давай голыми руками говно копать да денег искать — нет ни единой полушки! Крепко рассердились попы на мужика. «Пойдем,— говорят,— мужика врозь разобьем! Зачем он, сукин сын, нас лошадью обманул!»

И пошли прямо к мужику на двор; а он давно изготовился: выкопал недалеко от своей избы яму, залез в нее, взял с собой жаровню да большой железной прут, а поверху наслал досок да наказал жене землей набросать. Увидала жена, что попы идут, и принялась плакать; на всю улицу воет да причитывает: «Ах ты, мой голубчик, на кого ж ты меня покинул?»—«О чем, баба, плачешь?»— спрашивают попы. «Ох, батюшки! Как мне не плакать? Мой мужинек помер».—«Туда и дорога ему, мошеннику! Покажи-ка, где его, сукина сына, схоронили, мы хоть на могилу ему насерем!»

Баба указала им то место, где мужик спрятался. Вот один поп подбежал поскорей, снял портки, сел над ямою и давай срать; а мужик как жиганет его оттуда раскаленным прутом да прямо в жопу. Поп ахнул, вскочил и глядит, точно белены объелся. «Что ж так скоро?»— спрашивает его другой поп.—

«Неохота что-то срать!»—«Ну нет, брат! Я наворочу такую кучу, что решетом не покроешь». Спустил портки и сел срать; мужик опять как пырнет в жопу своим жигалом, так поп на всю деревню заголосил. «Чего кричишь, батька?»— спрашивает баба. — «Да вишь какой плут! Небось еще не эдак крикнешь!— говорит поп.— Ишь, мошенник, умер, а все кусается!»

Подобрали тут попы портки да бежать; целую неделю из дому не выходили, все сраки лечили. Как вылечились да узнали, какую шутку сшутил с ними мужик, вздумали: чем бы ему отплатить? Думали-думали, ничего не придумали. «Давай,— говорят,— хоть украдем у него улей с медом».

А мужик подслушал ихния речи, пришел на пасеку, выбрал пустой улей и засел там. Вот ночью пришли попы воровать. «Возьмем какой потяжеле; в том меду больше»,— говорит один поп. «И то правда!»— отвечает другой. Стали выбирать и выбрали тот самой, в котором мужик засел. Подняли улей и понесли;

мужик сидел-сидел да как крикнет: «Держи их, лови их!» Попы испугались погони, бросили улей и драла; пробежали с полверсты и попрятались в кустах. Тем временем мужик насрал в улье, вылез оттуда и ушел домой. Попы видят, что погони нету, кругом тихо, напустили на себя смелости, воротились назад к тому месту, где бросили улей, и говорят: «Давай-ка мед пробовать!»

Вот один открыл улей, ткнул туда пальцем да в рот, попробовал и ну отплевываться: «Тьфу!» «Экой ты!— говорит другой.— Ешь эдакое добро, да еще плеваться стал! Дай-ка я покушаю».

Запустил в улей всю пятерню, зацепил побольше и прямо в рот! «Что-то кисло! Никак, говно?»— «Да оно и есть!»

ДУРАК И ПОПАДЬЯ

В одной деревне жил-был крестьянин со старухой; у них было два сына: умной и дурак. Умной ходил на охоту, стрелял птиц да ловил зверей сетями. Вот и дурак задумал себе охотиться; сделал петлю и расставил у самой клети. Старуха пошла было в клеть, попала в петлю и удавилась. Дурак увидал и кричит во всю дурацкую глотку: «Зверя поймал! Зверя поймал!»

Пришел умной, глянул — так и ахнул. «Что ты, дурень, наделал? Вить это наша матушка!» С дурака нечего взять, погоревали отец с сыном и похоронили старуху. Прошло девять дён — говорит старик дураку: «Ступай, позови попа на поминки, чтобы с попадьею шел и поповичей тащил». Приходит дурак к попу и зовет одного попа: «Приходи, батюшка, на поминки, только попадьи да поповичей с собой не бери!» Приехал один поп, без жены и детей. «Что ж ты, батька, один?»—«Так дурак наказывал».—«Ах ты, олух царя небесного!— закричал умной брат.— Ступай скорей за матушкой попадьей, проси ее с детками».

Дурак сходил, позвал одну попадью; про детей позабыл. Напустились опять на него и старик и брат: «Ступай, поповичей привези. Дурак взял борону, посажал поповичей жопами на острые зубы, и, пока дотащил до дому, они все померли. Попадья выбежала навстречу и завыла: «Ах ты, такой-сякой! Что ты над моими детками учинил?»—«Привез на поминки».—«Да как привез-то? Ведь они все мертвые!»—«А кто им велел помирать?» Присудили дурака закопать живого в землю. «Постойте,— говорит дурак,— я сам себе могилу вырою, сам в нее и лягу; тогда делайте со мной что хотите, хоть на могиле насерите!»

Поп с попадьей на то согласились; дурак вырыл на кладбище могилу, влез в нее, а сверху упросил брата заложить досками да затрусить землею. «Что, зарыли дурака?»— спрашивает попадья. «Зарыли».—«Ну, теперь пойду насеру ему на могилу!»

Пришла на могилу и только подняла платье да присела на карачках, дурак как жиганет ее шестом и попал в самой пиздюк. Батюшки светы! Что тут с попадьей сталося: вскочила, закричала как полоумная да бежать, бежать!..

СОЛДАТСКОЙ РАССКАЗ

Один солдат отслужил Богу и великому государю двадцать пять лет в армейском полку; вышел в чистую и пошел на родину. Пришел, и никого из родных в живых не застал; только и родни осталось — какая-то баба, тетка не тетка, на седьмой воде кисель! Ну да что разбирать; за неимением попа и пономарь служит, а худая стоянка все лучше хорошаго похода.

Поплакал солдат об родителях и остался жить с тою бабою. Свыкся с этим житьем и вздумал: «Отслужил я Богу и великому государю двадцать пять лет, все холостым был, добра не видал — дай хоть на старости попробую женатую жизнь, авось посчастливится! А ежели и не задастся — что за беда? Жене билет в зубы, а сам — в сторону. Да' что толковать; ведь наше дело собачье: посовал-посовал да и пошел, словно не твое дело! А есть захочет — так сама достанет!.. А да во что гнедая не хлыснет, дай рискну: попытка не шутка, а спрос не беда!»

И ну просить старуху: «Тетушка, сосватай мне невесту, не все же холостому жить. Сама рассуди; пятьдесят лет с хвостиком пропостился; всяко случалось: бывало, другой раз и схватит за живое, да на царской службе не то, что дома; побоишься да и всунешь его, сердешнаго, в снег, чтобы *поостыл.* А то, пожалуй,— как раз на судьбу наткнешься да часы с кукушкою и подцепишь!»—«Ах, родимой ты мой! Что давно не сказал, давно бы женила. У нас девки-красавицы, хоть куды, что твои ярославки! Только передком немножко некрепки — уж на этом не взыщи: у нас такое поветрие!.. Ну да, может быть, твоя доля — святая будет!»—«Эх, тетка! Мое дело уж немолодое; я, пожалуй, и в горшке не найду дороги».

Старухи на что на дельное — никуда не годны, а на сватовство так разуважат, скорее скорохода обработают. Не прошло и недели — невеста на ладони, и хорошая, и толстая, куда ни поверни — так разлюли! Наш солдат честным пирком да за свадебку. Женился, погуляли как следует; и повел он свою молодую в клеть. Разделись и легли.

«А что,— спрашивает ее солдат,— я думаю, вам больно будет? Вы уж, пожалуста, не громко кричите!»—«Ах,— говорит молодая,— я бы рада, да, пожалуй, не вытерплю, коли станете вы во весь хуй меня пялить!»

«Ладно!»— думает солдат. И начал иуду в ад сажать. Как же удивился, когда всунул его туда совсем с яйцами, а молодая лежит и не слышит. От судьбы, значит, как от фельдфебеля, не уйдешь!

«Вот видите, милая! Как я легонько засунул, вы и не слыхали!»—«Да разве вы всунули?»—«Еще бы! Даже так просторно, что вошел туда с яйцами!» Вот молодая и ну: «Ох, больно! Ох, больно! Ради Бога оставьте, больно!»—«Что ты, милая, когда кричать вздумала! Я уж с полчаса тебя накачиваю — а ты только расчухала!»

Слез солдат с жены и думает: «Вон она, судьба-то, и в губернии в том же ходит, в чем в Питере. Пришлось на старости гриб съесть. Да вить и то сказать: не квасцами же смазывать, да при том дыру вершка в три ширины и пластырь не залепит! К моей-то смело пихай в пизду кушак и шапку да еще сена охапку; хоть кирасир — и тот проскочит! Ох уж эта мне судьба! Нигде от нее не отстанешь: бывало, на службе в рыло раза три съездят. Что делать, терпи, говорят, верно, судьба твоя такая! Вот и женился — и тут судьба. Да когда ж ты, проклятая, отвяжешься?» Прожил солдат с женою недели с две и видит, что с его веретеном плохо в квашню лазить, и говорит: «Жена, а жена! Знаешь ли, какое мне горе приключилось».—«Что такое?»—«У меня мыши яйца с хуем отгрызли». Та как взвоет: «Ах ты, старой черт! Мошенник эдакой! Что ты со мной сделал? Зачем женился?»—«Да помилуй, жена, да он хотя и при мне был, все ничего для твоей дыры не значил». —«Все-таки, бывало, хоть дела и не сделаешь, да пощекочешь маленько — ан и легче! Не хочу с тобой, плутом, жить!» И уехала от него в иной город.

Остался солдат один, без жены. Да недолго нарадовался. Попостил-попостил, да и вспомнил про жену: «Эхма! Бывало, болтался в жениной квашне да дивился ея ширине; а теперь пришлось сеном петуха кормить — поневоле поперек в горле станет!»

НЕСМЕЯНА-ЦАРЕВНА

За тридевять земель, в тридесятом царстве, не в нашем государстве служил Богу и государю солдат; прослужил двадцать пять лет и только и добра выслужил, что три сухаря. Вот отпустили его в чистую отставку; взял он три сухаря, собрался в дорогу и стал прощаться с товарищами. «Ступай с Богом,— говорят они,— тебе легко идти, нет никакой ноши!»

Вот солдат шел-шел, захотелось ему отдохнуть. «Семка остановлюсь да съем один сухарик». Только уселся на дороге да развязал узелок — вдруг прилетел жук и говорит человеческим голосом: «Слушай, солдат. Ты служил двадцать пять лет да выслужил три сухаря. Дай мне один, я тебе сам пригожусь!» Солдат подумал и отдал ему сухарь; осталось у него только два. «Ну, видно, теперь попо-стить придется; оставлю эти сухари на завтра, а то с голоду пропадешь!»

Завязал узелок и пошел в путь-дорогу. Шел-шел, да от голоду не уйдешь; все что-то на брюхе пусто. «Э, куды ни шло — съем!»— думает солдат. Сел на землю, достал сухарь и только хотел было начинать свой обед — вдруг подбежала мышь и говорит человеческим голосом: «Слушай, солдат! Ты служил двадцать пять лет да выслужил три сухаря — дай мне один; я тебе сама пригожусь!»

Подумал-подумал солдат и отдал ей сухарь; а сам потащился с пустым брюхом дальше. Шел-шел, а есть еще пуще хочется. Увидал в стороне озеро. «Дай,— думает,— размочу последний сухарь в воде да скушаю».

Подошел к озеру и начал размачивать свой последний сухарь; вдруг ползет к нему рак и говорит человеческим голосом: «Слушай, солдат! Ты служил двадцать пять лет да выслужил три сухаря — дай мне один; я тебе сам пригожусь!»

Подумал-подумал солдат и отдал; остался сам ни при чем. Пошел дальше; крепко отощал не евши, бока ему подвело; еле добрался до столичного города. В том городе жил царь, у царя была дочь Несмеяна-царевна, сроду никогда не улыбалась и не смеялась. Царь велел кричать: «Кто рассмешит царевну, за того ее замуж отдаст да еще половиной царства пожалует».

Много находилось охотников ее сватать, да никто рассмешить не сумел. Вот наш солдат идет по большой улице около самого дворца, а навстречу ему старой товарищ — тоже солдат, с которым он прежде в одном полку служил. «Здраствуй, брат!»— «Здорово!»—«Ты? Я думал, что тебя давно в живых нет; три булки собакам скормил, чтоб тебя поминали!»—«Нет, брат!

Живехонек, в чистую вышел».— «Ой ли! Ну, пойдем же по старой памяти в кабак да выпьем на радостях!»

Повел его в кабак; спросил целой штоф водки, выпили-закусили и так нарезались, что любо-дорого! Товарищ-то домой побрел, а нашего-то солдата так разлимонило, что, как вышел на улицу — и на ногах стоять не может, так и повалился в грязь, да прямехонько супротив царского дворца, и заснул словно мертвой. А царевна сидит у окна да смотрит. Вдруг откуда ни взялись: жук, мышь да рак, ползают, суетятся около солдата: надо, говорят, горю пособить, хоть шинель ему просушить. Стащили с солдата шинель и заставили рака на клешнях распялить ее да на солнышке просушивать. Мышь стала воду в раковине таскать' да солдату голову обмывать; а жук принялся сапоги ему чистить.

Царевна смотрит да так и заливается со смеху; велела слугам прибрать солдата с улицы да к себе представить. Слуги принесли его и положили во дворце на кровать.

Вот как солдат проспался, глядит — кругом его такое богатство, какое только в сказках бывает. «Ну,— думает,— беда моя! Как я сюда попал?» А царевна говорит: «Не бойся, служивой! Здесь тебя такое счастье ждет, какого и не придумаешь!»—«Эх, как бы кто да поднес мне стаканчик водки, вот бы счастье было!» Царевна тотчас подала ему опохмелиться; после призвала царя и говорит: «Государь-батюшка! Этот солдат меня рассмешил! Окромя его ни за кого не пойду замуж!»

Царю больно не понравилось, что рассмешил ее солдат, а ему хотелось выдать ее за царевича. И стал придумывать, как бы не сдержать своего слова царского. Призвал царевича и солдата, накормил славным ужином и говорит: «Нынешнюю ночь ложитесь оба спать с царевною на одной постели; кого из вас обнимет она ночью, за того и замуж отдам!»

А ужин у царя был на диво: всего вдоволь. Солдат с голодухи так наелся, что только брюхо не трещит! Наелся-напился да еще полны карманы набил разными заедками да конфетами.

Вот пошли царевич с солдатом в спальню к Несмеяне-царевне и улеглись все трое на одной постели. Пришло время — царевна уснула крепким сном, а солдат и царевич с боку на бок ворочаются. Приспичило солдату высраться. Хоть пальцем затыкай, да то беда: два в жопу не лезут, а один запихнуть — слабко. Говорит он царевичу: «Как тебе, царевич, а мне до ветру хочется!»—«И я, брат, крепко хочу; только не знаю, куда выйтить? Везде заперто».—«Да пусть себе заперто! Я пойду, сяду на окошко да и высерусь».—«И я то же сделаю!»

Встали оба с постели и пошли срать: солдат влез на одно окно, царевич на другое. Солдат спустил свои портки, подставил

свою фуражку и наворотил ее полную, еще с верхом будет. Потом потихоньку

отворил форточку и выбросил фуражку на двор. После того повынимал из карманов конфеты да заедки и положил в окне в кучку. А царевич так-таки и насрал на подоконник и навалил чертову гибель! Воротились и легли на постель к царевне. Немного погодя говорит солдат: «Эх, царевич! Вить мы худо сделали!»—«Чем худо?»—«Да вот чем: завтра увидят на окнах говно, прямо на нас и подумают; царь нас совсем за это дело засудит!»— «Что же нам делать?»—«Ты как знаешь, так и делай с своим говном, а я свое пойду съем».— «Съешь, пожалуста, и мое! Я тебе за это заплачу, сколько сам захочешь!»—«Ну, нет! Будет с меня и своего говна!..»

Вскочил солдат, подошел к окну и давай уплетать конфеты с разными заедками. Царевич лежал-лежал; видит — дело не ладно: солдат свое говно поест, мое останется, завтра, пожалуй, под суд угодишь! Надо вставать. Встал с постели, подошел и начал свое говно уплетать: морщится, да кушает! «Что, скусно?»— спрашивает солдат.—«Эх, брат, какой уж в говне скус! Хоть не рад, да ешь». Поел царевич свое говно, весь перепачкался и усы замарал. «Ну,— говорит,— слава Богу! Хоть через силу, да управился!»

Лег царевич спать, лег и солдат. Вот ночью проснулась царевна, поворотилась было к королевичу — а от него такой вонью несет, что в нужнике лучше; повернулась от него на другой бок, обняла солдата и проспала с ним до света. Ранехонько поутру входит к ним царь, видит, что дочь обнимает солдата, и отложил решенье свое до другой ночи.

Прошел день, стало на дворе темнеть. «Ну, ладно, сукин сын солдат!— думает царевич.— Уж этую ночь ты меня не обманешь».

Приказал своему камердинеру, купить десятикопеечную редьку и подать лосиные штаны; редьку заколотил себе в жопу, потом натянул штаны и говорит сам себе: «Теперь не обсеруся! Хоть редька и выскочит, так лосиные штаны не пропустят».

Сели за ужин. Царевич ничего не ест, а солдат-то уплетает. Поел, сбегал перед сном в нужное место, облегчился и пришел в царевнину спальню. Завалились все трое на постель; ни много, ни мало прошло времени, царевич и царевна уснули, а солдат лежит и думает: «Ну, мать твою так! Нынешню ночь, верно, его не надуешь!» Вдруг откуда ни взялись, жук, мышь и рак; начали около королевича суетиться. Мышь жуку говорит: «Ну-тка, ты, парень, привычен в говне сидеть, полезай к королевичу в жопу, доставай оттуда говно, а мы с раком будем размазывать; надо нам

выручать солдата!»

Жук сунулся было в жопу — да на королевиче лосиновые штаны, никак не пролезешь! Тут принялась за работу мышь, подобралась и прогрызла в штанах дыру: «Ну, теперь полезай смело!» Жук сунулся в другой раз, не тут-то было — в жопе редька заколочена! «Нет, мышка! Никак не могу попасть, вишь, в жопе-то дверь заперта!»

Мышь подбежала к голове королевича и запустила ему в нос свой хвостик: давай счекотать кончиком. Царевич как чхнет да перднет вместе — редька из жопы и вылетела! Жук не стал долго думать, залез в жопу и ну вытаскивать оттуда говно, а рак с мышью берут да размазывают: разрисовали всего королевича, разрисовали всю ему рожу. Пошла вонь непомерная! «Ах ты, мерзавец эдакой! Насмешки надо мною смеешь, что ли?»— говорит, рассердившись, царевна. Повернулась к солдату, обняла его и проспала с ним так до свету.

Царь приходит поутру, видит — царевна спит, обнявшись с солдатом, и отложил свое решенье до третьей ночи. Царевич напустился на своего камердинера: «Что ты наделал, мошенник! Я тебе велел купить хорошую редьку, а ты черт знает какую принес! Да и штаны подал худые».

Побранил его и велел купить двадцатикопеечную редьку, а лосиные штаны подать новые. Камердинер исполнил приказ. Царевич стал совать редьку в жопу — не лезет! Вот он стал раком и велел камердинеру заколачивать покрепче. Тот взял колотушку и забил ее почитай всю. Надел царевич новые штаны и думает: «Врешь же, сукин сын солдат! Теперь я на себя надеюсь — меня обнимет царевна; небось не обсерусь!»

Ночью, как только уснул царевич, мышь тем же манером прогрызла ему штаны и пошла счекотать хвостиком в носу, а жук стоит у жопы — ждет своей очереди за работу приниматься. Царевич как чхнет да перднет — редька выскочила да прямо жуку в лоб: жук опрокинулся вверх ногами, лежит — чуть дышит! Подскочили рак да мышь: «Что делать, как быть? Без жука говна не добыть! Давай-ка вытащим его на двор, пусть его ветром освежит». Вытащили его на двор и воротились назад; рак запустил королевичу в жопу свою клешню и пошел говно выковыривать, а мышь размазывать: разукрасили королевича не хуже прежняго. Пошла вонь на всю комнату! «Ах ты, мерзавец,— закричала царевна,— ступай вон, подлец, с постели; ложись под кровать!»

Нечего делать, принужден был царевич слезть с постели; забился под кровать, лежит да думает: «Только бы убраться из этого царства подобру-поздорову, а то черт ее и с женитьбою!» А

Несмеяна-царевна обняла солдата и переспала с ним ночку.

Поутру вошел царь, узнал, что царевич все три ночи обсирался, и велел проводить его из своей земли с худым аттестатом, а солдату дал генеральской чин, обвенчал на своей дочери и позволил жить во дворце.

* * *

В некотором царстве-государстве был отставной солдат. Шел он как-то мимо гостиных рядов, увидал в лавках всякого добра навалено и начал говорить сам с собою: «Эхма! Голова-то у меня умна, да денег нету! Если б мне денег побольше, уж я б выкинул штуку! Не стал бы так торговать, как эти купцы торгуют».

Услыхали его похвальбу богатые купцы и говорят меж собой: «А что, братцы! Попробуем — дадим ему тысячу рублей да посмотрим, что он сделает?»—«Ну что ж! Сделаем складчину и дадим». Сейчас позвали солдата и спрашивают: «Слушай, солдат! Что же ты сделаешь с деньгами, коли мы подарим тебе тысячу?»—«Наперед подарите, так тогда и увидите».

Сделали купцы складчину: кто пять, кто десять рублей; собрали как раз тысячу и отдали солдату. «Куда теперь девать деньги?— думает солдат.— Пойду я по рынку посмотрю — не попадется ли что повыгоднее купить». Ходит по рынку и не знает, что бы такое купить; как в кармане-то было пусто, был в голове разум, а теперь словно сам не свой, просто глаза разбегаются!

Несет ему навстречу мужик клетку, а в клетке сидят мышь да жук. «Что, мужичок, продаешь?»— спрашивает солдат. «Разве не видишь: жука да мышь продаю».—«А сколько просишь?»—«Коли хочешь купить, давай тысячу рублей, дешевле не отдам».—«Что так дорого?»—«А дорого потому, что в придачу к ним даю дудочку: станешь в дудочку играть, станут мышь да жук плясать».

Заплатил солдат тысячу, взял клетку и дудочку и пошел в гостиный ряд. «Эй, служивой!— кричат купцы.— Покажи, что купил?»—«Вот смотрите: бабьи забавы купил, целую тысячу заплатил».

Сейчас выпустил из клетки жука с мышью и начал в дудочку играть. Он играет, а жук с мышью пляшут да такия хитрыя штуки выкидывают, что всяк, кто ни увидит, так и зальется смехом: умора, да и только! «Молодец, служба!— говорят купцы.— Будешь теперь с хлебом! Ступай наших жен повесели!» Пошел солдат по купеческим женам и собрал с них много-много денег. С той поры, с того времени начал он по городам ходить да людей веселить. Случилось ему зайти в один столичной город. А в том городе жил-был царь с царицею, у них была дочь — прекрасная царевна, и жила эта царевна в великой любви с одним генералом. Сколько ни сваталось за нее разных чужестранных королей и королевичей,

царей и царевичей — ни за одного не хочет выйти замуж. «Пускай,— говорит отцу,— тот будем моим женихом, кто рассмешит меня».

Короли, королевичи, цари и царевичи и разные принцы пробовали смешить царевну — не тут-то было. Никак не могут рассмешить ее: такая завсегда она печальная, даже не улыбнется никогда!

Прошла об этом молва по всему царству. Царь велел клич кликать: не возьмется ли кто вылечить царевну? Кто вылечит, отдаст ее тому в жены.

Солдат услыхал тот клич и пошел во дворец. Тотчас доложили царю, что пришел-де отставной солдат, бабьи забавы показывает, да людей веселит. «Можешь ли вылечить царевну?»— спрашивает царь. «Могу, ваше величество».—«Смотри же: коли вылечишь — отдам ее за тебя, хоть ты и простой солдат; а коли ты врешь — сквозь строй прогоню да в каторжную работу сошлю!»

Привели солдата в комнату к царевне. Он выпустил из клетки жука с мышью, начал в дудочку играть, стали жук да мышь плясать, хитрыя коленца выделывать да вприсядку откалывать! Как ни крепилась царевна, как ни перемогалась, не могла выдержать — так и покатилась со смеху. Царь не стал долго думать, перевенчал ее с солдатом. Сделал пир на весь мир. После призывает своего зятя и говорит: «Ну, зять мой любезный! Как ляжешь спать с моей дочерью, в нынешню же ночь слазь на нее беспременно и наутро доложи мне: целка она или давно проеблена? Ведь недаром же она замуж идти не хотела!»—«Слушаю, ваше царское величество! Все будет исполнено».

Дождались ночи и пошли спать. Солдат разделся, надрочил свой солдатской елдак и сбирается на царевну лезть, а та и слышать не хочет: «Нет, голубчик мой милый! Как хочешь, а в первую ночь я не согласна грех делать. Потерпи до другой ночи».

Сколько солдат ни возился, сколько около ней ни старался — не мог ничего сделать. Поутру король требует к себе зятя: «Ну что, слазил на жену, узнал глубину?»—«Виноват, ваше величество! Никак нет».—«Так и быть, на первой раз прощаю,— говорит царь,— только смотри не зевай, держи ухо востро!»

На другую ночь сбирается солдат жену поеть, а она ему: «Не трогай меня, миленькой! Хоть еще одну ночку пообожди». Умаслила его, упросила-умо-

лила. Наутро призывает его царь: «Что, зять мой любезной! Брал ли нынешню ночь крепость? Какова она — цела аль разбита?»—«Виноват, ваше величество, проспал всю ночь».—«Так

и быть, прощают еще раз! Только смотри, это тебе последняя ночь: не зевай! После хватишься, да поздно будет!»

Наступила и третья ночь. Лег солдат с царевною и думает: «Ну, теперь, голубушка, как ни проси — не смилуюсь, а проберу тебя попросту, по-солдатски».

Надрочил свой елдак и стал у царевны сиськи пощупывать да подол заворачивать. «Ах, миленькой!— говорит царевна.— Не трогай меня еще единую ночку; у меня такой завет положен, чтоб первый три ночи не иметь с своим мужем греха; пред святою иконою в том побожилась, право слово — не лгу!»—«Пусть будет по-твоему!»— подумал солдат и не стал ее трогать. Наутро призывает его царь: «Ну, любезной мой зять! Какой скус в моей дочери? Попробовал целку?»—«Виноват, ваше величество, опять проспал!» Царь крепко рассердился на своего зятя. Призвал стражу и велел взять его да посадить в каземат: пускай-де сгниет в крепости, коли не сумел справиться с девкой!»

Стража тотчас схватила солдата, и посадили его, горемычного, в каземат под строгой караул.

Сидит он там месяц, и другой, и третий. Вот говорит царевна отцу: «Любезный батюшка! Осталась я ни вдова, ни мужня жена. Позвольте мне в другой раз замуж идти».—«А кто возьмет тебя после солдата? По-моему: кто первой тебя посватает, тот тебе и муж!» Царевна обрадовалась и сказала своему полюбовнику генералу, чтобы смело шел ее сватать — отказу не будет!»

Генерал посватался, и в тот же день обвенчали его на царевне.

Дошла эта весть до солдата. Горько ему стало, и вспомнил он: «Эх, где-то мои бабьи забавы теперь?» Только вымолвил, жук с мышью сейчас к нему явились и спрашивают: «Что тебе надобно?» Солдат рассказал им свое горе и стал просить: «Нельзя ли как досадить тому генералу? Коли мне не досталась царевна, пускай никто не владеет ею!»—«Не тужи, хозяин! Все будет сделано»,— отвечал жук.

Вот как стемнело, пошел генерал с царевною спать. За свадебным столом он так наелся-на-пился, что как лег — так и захрапел во всю мочь. Жук с мышью пробрались в спальню, влезли на кровать. Жук тотчас пристроился, залез к генералу в жопу и давай оттудова говно таскать да мыши подавать, а мышь принялась размазывать генеральскую рожу.

Обработали дело и ушли по своим местам. Ночью проснулась царевна, хватилась генерала, хотела его поцеловать да так-таки на говно и ткнулась. Слышит: вонь великая! И вскричала: «Няньки и мамки! Несите скорее огня!» Няньки и мамки подали огонь; глянула царевна — генерал весь в говне. «Что это с тобой

сделалось?»—«И сам,— говорит,— не знаю: допрежде того никогда не бывало!» Пока генерал обмывался да переодевался, совсем рассвело — не удалось ему и позудить царевны.

На другую ночь случилось то же самое; разгневалась царевна на генерала, говорит ему: «С тобой, мерзавец, спать совсем нельзя! Коли еще усерешь-ся — пойду да отцу расскажу!» Что делать генералу? Стал совет держать с своим камердинером. Тот ему и присоветовал: ты де на ночь ничего не ешь да напяль на себя двое штанов суконных да одни кожаные, а жопу заткни луковицей. Генерал так и сделал. Легли спать. Ночью мышь прогрызла ему штаны; жук туда-сюда — не найдет дыры; на ту пору генерал как перднет — луковица вылетела да в жука. Жук лежал, лежал, ногами дрыгал-дрыгал, насилу выправился и натаскал говна столько, что ну! «Мышь! Ты штукатурь!» Мышь всего генерала, и кровать, и всю комнату умазала. Пошли духи по всему дворцу. Царь проснулся: «Какой запах!»

Пошел посмотреть, откуда несет, и прямо пришел к царевне в спальню. «Эй, няньки, мамки! Подайте огню!» Няньки-мамки прибежали с огнем. «Что это у вас за вонь такая?»— закричал на них царь. «Помилуйте, ваше величество!— отвечают мамки с няньками.— Уж это не первая ночь. С того самого времени, как женился генерал на царевне, просто спокою не знаем — всякую ночь он обси-рается! От солдата, бывало, ничего худаго не слышно, а от этого так и разит!» На этот шум пробудилась царевна и принесла отцу жалобу. «Что это,— говорит,— за муж! Это — засеря!»

Царь в ту ж минуту приказал выпустить из темницы солдата, а на его место посадить генерала.

Положили солдата с царевною ночь досыпать. Тут уж солдат не стал разговаривать, запустил царевне свой солдатский хуй, пробрал ее как следует и узнал, что царевна давным-давно проёбана!

* * *

В некотором царстве, в некотором государстве жил король с королевой. Была у них дочь — прекрасная королевна, тихая да смирная; никто не видал, чтоб она когда рассмеялась. Стало время приближаться — пора царевну замуж выдавать. Говорит она отцу с матерью: «Ни за кого не пойду замуж, окромя за того, кто рассмешит меня!»

Вот хорошо. Король объявил по всему своему государству, чтобы съезжались к нему: князья да бояре, купцы и посадские и всякие простые люди — лишь бы крещеные были — смешить его дочь. Кто рассмешит, за того выдаст замуж королевну, а за нею выделит половину королевства. Со всех сторон стали съезжаться

во дворец князья и бояре, купцы и посадские и всякие простые люди. Только ни один не мог рассмешить ее своими шутками и разговорами; так все со стыдом по домам и разъехались.

В том самом королевстве жил-был в одной деревне мужик; у него было три сына: два умных, а третий дурак. Умные ходили на охоту да занимались хозяйством, а дурак завсегда лежал на печи да перетирал золою муде. «Что ты все на печи лежишь?— стали говорить ему братья.— Хоть бы в лес пошел да грибов набрал!»—«Пожалуй!»— отвечает дурак. «Да знаешь ли ты, дурак, какие грибы бывают?»—«Покажите, так буду знать!»— «Есть нам когда с тобой, дураком, возиться! Ты смотри: который гриб белой, а корешок толстой — тот и бери».—«А сколь толст? Будет с мой хуй али нет?» Умные братья засмеялись и ушли на охоту, а дурак слез с печки и побрел в лес. Ходит по лесу да хуй в руках держит. Как увидит где гриб, сейчас сличит с хуем: толст ли корешок? И набрал полну котомку мухоморов. Воротился домой. <<На,— говорит,— матушка! В лесу столько хуев растет, что и за год не перетаскаешь!» Взобрался опять на печь и ну перетирать муде золою.

Вот король объявил в другой раз, чтобы шли всякие люди смешить королевну. Умные братья собрались ехать в королевский город, а дурак туда ж просится: «Возьмите и меня с собой, братцы!»— «Куда тебе, дураку! Через тебя и нас повесят!» Только как ни отговаривались, не могли от него отговориться. Пошел дурак вслед за братьями. Шли они, шли, валяется на дороге деревянной гвоздь от бочки. «Вот находка так находка!»— говорит дурак. Поднял и взял с собою. «Экой дурень! Всякую дрянь берет, что только на глаза попадется»,— говорят братья.

Опять пошли дальше: шли-шли, идет навстречу баба, несет голубя. «Продай, бабушка!»— говорит дурак. «Купи!»—«На что тебе?»— спрашивают у дурака братья. «Авось пригодится!»— отвечает дурак. Купил голубя и запрятал в карман.

Вот пришли наконец во дворец и стали ожидать, когда выйдет королевна. Долго ждали. Захотелось дураку срать, а куда до ветру сходить — не знает; он снял с себя шапку, наворотил ее полную; стоит и держит под мышкою. Тут выступила королевна, и принялись все шутить: уж каких смехов, каких штук не было!— все не берет: хоть бы нарочно улыбнулась королевна!

Дошел черед до дурака. Он глянул на нее и говорит: «Здрастуй, холодная пизда!»—«А почем ты знаешь? Может, у меня пизда-то горячая!»— «А коли горячая, вот тебе голубь, ошпарь его да изготовь на обед!»—«Боюсь, улетит! У меня ведь две дыры: одна спереди, а другая сзади».—«Это не беда! Вот тебе гвоздь, заткни дыру в жопе».— «Экой невежа! К твоей шутке только говна

недостает!»—«Неправда, вот и говно!»— сказал дурак и выбросил свою шапку.

Все кругом засмеялись, засмеялась и прекрасная королевна. Тут взяли дурака, обмыли, обрили, причесали и на королевне обвенчали.

В одном городе был-жил дворянин по прозванию Голой. Не было у него ни кола ни двора; только и был один слуга Ванька — и за лакея, и за кучера, и за повара — за все отвечал — да одна лядащая кобыла. Раз Голой барин был в трактире и вычитал в газетах, что в некоем королевстве есть у короля дочь — такая красавица, какой нигде не найти, и что король отдаст ее за того замуж, кто ее сумеет рассмешить. Многие иностранные королевичи и принцы пробовали смешить королевну, только все понапрасну. Рассказал про то барин Ваньке, а Ванька побежал сейчас в лавку, стянул новую рогожу, сшил из нее сертук да брюки и говорит: «Одевайся поскорей, барин, в новую одежу, поедем добывать королевну. Добудем — и станем жить припеваючи, а не в эдакой нищете да бедности».— «Что тебе это вздумалось?— отвечает барин.— Лучше, брат, нам дома сидеть, чем ездить по чужим сторонам да людей смешить».

Ванька так пристал, что никак не отговориться. Вот запрягли кобылу и поехали. Едут они путем-дорогою, увидали, огонь горит — в огне змея лежит. Ванька ухватил барскую шпагу и выкинул змею из поломя вон.

Едут дальше Увидали, поле пшеницей засеяно, а в той пшенице ходит корова. Ванька ухватил кнут и выгнал оттуда корову. Приехали во дворец. Доложились королю, что приехали смешить его дочь — прекрасную королевну. Король спрашивает Голого барина- «И взаправду можешь ты рассмешить мою дочь?»—«Могу, ваше королевское величество» — «Смотри же. Если рассмешишь — отдам ее за тебя замуж, а если не рассмешишь — с плеч голова долой!» Тут призвал король своих верных слуг и приказал отвести гостям комнату возле той самой спаль-

ни, в которой спит-почивает Несмеяна-королевна. Вот вечером пришла королевна в спальню и закричала: «Эй вы, няньки и мамки!» Тотчас явились и няньки и мамки: «Что угодно вашему высочеству?»—«Стелите мне постель». Мамки и няньки принесли перины пуховые. А барин Голой услышал то и сам закричал: «Эй, Ванька!»—«Чего извольте, сударь?»—«Постели-ка, брат, постель».

Ванька побежал на кухню, набрал около печки целую вязанку

дров, притащил — разложил по полу: «Готово, сударь! Извольте ложиться». Королевна разделась и легла на пуховых перинах, а Голой барин лег на дровах. Прошло немного времени, королевна повернулась на другую сторону и закричала: «Няньки и мамки! Посмотрите, что-то жмет меня под бок!» Няньки и мамки посмотрели и говорят: «Это, ваше высочество, лебединое перо через гусиное перелегло». Голой барин услыхал и себе тож: «Эй, Ванька! Посмотри поскорей, что-то в жопу меня колет». Ванька посмотрел и говорит: «Это, сударь, березовое полено перевалило через осиновое, оттого и колет!»

Немного погодя королевна опять перернулась и уронила с руки кольцо. «Эй, няньки и мамки!»— «Что угодно вашему высочеству!»—«Посмотрите, что я на пол уронила?» — «Золотое колечко с руки».—«Ну возьмите его себе!»

Голой барин все слушает да придумывает: тут он понадулся да как перднет на всю комнату. «Эй, Ванька!»—«Чего извольте, сударь!»—«Поищи, братец! Я обронил что-то». Ванька начал по полу ползать да искать. «Что, нашел?»—«Никак нет, сударь: около носа вьется, а в руки не дается».— «Поищи хорошенько! А найдешь, возьми себе на орехи».

Королевна услыхала эти речи, не могла утерпеть и рассмеялась. «Ну, королевна!— говорит барин.— Ты теперь рассмеялась, не отопрись завтра!»—«Не бойся,— отвечает она,— я своему слову госпожа».

Наутро собрались все к королю. Стал он спрашивать свою дочь: «Правду ли говорит Голой дворянин, что ты, любезная дочь, рассмеялась ночью?»— «Правда, государь-батюшка! Только идти за него замуж я не согласна».—«Отчего так?»—«Оттого, что он невежа, не умеет держать себя по-учтивому. Прошлую ночь перднул на всю горницу». Тогда *бояре* и *сенаторы стали говорить ей: «Это, ваше* королевское высочество, ничего не значит! Ведь он для вас же старался: коли и перднул — так все для того, чтоб вас рассмешить».—«Ну, если он такой хитрой,— сказала королевна,— пусть загадает мне такую загадку, которой бы не сумела я разгадать. Тогда и пойду за него замуж». Весь совет согласился. Голой барин говорит: «Ехал я путем-дорогою, смотрю, на дороге зло, а в том зле опять-таки зло. Ванька мой соскочил с повозки да зло из зла злом и выкинул. Потом поехал я дальше. Вижу: не так далеко от дороги стоит добро, а в том добре опять-таки добро. Ванька мой соскочил с повозки и добро из добра добром и выгнал! Вот тебе, королевна, загадка. Разгадай-ка!» Королевна стала просить обождать до утра. В то время она подумает, как и что отвечать. Вот воротилась она в свою комнату, думала-гадала — ничего не разгадала. «Как быть, чтоб себя не осрамить?»

Позвала *фрель-ню* и говорит ей: «Ступай поскорей к Ваньке и разузнай от него, как разгадать ту мудреную загадку. Всячески добивайся, ни за что не постой — только бы сказал, а уж после я тебя награжу большим имением»

Фрельня побежала к Ваньке, пристала к нему, как лист банной к жопе: скажи да скажи, что значит энта загадка? «Пожалуй,— говорит Ванька,— я скажу, сударыня, только согласитесь ли вы сами на то, о чем попрошу?»—«Соглашусь, проси смело».— «Ну так разденьтесь донага, я на вашу красу посмотрю да разок-другой вас махну — тогда и дело сладится!» Фрельня сначала было и слушать не захотела, да потом думает себе: куда ни шло! Королевна обещалась наградить имением, а пизда-то у меня не купленная! Разделась догола. Ванька полюбовался на ея белое тело да положил на кровать. Отзудил и стал кричать: «Ай, сударь, сударь! Ко мне ведьма пришла!» Барин ухватил плетку, выскочил из своей горницы и давай пороть ее по спине. Фрельня видит, что беда пришла,— подавай Бог ноги, и убежала голая. Так Несмеяна-королевна и не разгадала загадок, а не разгадавши, принуждена была выдти замуж за *Голого барина.*

Вот таким-то случаем сделался бедной дворянин королевичем. И Ваньку произвел он в чины и сделал первым при себе человеком.

НАБИТОЙ ДУРАК

...Идет дурак по деревне, а мужик свинью палит. Он схватил ушат с водой и давай огонь заливать. Мужик осерчал да в шею его, да в шею. Пришел дурак и плачет. «Что ты плачешь, дитятко?»— спрашивает мать. «Так и так, мама, мужик прибил». —«Ах ты, глупой! Ты бы сказал ему: дай Бог тебе этим кусочком на светлый день разговеться! Он бы и то тебе дал свининки». —«Хорошо, вперед так скажу».

Идет дурак по деревне и глядь: поп сидит под забором да серет Подошел к нему и говорит: «Дай Бог тебе, батюшка, этим кусочком на светлой день разговеться». Поп встал, подвязал портки и наплевал дураку в глаза.

ХУЙ-СОЛОВЕЙ

В некотором царстве, не в нашем государстве был-жил молодец, и дал ему Господь Бог большой талан: хуй соловьем свистал! Вот однова забрался он в государев сад, сел в кусты и вынул из порток свой кляп. Сам-то он сидит — добра выжидает, а хуй его на весь сад соловьем заливается, так и присвистывает и прищелкивает!

А у ихняго царя была дочь-царевна — такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Заслушалась она соловьиного пения и думает себе: «Знать, в нашем саду соловейко гнездо себе свил; дай подойду поближе да погляжу». Подходит она, а в кустах доброй молодец сидит да в руках хуй держит. «Здравствуй, царевна!»— «Здравствуй, молодец! Что ты в руках держишь?»— «Это дорогая заморская птица — соловьем поет».— «А ну пусть запоет!» Хуй опять начал прищелкивать и присвистывать. Царевна заслушалась того пения пуще всякой музыки — век бы слушала! «Ах, доброй молодец!— говорит она.— Продай мне своею заморскую птичку».—«Она у меня не продажная, а заветная!»—«А сколько завет?»—«Дай покормить ее за три раза семечком с твоего белого тела, иначе она не станет!»—«Да как же это?»—«Дело простое, царевна! Ты ложись на траву, заголи свой подол, а я посыплю семечком промеж ног у тебя — как раз вот на твоем брюхе да и покормлю ее».

Царевна думала-думала и согласилась. Легла на траву, задрала подол, а доброй молодец посыпал ей на брюхо, да поближе к пизде, разных семечков и давай кормить свою птицу: клевал-клевал да как шаркнет его прямо в дыру. «Ах!— закричала царевна.— Ведь такого уговора не было: зачем туда свою птичку пустил?»—«Да семячко само туда скатилось; запало, не пропадать же ему даром, хоть и трудно, а доставать надобно...»

На другой день хуй опять в саду высвистывает. Приходит царевна. «Ну,— говорит,— покорми свою птичку в другой раз». —«Ладно, царевна! Ложись». Она легла на траву. Он давай хуй кормить, да все хуем около самой пизды водит. Невтерпеж пришлось царевне — сильно разохотилась. «Ах, доброй молодец! Кажись, опять зерно в дыру скатилось».—«Нет,— говорит,— все целы».—«Ну хоть все целы, а ты все-таки на дне поищи, может, вчерашнее найдется».— «Что дашь? Поищу».—«Что хочешь бери!»—«Только сто рублей». Царевна заплатила ему сто рублей; он взял и принялся опять искать вчерашнее зер-нушко. С того времени, что ни день и ночь, царевна так и норовит, что в сад погулять да послушать соловьиного пения. Как ни много, ни мало

прошло времени — вздулось у ней брюхо. «Отчего так?»— спрашивают ее царь с царицею. «Ах, государь батюшка с государыней матушкой! Ведь вы моего счастья не ведаете; здесь у меня соловей гнездо свил». Делать нечего, выдали ее замуж за того доброго молодца, что Господь таланом наградил. Не родись ни пригож, ни богат, а родись таланлив!

СОВА-ВИСТУХА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатой купец, имел много и золота, и серебра, всякого добра. Вот один раз сидит он у окош-

ка и думает: «Желал бы я знать, чего у меня нету? Дом мой что полная чаша, всего вдоволь. Кажись, только того и нет у меня, чего и на белом свете никогда не водилось!»

В это самое время ехал мимо его двора мужик с возом, а на возу было накладено много мешков с мукою. Зацепил как-то мужик телегою за что-то и опрокинул воз. Бегает, суетится, мешки подымает и говорит: «Ах, мать твою так! Вот экая беда — так беда!»

Купец услыхал это слово и думает: «Что такое за *беда?* Ведь у меня в доме нету беды. Как бы мне добыть ее?» Тотчас выбежал на улицу и прямо к мужику: «Скажи, братец, где у тебя беда?» Мужик, не будь промах, усмехнулся и отвечает: «Да в этом мешке сидит!»—«Пожалуста, продай мне ее; у меня дом что полная чаша, всего вдоволь, только беды и нету».—«Изволь, купи!»—«А что она стоит?»— «Да сто рублев». Купец вынул сто рублев, заплатил и говорит мужику: «А ну, развяжи мешок, дай посмотрю, что за беда такая?»—«Эх, купец! Что развязывать? Еще, пожалуй, улетит!»—«Ничего, развязывай!»

Стал мужик мешок развязывать, а купец нагнулся к нему и глаза вытаращил. Мужик тем временем захватил полну горсть муки да в глаза ему — так и засыпал! «Ну вот! Ведь я сказывал, что улетит. Так и есть — совсем улетела!» Купец протер свои очи и спрашивает: «А в какую сторону она полетела?»—«Да вон к энтому лесу».—«Послушай, мужичок! Я сейчас велю заложить пару лошадей в повозку, а ты оставь свой воз пока здесь, да поедем-ка со мной в лес... Помоги мне беду разыскать! Я тебе еще сотню рублей пожалую».—«Хорошо, господин купец! Только повремени маленько, пока свою кладь на место свезу».

На том и порешили. Мужик свез свою муку куда следовало, пришел к купцу, и поехали они вместе в лес. Долго они блудили по лесу, все беду искали. Наконец подходят к одному высокому-вы-сокому дереву, а на том дереве на самой верхушке сидит сова да глазами хлопает; хоть хлопает, да днем ничего не видит! Говорит купцу мужик: «Вон видишь, куда залетела — на самую верхушку забралась!»—«Что ж теперь делать?»—«Известно что; полезай на дерево, подкрадься тихохонько и хватай ее. Только

наперед сними *с* себя всю лишнюю одёжу, а то дерево-то суковатое; неровен час — где за сучок зацепишься да шуму наделаешь... Беда услышит, дале улетит!»

Купец снял с себя кафтан, шапку и сапоги и полез на дерево беду добывать. Тогда мужик забрал всю купеческую одежду и повозку с лошадьми, и укатил куда надобно. Купец взобрался на самую верхушку дерева и поймал сову. «Ну, слава Богу,— думает,— теперь у меня славная штука в дому будет!» Спустился наземь, глядь — нет ни мужика, ни повозки, ни лошадей, одежа и та пропала. Туда-сюда кинулся — нет, ничего не найдешь! «Ах, подлец! Мать твою разъедак!» Вот это беда, так взаправду беда! Пришлось купцу ворочаться домой и пешком, и босиком, и без шапки, и без кафтана; а на его несчастье, нашли тучи и полил проливной дождь. Дело к ночи; купец идет' да идет, сову под мышкой держит, а дождь его как из ведра поливает; до костей промочил. Долго ли тут с дороги сбиться? Забрел купец — куда и сам не знает. Крепко он уморился. Вдруг видит он: вдали огонек светится. «Дай на огонь пойду».

Шел-шел и дошел до какой-то деревушки. Остановился у одной избы под окошком. «Попрошусь,— думает,— не пустят ли ночь переночевать». Глядь, а в избе сидит молодуха, такая красивая, а возле нее дьячок увивается. Вишь, муж-то ее в извоз поехал. «Что ж,— говорит дьячок,— пора бы и ужинать да спать ложиться. Да ты, свет, что приготовила?»— спрашивает. «Да в печи гусь жареной, а на полице штоф с водкой стоит». Дья-чок облизнулся: «Есть чем перекусить. А ну, как мы станем ужинать, а твой муж нагрянет?»—«Что ж, знай свои старые похоронки: полезай под печь!»

Купец выслушал все эти речи, постучался в окно и стал на ночлег проситься. Хозяйка отвечает: «Не пущу! Я одна дома, муж в извоз уехал».—«Ах, мать твою так!»

Пошел купец по другим избам — нигде не примают. Пришлось опять в поле ночевать. Вышел он за околицу, идет дорогою, а навстречу ему едет извозчик. «Куда идешь, доброй человек, в такую погоду?»—«Так и так, никто ночевать не пускает».—«Эх, братец, садись со мной, поедем ко мне; я сам по чужим сторонам езжу, сам нужду знаю».

Вот купец сел на телегу, и приезжают они как раз к тому самому дому, где молодуха с дьячком прохлаждается. Стал извозчик в ворота стучаться: «Отпирай, хозяйка!»—«Вот черт мужа принес!— говорит молодуха.— Не успели мы и гуся съесть».

Дьячок под печку забился, а хозяйка отворила ворота, впустила мужа с купцом, а сама охает, словно хворая. «Здорово, хозяюшка! Нет ли у нас чего поужинать?»—«Ох, головушку мою

всю разломило: целой день провалялась — еле с места могу тронуться! Кроме щей, ничего не готовила».—«Ну, давай щи!» Она налила миску пустых щей, поставила на стол и краюху хлеба положила. «Садись и ты, брат, ужинать!— говорит мужик своему гостю.—

А это что у тебя под мышкою?»—«Это птица-вис-туха! Кто что ни сделает, кто что ни вздумает — она все знает!»—«Ой ли!»—«Истинную правду говорю, да не только знает, и мне правду сказывает...»

Вот купец хлебнул ложку-другую щей — не скусны ему показались, перестал есть, взглянул на сову, а она знай глазами хлопает. «Да полно тебе!— говорит купец.— Ишь разболталась, не все сказывай, что ведаешь!»—«А что, земляк, она тебе сказывает?»— спрашивает хозяин. «Да все толкует, что на полице штоф вина стоит, а в печи гусь жареной».

Мужик бросился, притащил и гуся и водку, и стали они выпивать, да закусывать, да птицу похваливать. «Подь, хозяйка, выпей и ты стаканчик!»— говорит мужик. «Нет, не хочу. Мне и без водки горько на свет смотреть».—«Знаешь ли что, хозяин? Твою жену можно вылечить, мне про то висту-ха сказывает... У тебя в доме неблагополучно: под печкою злыдни завелись, оттого и молодуха твоя хворает. Хочешь, вылечу?»—«Вылечи, пожалуете!»— «А что дашь?»—«Ста рублев не пожалею».—«Ну, так нагрей поскорее два котла горячей воды, возьми суковатую палку и ступай в сени. Я стану выгонять отсюда злыдней, а ты, как побегут они в сени — приударь палкою их, да смотри, бей не жалея!»

Сказано — сделано. Взял купец котел кипятку, да как прыснет под печку — дьячок как выскочит оттудова ошпаренный да бежать сломя голову, а в сенях хозяин его палкой принял. Еле живой ушел! «Славная у тебя птица-вистуха!— говорит хозяин.— Продай мне ее».—«Продал бы, да ведь не купишь — она больно дорого стоит, потому ни в огне не сгорит, ни в воде не потонет. Разве только глаза ей засцать — ну тогда только пропадет!»— «А сколь дорого стоит?»—«Давай триста Рублев». Поторговались-поторговались, и продал купец мужику сову за две сотни; взял деньги и отправился домой.

Дня через три, через четыре поехал мужик куда-то по своим делам, а дьячок опять к молодухе в гости пришел. «Здравствуй! Черт бы твоего мужа побрал!»—«Да муж уехал».—«Онамедни так нагрел мне бока и спину, что до сих пор чешется!»—«Ох, беда наша! Ведь муж-то купил эту проклятую пти-цу-вистуху, вон в переднем углу сидит».—«А разве нельзя ее известь?»—«Да как

изведешь? Она ни в огне не горит, ни в воде не тонет, только тогда пропадет, коли ей в глаза насцать».—«Ну, это дело нехитрое, давай засцым ей в глаза сейчас»,— говорит дьячок. Тотчас дьячок спустил свои штаны, вынул своего дурака и начал, взял ее и давай прямо вот в глаза сцать. А сова хвать его лапою за хуй — так и завязила свои когти! «Ох, больно!» Хозяйка было ухватилась за нее птицу обеими руками, рванула, хочет оторвать ее — не тут-то было! Сова не пускает, видит, что сидит на хорошем месте, и не думает отпустить, только дальше когти запускает! «Ох, больно!— кричит дьячок благим матом.— Лучше не трожь ее, пожалуста, лучше пособи мне насцать ей в глаза — авось тогда бросит».

Хозяйка задрала сарафан и зачала сцать на сову, а птица хвать ее другой лапой за ее пизду, сгребла манду и держит крепко-накрепко. На ту *пору* приходит в избу поп молитву давать. «Батюшка,— возмолился дьячок,— сцы поскорей в глаза этой проклятой сове, а то совсем нас замучила!»

Поп положил свои книги на стол, вынул хуй и только принялся сцать, *а сова* ухватила и его за хуй своим носом. Стала она прижимать их покрепче, невмоготу им сделалось. Выбежали все втроем из избы на улицу и орут во все горло; а тут и мужик приехал. Как увидал он эдакое диво, тотчас схватил плеть и давай угощать то того, то другого, а они-то знай в разный стороны рвутся. И до тех пор колотил их мужик, пока совсем не разорвали совы на три мелкия части. Поп убежал — совиную голову на хую унес, а дьячок убежал — на его кляпе совиная лапка торчит, а на хозяйкиной манде все целое туловище повисло. «Ах ты, блядь разэда-кая!— говорит ей мужик.— Через тебя, беспутную, пропала моя вистуха ни за што ни про што! А ведь я за нее — шутка ли?— две-то сотни отдал».

* * *

Был солдат Григорий, вышел в чистую отставку, а есть нечего, идет да говорит: «Ох, горе мое горе!» Услыхал то купеческий сын и просит: «Покажи мне горе. Я никогда не видывал».—«Ну, пойдем». Вот купеческий сын и пошел; подходят к широкой реке, а на той реке как раз на средине большой камень торчит. Говорит солдат Григорий: «Вон видишь на реке лежит горе — камень, плыви к нему и смотри себе вдоволь».

Купеческий сын разделся, поплыл по реке, смотрит: как есть камень — больше нет ничего; вернулся назад — ни солдата, ни одёжи. Остался купеческий сын совсем голой. «Вот оно горе-то!— вымолвил он.— Чем теперь я прикрою свое грешное тело?»

Спрятался в камыши, выждал вечера и пустился в ближнее село да в первую избу — благо никого нет, а двери растворены, и

марш под печку! Лежит себе. Вот маленько погодя приходит хозяйка с попом: «Ах, батюшка! Ведь нам с тобой гулять долго нельзя; того и смотри, муж нагрянет!»—«Ничего, свет, авось не скоро воротится!» Стали пить, есть, прохлаждаться. На тот грех мужик приехал. Поп тотчас — под печь. Мужик входит в избу, а на столе водка и закуска. Принялся пить, гулять, да спьяну песни петь. А баба — нет-нет, сама не выпьет, а все попу под печь подает. «Что ты, никак, водку пьешь?— говорит купеческий сын. — Дайка мне».—«Нет, свет! Я и сам люблю».—«А не дашь, сейчас закричу!»—«Ну да пей, только молчи!» Вот подпил купеческий сын и говорит попу: «Батька! Давай песни петь».—«Что ты, что ты! Хозяин услышит».—«Да и мне что. Я сейчас затяну!»—«Не пой, пожалуста! Радимой, не губи меня!»—«Ну, снимай свою одежу да давай мне!» Поп разделся, а купеческий сын натянул на себя поповской тулуп, улучил время, вышел из-под печи и улизнул на улицу. Идет околицей, увидал сову на дереве, достал и воротился опять к тому ж мужику и просится ночевать. «Что у тебя за птица?»— «Это птица-ворожейка, все знает, всех чертей разгоняет — хочешь, и у тебя черта выгоню...»

СОЛДАТ И ЦАРЕВНА НЕОЦЕНЕННАЯ КРАСОТА

Жил-был русский король; собрал к себе всех министров, генералов и фельдмаршалов, усадил за стол и стал выспрашивать: где кто был и что видел в иных государствах? Стали ему гости сказывать, что в эдаком-де царстве есть царь-государь и у того царя есть дочь царевна Красота Неоцененная. Миллионы дают за то, чтобы только посмотреть на

ее красу. Только никто не добился, никому не удалось посмотреть на нее.

В то самое время стоял у дверей солдат на часах, услыхал эти речи и думает про себя: «Что за такая красавица, что миллионы за один посмотр дают, да и то не берут? Коли б у меня был миллион денег, я б не токма что посмотрел на нее, а наверняк взял бы ту царевну за себя замуж». Достал из кармана мел, да и написал свою думку на стенке. Наутро увидал король эту надпись и велел представить солдата перед свое лицо. Стоит солдат перед государем, словно собака перед куском тянется. «Послушай,— спрашивает король солдата,— ты написал мелом на стенке?»—«Я, ваше королевское величество!»— «И взаправду можешь ты на царевне жениться, коли тебе миллион дать?»—«Точно так, ваше величество!» Король приказал выдать ему пачпорт и миллион рублей.

Вот солдат и пошел в путь-дорогу. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ль приходит в то самое царство, где живет царевна Неоцененная Красота. Нанял себе квартиру и живет месяц, другой и третий. И узнает он, что царевна эта ходит по вечерам с одним фельдмаршалом в трактир гулять. Солдат, только вечер наступил, — марш в трактир. Пришел и потребовал на стол разных вин и заедков на 50 Рублев. Сидит себе да угощается. Пришло времячко царевне быть, стал трактирщик гнать солдата вон: «Ступай-де подобру-поздорову. Теперь у нас не до гостей — позже этого часа никого не пущаем!» Нечего делать, оставил солдат на столе все гоще-ние и отправился на квартиру.

На другой вечер опять приходит и опять требует напитков и заедков на 100 рублев. Не успел одной бутылки выпить, а его уж вон гонят! Солдат ушел, а на третий вечер опять в трактир и заказал себе вин всяких и закусок на полтораста рублев. Сидит себе да прохлаждается. Пришло время, стали его из трактира высылать. Солдат и говорит: «Ах, мать вашу так! За что ж я в третий раз плачу деньги даром? Разве мне и погулять по своей

охоте *нельзя*-то?»—« Эх, служивой! Сейчас приедет сюда царевна с фельдмаршалом, как же ты останешься?»— «А что, разве мои деньги хуже ихних? Пусть себе гуляют, я им не помешаю».

Спорили-спорили; не идет солдат, да и только. Приехала царевна; трактирщик бросился к ней с докладом: «Есть-де в трактире солдат чужестранной, высылаем вон, так не слушается!»—«Ну, пусть его остается; он нашего языка понять не может; а мне еще желательно посмотреть: каков таков русской солдат!»

Входит царевна с фельдмаршалом, начали пить, гулять, промеж себя разговаривать. А солдат был ловкой, на все языки мастер, знай попивает да слушает. «Что же, царевна Красота Неоцененная!— говорит фельдмаршал.— Три года мы с тобой дружбу ведем, а греха не знаем; ты все меня льстишь и манишь, а любовь сотворить отказываешь».— «Послушай, душа моя!— отвечает царевна.— Приходи ты завтрешнюю ночь к моему терему, стукни в стенку — я спущу кусок полотна и подниму тебя в горницу: так и быть — сотворим с тобой грех!»

После того они поцеловались и разъехались по своим домам; а солдат все это на ус замотал. На другой день дождался он ночи, прибежал к царевнину терему попрежде фельдмаршала и стук-стук в стенку. Царевна тотчас взяла кусок полотна и спустила в окно. Солдат ухватился за конец, а царевна втащила его в спаленку. Огня в горнице

нету, темно, не опознала она солдата, а подумала, что то любезной ей фельдмаршал. «Ну, душенька, раздевайся да ложись спать!»— говорит царевна. Солдат стал расстегивать свой мундир и оторвал нечаянно пуговицу; пуговица упала на пол и покатилась; начал он ее искать, а царевна спрашивает: «Что ты, милой, ищешь?»—«Да вот, ишь, уронил с пальца драгоценной перстень так».—«И, полно! Вот тебе мой именной перстень, скорее ложись на постель. Поутру найдется!»

Солдат взял ея именной перстень, лег с царевною на постель и начал ее откачивать по-солдатски, а не по-генеральски. Царевна лежит под ним да подхваливает. Только отработал ее и слышит — пришел фельдмаршал и стучится в стенку. «Послушай, душа!— говорит солдат царевне.— Кто-то стучится».—«Непременно это тот самой солдат, что вчера в трактире был; должно быть, он слышал наши разговоры... Дай-ка мы его угостим по-своему!»— «Хочешь ты до ветру?»—«Хочу!»—«Ты садись скорей да сери в урыльник». Царевна села и выс-ралась; потом и солдат наворотил целый полной урыльник, отворил окно, взял урыльник да бац —

прямо фельдмаршала по рылу: все глаза ему залил и одёжу запачкал. «Ай да царевна!— думает фельдмаршал.— *Славно* уподчивала. Видно, домой убираться!»

Ушел фельдмаршал, а потом и солдат спустился из окна и отправился на свою квартиру. Поутру проснулась царевна и заставляет свою девушку поискать на полу золотой перстень. Девушка искала-искала, перстеня не нашла, а подняла медную солдатскую пуговицу и показывает царевне. Как только увидала пуговицу царевна, тотчас опознала, что ночевал с нею солдат, и думает: «Кого теперь любить — фельдмаршала али солдата?» И раздума-

ла: лучше стану жить с русским солдатом, потому что он меня лихо отработал; еще удастся ли так фельдмаршалу — бог весть! И посылает она свою девушку к трактирщику: если приедет фельдмаршал гулять да станет за мною посылать — чтоб никто его не слушался; а если придет русской солдат да станет веселиться — в ту ж минуту дать мне знать.

Вот на другой день пришел солдат в трактир, спросил себе вино и закуску, сидит да вино попивает да закусывает. В ту ж минуту дали знать про то царевне. Она собралась и приехала в трактир; подходит к солдату и видит на его руке свой именной перстень: «Здравствуй, любезной мой кавалер!»—«Здравствуйте, ваше высочество!»—«Ну, русской солдат — молодец ты! Знал, как поступить со мною; теперь я вся твоя, согласна за тебя хоть замуж идти — только отец не захочет. Надобно нам ухитряться. Вот тебе пятьсот тысяч, выдай себя за богатаго иноземнаго купца и сватайся за меня; да проси в приданое двенадцать кораблей с драгоценными камнями, что три года как без вести пропали».

Солдат взял деньги, снял гостиницу, всюду разубрал ее так пышно, богато, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Всюду бархат да золото; нанял много прислужников: которые получали прежде 50 рублев, тем дает 100; которые 100, тем — двести; а товар свой в гостинице все продает дешево: где бутылка вина десять рублей стоит, а у него 5; где пять, а у него два с полтиною. Народ так и валит к нему, так и валит. Приехал и сам царь, дивуется: «Что бы такое значило? Непременно это не простой купец, а какой-нибудь иностранной принц». Слово за слово, полюбился ему солдат, просватал он за него дочь свою царевну Неоцененную Красоту и

чг

спрашивает жениха: «Что тебе в приданое дать?»— «Отдай двенадцать пропащих кораблей».—«Что тебе в них? Ведь они совсем сгибли!»—«Это уж мое дело».—«Ну, возьми!» Вот и женился солдат на царевне, а наутро глядь — все 12 кораблей

плывут в пристань. Хоть и жалко царю, а делать нечего — назад не воротишь.

Вот прожил солдат с неделю и вздумал посмотреть в свой пачпорт; глянул, а уж немного остается ему сроку — пора и к русскому царю на службу являться. Собрался с женою, сел на корабль и поплыл восвояси. Приехал в свое государство, в стольной город. Доложили про него царю. Велел царь представить его вместе с женой пред свои светлые очи. Ну, и представили. «Здорово, служба!»— говорит государь. «Здравия желаю, Ваше Величество!»— закричал во все горло солдат. А жена его смотрит да думает: «Знать, мой муж больше здешняго государя! Вишь, государь сказал ему тихо, ласково; а он так на него закричал, ажно мне страшно стало!»

После царь наградил солдата чином, и стал он жить себе с молодой жонкою, жить-не тужить, царю честно служить.

МУДРАЯ СТАРУХА

Жил-был царь с женою; только жена у него была эдакая ненаёба, еби ее беспременно разов по пятнадцати за ночь, а то с бела света сгонит! Невмочь, не в силу пришло мужу. Идет он по улице и с печали голову повесил. «Что так печален, батюшка?»— спрашивает его встречная старуха-нищая. «Ах, отвяжись, старая! Ты моему делу не посо-І бишь».—«Скажи твое горе, может, и пособлю». Муж рассказал, а она говорит: «Дай мне сто Рублев — помогу».—«Изволь!»—«Ну, сегодня вечером буду я идти мимо твоего двора, зазови меня».

Вот вечером сидят муж с женою у окна, а старуха идет по улице. «Ах, Боже мой!— говорит муж.— Ведь то наша старая премудрая бабушка идет, позвать ее да чаем поподчивать». Жена побежала ее звать: «Поди, бабушка!»

Старуха стала всходить по лестнице, да что ни ступит на ступеньку, то и перднет, что ни ступит — то и перднет! «Что ты, бабушка, все пердишь?»— «Ах, мать моя! Вишь, у меня муж такой был: кажную ночь разов по десяти да по пятнадцати на меня лазил и истер мне всю подъебальную косточку, оттого теперь еле на свете живу — все на пердеж позывает.

Жена как услыхала это, так и ахнула; с той поры больше единого разу не заставляла мужа еть себя за ночь.

ТРИ ПРАВДЫ

«Барин! Что дашь?— три правды скажу»,— говорит мужик. «Говори! Вот тебе десять рублей!»— «Не сери за ветром — вонять будет; не сцы против ветра — замочишься; не сказывай жене, у кого хуй велик — беду наживешь!»

Барин воротился домой, а сам так со смеху и помирает. «Что ты, душенька, смеешься?»— спрашивает жена. «Так, ничего! Вспомнил про мужика».—«Что же ты вспомнил?»—«Э, да ничего; сказал он мне три правды, только такия... ха, ха, ха!»—«Скажи и мне!»—«Ну, матушка, мало ли что мужики ни врут!»—«Скажи, пожалуста».—«Да говорить-то стыдно».—«Ну, расскажи, дружок!»

Пристала барыня; нечего делать, рассказал ей барин три мужицкия правды: «не сери за ветром — вонять будет; не сцы против ветра — замочишься; не говори жене — у кого хуй велик!»—«А разве, душенька, не у всех мужчин одинаковые?»—«Еще бы!»—«Неужли ж есть больше твоего?»—«Да вон у Фильки-повара такой, что моих три выкроет».

На другой день входит барин в спальню, а Филька-повар на барыне лежит. Правду сказал мужик: не говори жене, у кого хуй больше — беду наживешь!

БОЛЬШОЙ ХУЙ

Был на свете помещик — куда любопытной! Раз ехал он по дороге и повстречался с мужиком — везет на базар воз сена. Барин остановил его и спрашивает: «Что везешь?»—«Солому, ваше благородие!»—«Ах ты, сукин сын! Какая солома — это сено». —«А хуй ли же ты,— спрашивает мужик,— коли сам видишь!»—«Вот бестия! Разве ты никого не боишься, что так отвечать можешь?»—«Нет, барин, крепко боюся поповой собаки — никогда без палки мимо попова двора не хожу».—«Ах ты, подлец! Да как тебя зовут?»—«Меня зовут Гришка — Большой хуй; приедешь домой, не сказывай жене молодой».

С тем барин и поехал. Приезжает домой, садится обедать; вспомнил, что мужик ему сказал, и рассмеялся. А барыня ему и говорит: «Чего ты, душенька, эдак рассмеялся?»—«Так, про себя!»— «Нет, скажи, пожалуйста!» Знай пристает к нему; нечего делать, рассказал барин все, как было. Как услыхала барыня, так и покатилась со смеху, инда усцалась — любо ей стало!

На другой день барин на охоту, а барыня заказала блины поставить и послала за Гришкою — велела к себе позвать. Гришка — Большой хуй тотчас явился. «Здравствуй, барыня!»—«Здравствуй, Гриша! Садись блины кушать, только с тем уговором, чтобы есть блины, да в масло макать, а не капаться. Кто окапается — тому под испод ложиться!» Гришка видит, что дело-то подходящее, и отвечает: «Слушаю, сударыня!»

Вот он ест бережно, ни разу не капнул, а барыня так и поливает себя маслом — больно захотелось ей под испод попасть. Поели блины, барыня и сказывает: «Ну-ка, Гриша, дай я погляжу, не окапался ли ты?»—«Извольте, сударыня!» Она посмотрела: нет, нигде не видать. «А теперь давай, барыня, я тебя посмотрю». Смотрит, она не то что окапалась, почитай, совсем облилась. «Ну мне — так мне!— говорит барыня.— Пойдем на диван». Легла барыня на диван, а Гришка взобрался на нее да так засупонит ей, что инда заржала — очень хорошо показалось! Только он отьеб разок, а барин и воротился с охоты. Куда Гришке деваться? «Полезай под диван!»— кричит барыня. Он и подлез под диван.

Вот пришел барин и сел за стол обедать; а у них был маленькой сынок. «Смотри,— говорит,— батька! Ешь блины, да не капайся, а не то под испод попадешь. Гришка ел, не капался. Мама' ела да окапалась, так под Гришку попала, от страстей инда заржала!»—«А где Гришка?»—«Да вон под диваном лежит!»—«Ах, рассукин сын! Ты зачем сюда забрался?»—«Я ведь тебе, барин, сказывал: приедешь домой, не сказывай жене молодой; а ты не

послушался — на себя и пеняй!»—«Ступай к черту, мошенник ты эдакой!»—«Прощай, барин!»

САПОЖНИК И КУПЧИХА

Жил-был купец с купчихою богато, знатно; а к тому купцу ходил сапожник, завсегда на него работал. Раз как-то случилось им вместе до ветру пой-тить; стали сцать. Купец смотрит, а у сапожника-то хуй большущий да толстой! И говорит ему: «Эх, Тимофей! Какой у тебя кляп-то важной! Окромя сапожнаго мастерства, ты сможешь хуем кормиться».—«Что ты, господин купец! Как хуем кормиться?»—«А вот как: купи-ка ты фунт мыла, ступай на плот, мой там мудей да хуй разсправляй. Увидит какая-нибудь барыня али купчиха — тотчас разъярится — без денег не будешь!»—«Будто и взаправду!»—«Уж я те говорю, поверь моему честному слову!» Сапожник, не будь глуп, как выслушал эти речи, побежал на рынок, купил фунт мыла и пошел на плот. Приходит на плот, спустил портки, вынул свои хуй и давай мылить: важно набодрил — с пол-аршина будет!

А тем временем вышла у окна купчиха, все по сторонам глядела; увидала большой хуй — так и затряслась от радости, все глаза просмотрела! Только что надел сапожник портки да собрался домой идти, а купчиха и кричит ему: «Послушай, молодец! Зайди -ка к нам; у меня работа есть — надо башмаки заказать».

Сапожник пришел к купчихе. Она смотрит на него ласково: «Садись, любезной! Не хочешь ли чайку испить? Не поставить ли водочки?»—«Хорошо,— говорит,— и чай хорошо и водочка!» Она сейчас поставила самовар, налила целой стакан настойки: «Пей, голубчик!»

Выпил стакан, она другой наливает; выпил другой — она третий подносит. А потом и говорит: «Пойдем со мной на постелю!» Сапожник-то был не робкаго десятка. Взлез на купчиху и давай туда-сюда поталкивать; выеб ее, как выписал! «Спасибо тебе, друг!— благодарит купчиха, дает ему пригоршню денег и наказывает:— Приходи ко мне и завтра в гости в этот самой час. Я тебя ждать буду. Ах, да на тебе одёжа-то нехорошая! На, возьми-ка себе мужнину...»

И дала ему важную поддевку, новой суконной армяк, сапоги и шапку — всего как следует с ног до головы одела.

Вот идет сапожник городом молодец молодцом. И попадается ему навстречу тот самой купец, что научил его, как кляпом деньги зарабатывать. «А, здравствуй!»—«Здорово!»—«Ну, как твои дела?»—«Да вот, чай, сам видишь, поправляются! Как научил ты, так я и сделал. Зазвала меня купчиха — и чаем напоила, и водкою угостила, и денег дала, и на нее разок-другой слазил; а после

всего и говорит мне: твоя-де одёжа худа, надевай мужнину; так-таки заново и одела.

Купец вгляделся, *а* на сапожнике-то одёжа его собственная. «Что ж,— спрашивает,— ты еще к ней пойдешь?»—«Как же! Завтра наказала беспременно приходить ».

На другой день приходит сапожник к купчихе. Она его встретила с радостью, посадила и подносит ему настойки. Сапожник только что взялся за стакан, а купец на двор идет. Увидала его жена: куда полюбовника девать? «Полезай,— кричит, — под перину».

Муж пришел, поглядел-поглядел, поискал-поис-кал, так и не нашел и отправился опять в лавку. Тут сапожник вылез из-под перины, угостился и чайком и водочкой, слазил разок на купчиху и пошел домой.

Идет мимо купца, увидал его купец и спрашивает: «Что, был у купчихи?»—«Был, да чуть-чуть было в капкан не попал!»—«Как так?»—«Да вишь, на мое несчастье, муж было пожаловал; насилу успел под перину убраться; ну от как он; да зато после я свое наверстал. Только он из дому, я вылез из-под перины и чайку испил, и водочки хлебнул, и купчиху отработал».—«А завтра пойдешь?» — «Как же! Опять велела приходить».

Назавтра приходит сапожник к купчихе, только было расположился с ней на кровати — глядь, а муж опять идет. Что делать? Взяла его купчиха да в шкаф и убрала. Купец пришел, искал-искал, не мог найти и с тем и в лавку отправился. Сапожник вылез из затвора, погулял с купчихою, сделал с нею, что надобно, и опять идет мимо лавок. Купец увидал и спрашивает: «Что, был сегодня?»—«Был, братец! Да чуть-чуть не попался».—«А что?»—«Опять муж приходил!»—«Где ж ты спрятался?»—«Да в шкафу просидел».—«А завтра пойдешь?»—«Еще бы! Сама велела приходить».

На другой день сапожник приходит к купчихе. Она посадила его на лавку и давай угощать, давай его потчивать. Глянула в окно, а муж опять на двор катит. Куды сапожнику деваться? Взяла его посадила в узел да черным бельем и забросала всего. Муж искал-искал — нет никого!— ни в шкафу, ни под периною. Крепко осердился и зажег свой дом. «Хоть огнем сожгу все добро, а уж его, мошенника, доеду!»— думает про себя. «Ах, милой друг! Что ты делаешь?— говорит купчиха.— Давай хоть черное белье-то вытащим, а то все погорит — нечего и надеть будет!» Взвалили они узел в корыто; жена подняла под один конец, а муж под другой, и вытащили вон на улицу.

Дом сгорел, купец в лавку ушел, а купчиха развязала узел и выпустила сапожника. Пошли вместе в сарай и сделали свое дело.

Идет сапожник мимо лавок. Купец увидал его и глазам не верит: «Кажись, должен был сгореть, а он живехонек, как ни в чем не бывал».—«Али ты сегодня у купчихи не бывал?»—«Нет, был и свое дело справил, да чуть-чуть было опять не попался к мужу». —«Где ж ты спрятался?»—«Да в черном белье просидел, как осерчал купец. Сам купец меня в корыте и на улицу вынес...»—«Ну, брат! Ведь ты к моей жене ходишь. Вот тебе триста рублей, только сделай дружбу — не ходи к ней больше».— «Что ж ты давно не сказал! Я бы давно с тобой поладил!»

С той поры зажил сапожник без нужды, без горя; не работает, не трудится, а все у него есть, чего душа просит — точь-в-точь, как на море-океане, на острове Буяне: стоит столб точеной, на столбу бык печеный, в том быку торчит вилка да нож, приходи, режь да ешь, а в жопе банка с горчицею, макай в жопу да ешь!

РАБОТА ХУЕМ

Жил мужик, у него было три сына: два умных, третий — дурак. Когда отец состарелся, то призвал своих сыновей и стал говорить: «Дети мои милые! Было время, когда я был молод и силен, а вы были малы и неразумны; я вас воспитал и выкормил, а нынче же, чай, сами видите, я уже стар, не могу больше работать; и надеюсь на вас, что теперича вы меня прокормите». Отвечал старшой сын: «Я, батюшка, могу тебя кормить лопатою: что лопатою выработаю, то и домой принесу!» Второй говорит: «А я что

ножом добуду, то и домой предоставлю».—«А у меня, батюшка,— говорит дурак,— хуй оченно велик; что я хуем достану, то и домой приволоку». Отец выпучил на него глаза: «Ну, сынок! Видно, мне твоего хлеба не есть!»—«Отчего не есть?— отвечает дурак.— Разве сам не захочешь, а то небось лучше братьев заработаю».

Дождались они весны, и пошел старшой сын на заработки; взял лопату и пошел в дорогу. Шел-шел и забрел в такую сторону, где люди не ведали, как им хлеб веять: лопат у них не было, а бросали зерно горстью...

Вот приходит наш парень к одному мужику на гумно; большущий ворох лежит намолоченного перед ним хлеба, а он стоит около вороха, берет горстью да на ветер бросает; а сам, сердечной, так устал — индо вспотел. «Здравствуй, земляк!— говорит парень.— Дай-ка я тебе в полчаса весь этот ворох перевею».—«В полчаса?! А ну, брат, попробуй; я посмотрю на тебя, как ты это сделаешь?»

Парень начал лопатою подкидывать и в полчаса весь намолоченный хлеб перевеял. Мужик только смотрит да любуется; тотчас собрал всех своих соседей, глядят они на лопату да промеж себя толкуют: «Экая важная штука! Коли б он продал нам ее, тогда бы нам житье с нею: не стали бы горстями хлеб веять!» Стали они спрашивать:' «Послушай, паренек, продай нам этую штуку».—«Пожалуй, купите».—«А что возьмешь?»—«Да соберите со всего общества столько денег, чтобы можно было эту лопату всю кругом засыпать — больше мне ничего и не надобно!»

Мужики на то согласились, собрали деньги и осыпали кругом лопату, да так осыпали, что совсем ея не видно стало. И парень взял денежки и отправился домой. «Теперь,— думает,— есть с чем к отцу показаться».

Целой день шел, приустал к вечеру — надо ночевать где-нибудь. Видит — на дороге постоялой двор, стал на ночлег проситься. Выходит к нему молодая хозяйка и сказывает: «Пожалуй, доброй человек, ночуй, только с таким уговором, чтобы спать вместе со мной на одной кровати и чтобы так меня выеть, как мне понравится: а коли меня не удовольствуешь — все деньги от тебя отберу». Гость по-думал-подумал: «Невжли я с нею не соображусь? Кажись, моим струментом можно удовольствовать, а к тому ж теперь с голодухи всласть ее дойму!»

Парень согласился; хозяйка-молодуха дала ему поужинать и положила с собою спать. Начал он ее накачивать, всю ночь бедной провозился, промучился, а ей все мало — все недовольна; поутру отобрала у него деньги и выпроводила ни с чем. Воротился старшой сын домой, отец и спрашивает: «Ну что, сынок, много ль дал тебе Господь с твоею лопатою?»—«Эх, молчи, батюшка, с чем пошел, с тем и назад пришел: ничего не добыл». Говорит тогда другой сын: «Дай-ка, батюшка, теперь я пойду, не добуду ли чего своим ножом». Собрался, взял нож — ив дорогу.

Долго ли, коротко ли — пришел он в такую сторону, где люди ножей не знали, хуем говядину рубили; то он приходит в мясные ряды, увидал, что мясники рубят говядину своими хуями, и говорит им: «Что вы, купцы-торговцы! Али не ведаете, чем говядину добрые люди режут?»—«Нет, землячок, не ведаем!»—«А вот, коли вам угодно, у меня есть именно такая штука». Вынул нож, взял большой кус говядины и давай резать. «Ну, видите?»—«Видим, доброй человек! Хороша твоя штука! Продай нам ее». —«Пожалуй, купите».

Мясники стали с ним торговаться и купили нож за великия деньги: как было упустить такую славную вещь. «Она,— говорят, — завсегда пригодна; будем ее друг у друга брать да мясо крошить». Середний сын заграбастал денежки и пошел домой: «Есть-де с чем домой воротиться да отца обрадовать!»

И случилось ему проходить мимо того же самого постоялого двора; выпросился ночевать, а сам смотрит на хозяйку да облизывается. «Что,— говорит,— умница! Нельзя ли с тобой картошки покопать?»—«Отчего нельзя, только с уговором: коли меня не удовольствуешь за ночь — все деньги от тебя отберу».

Ну и этот просадил парень весь свой заработок; воротился домой, отец спрашивает: «Что, сынок, много ли заработал?»—«Как есть ничего; с чем из дому пошел, с тем и назад пришел». А дурак с печи отзывается: «Экие вы канальи! Сколько времени оба таскались, а денег не заработали; коли на вас надеяться, дак можно с голоду помереть. Да-ка я пойду, хуем заработаю!» Отец его не пущает: «Куда ты пойдешь? Разве людей

смешить? Сиди-ка лучше на печи да три жопой кирпичи». —«Небось, не прийду домой с пустыми руками! Авось что-нибудь и принесу». Встал с пёчки, оделся и ушел из дому.

Шел-шел и добрался к вечеру до постоялого двора. Стал проситься ночевать; хозяйка выходит и говорит: «Пожалуй, ночуй, только с таким уговором, чтобы спать вместе со мною на одной постели и всю ночь продолжать еблею и чтобы я тобой довольна была; а не удовольствуешь — все деньги от тебя отберу». —«Хорошо!»— отвечает дурак, а у него нет ни гроша. «Видно,— думает,— здесь мои братья положили свои заработки».

Хозяйка дала ему поужинать и легла с ним спать на печи. Дурак взлез на хозяйку, как засандалил ей свое правило — так она и рот разинула и глаза вылупила. Дурак *раз* сунул, а хозяйка с печи на шесток сползла, сунул в другой — она на пол поехала, сунул в третий — у дверей очутилась, сунул еще — в сени выпихнул, стал дальше посовывать — и она до ворот на спине доехала. Тут, сколько хозяйка ни крепилась, не могла стерпеть, стала проситься: «Пусти, батюшка! Пусти, голубчик! Не заеби мою душу грешную!» А дурак знай посовывает, на ей мольбы не соглашается; вытолкнул ее за улицу; видит: едут с возами извозчики, и закричал во все горло: «Послушайте, братцы! Накажите моему батьке, чтоб тулуп прислал; я на этой бабе совсем зазимую, так без тулупа будет холодно!»

Хозяйка услыхала, что дурак хочет на ней зимовать, и давай опять просить: «Сделай милость, отпусти живую! Что хочешь, то и бери с меня». Дурак говорит: «Отдай мне все свои деньги и все, что у братьев ты забрала,— тогда отпущу, а не то и сдохнешь подо мною!»

Хозяйка на все согласна; дурак слез с нее, забрал денежки и пошел домой. Приходит к отцу и отдает деньги: «Вот видишь, сколько я хуем заработал!» С той поры стал дурак кормить всю семью своим кляпом: где что заебет — то и есть.

* * *

Жил мужик да баба, у них было три сына: один — плотник, другой — печник, а третий — дурак. Отец сказал: «Нечего отдавать его в науку, только даром деньги пропадут! Пущай дома остается».

Так он без науки и остался; а старшие два брата хорошо подвыучились. Приходят они к отцу и говорят: «Ну, батюшка, теперь всю науку произошли!»—«Слава Богу, родимые! Теперь, любезные сыны, надо вам меня кормить».

И спрашивает отец старшого сына: «Ты чем меня надеешься прокормить?»—«Плотницкою работою».—«Ладно, сынок!» Спрашивает другого: «А ты, сынок, чем?»—«А я стану печи

складывать — тем тебя кормить буду».—«Хорошо и это! А ты, дурак, на что надеешься? Чем меня кормить будешь?»— «Хуем, батюшка!»

Отец обругал его и прогнал с глаз своих долой. Вот старшие братья, печник да плотник, пошли в дальние города деньги зарабатывать. А дурак взял поднял на плеча точило и побрел вслед за братьями. Пришли они в город; старшие два сняли подряд и заработали в лето по триста рублей.

Вот в один праздничной день пошли они гулять по городу. Идет старший брат мимо одного господского дома; увидала его барыня и посылает горничную девушку: «Ступай, позови ко мне этого мужика!» Девка выбежала и позвала: «Мужичок! Подь сюда, тебя барыня спрашивает». Мужик пришел; барыня его и спрашивает: «Послушай, мужичок! ты какой мастер?»—«Плотник, сударыня!»— «Говорят, плотники — народ дюжий; не можешь ли ты меня хорошенько утешить?»—«Отчего не утешить? Ложитесь, сударыня, на кровать».—«Ну, молодец! Если ты меня досыта утешишь, то я тебе даю триста рублей; а если не утешишь, то мне ты заплати триста рублей».

Уговорились на том и ударили по рукам; барыня легла на кровать и хвост задрала. Плотник ее жарил-жарил, сам сопрел и устал как собака, а ее не мог досыта удовольствовать; и от денег отказался — так и ушел вон без единой копейки.

На другой день идет мимо этого самого двора середний брат; барыня посылает горничную девушку: «Поди, призови его ко мне». Девка выбежала и кричит: «Эй, мужичок! Поди, тебя барыня требует!» Вот он пришел. «Ты какой мастер?»— спрашивает барыня. «Печник, сударыня!»—«Печники, говорят, народ ражий, сильный; не сможешь ли ты, голубчик, меня досыта утешить?»—«Отчего не утешить? Ложитесь, сударыня, на кровать».—«Нет, молодец! Давай наперед с тобой заложимся: если ты меня удовольствуешь — я тебе даю триста рублей, а если ты не удовольствуешь,— то ты давай мне триста рублей».

Вот они ударились об заклад, отдали деньги за руки; барыня легла на кровать, а печник стал ее зудить. Зудил-зудил, только, сколь долго с нею ни возился, не мог удовольствовать, отказался от своих денег и ушел домой без единой копейки.

На третий день приходит к барыне на двор дурак, поставила посередь двора точило, вынул свой хуй из порток и давай его точить. Барыня увидала в окно и посылает горничную: «Пойди, спроси, что этот мужик делает?» Горничная девушка выбежала и спрашивает дурака, что он делает. «А разве сама не видишь?— говорит дурак.— Хуй точу — еть хочу!» Девка пришла к барыне и молчит. «Ну, что мужик делает?»— спрашивает барыня. «Стыдно,

сударыня, сказывать!»—«Отчего стыдно? Сказывай, мерзавка!»—«Этот мужик, сударыня, хуй точит — еть хочет». —«Ну, зови его сюда поскорее!» Девушка позвала, дурак пришел в горницу: «Что вам угодно, сударыня?»—«А вот что, голубчик! Я вижу, ты мастер хорошей; не можешь ли ты меня досыта

утешить?»—«Отчего, сударыня, не утешить? Чего другого, а это могу!»—«Ну, молодец! Давай наперед с тобой заложимся об триста рублях».—«Нет, сударыня! Это маловато; коли биться об заклад, так о целой тысяче».—«Пожалуй! Я согласна, вынимай деньги и отдадим их горничной девушке за руки». А у дурака какия деньги? Нет ни полушки! «Зачем,— говорит,— отдавать за руки? Разве мы опосля не разделаемся по чистой совести?»—«Ну, пойдем на кровать!»—«Зачем, сударыня, на кровать? Мое дело мужицкое; пожалуй, лаптями всю постель замараю; давай лучше на полу».

Барыня легла на полу; дурак как запустил ей свой аршинной, как стал закорючивать, инда барыня усралась. «Пусти,— просит его,— пусти, батюшка, живую; бери себе не то тысячу рублей, бери целых три!»

Дурак взял с нея три тысячи и воротился к отцу-к матери с деньгами, а братья его ничего домой не принесли. «Чем заработал?»— спрашивает его старик. «Хуем, батюшка!»

В БАНЕ

Жил-был у попа батрак удалой; послал его батька поле боронить. А батрак-то охоч был по девкам ходить, всю ночь пробегал, так днем спать захотел; не стал работать, пустил лошадей по полю, а сам залег дрыхнуть. Вот уж и полдень; несет ему попадья обедать, а он все себе спит. «Ах ты, подлец, разбойник! Люди работают, а ты спишь себе без просыпа; не дам тебе за то и обеда, голодай до завтрева!»

Так и ушла. Видит батрак: дело-то плохо, обеда нет, в брюхе пусто, а тут, на беду, и лошади пропали; до самого вечера искал — так и не нашел! Боится бедняк домой показаться, а то спать холодно. «Дай,— думает,— пойду в поповой бане залягу на земле, пожалуй, еще здесь волки съедят!»

Пришел в баню и только было хотел раздеваться, послышал шум. Вот он поскорей под полок и спрятался: «Уж не домовой ли шутит!» Смотрит в щелку — а в баню поп идет да с собой девку ведет, а в руках закуску да штоф водки несет. Поставил водку с закуской на окошко, скинул рясу и говорит девке: «Ну, теперь, душенька, давай потычемся! Ложись-ка на скамью!»—«Нет, батька! Я не хочу лежа, давай лучше по-собачьи поебемся!»—«Да как?»—«А вот как: я стану раком, а ты подыми сарафан да валяй через сраку, а сам лай по-собачьи».

Поп тотчас полез на нее через жопу, а сам знай лает, так и заливается! Батрак не вытерпел, как крикнет: «Ах ты, пес проклятой!» И поп и девка всполохнулися да бежать; а батрак забрал водку и закуску да попову рясу, пошел в избу и стал у дверей. Поп сидит, словно несолоно хлебал, и говорит попадье: «Ступай, матка! Принеси пива!» Попадья бросилась в погреб, только нагнулась да вынула втулку, а батрак за ней, выбил втулку из рук — пиво полилось. Попадья заткнула бочку пальцем, а сама говорит батраку: «Ищи скорей да затыкай дыру!» Батрак вынул хуй да ее через жопу. «Не туда!»— кричит попадья. «А куда же?»—«Да вот где мой палец!»—«Ну, все равно! Где ни заткнуть — лишь бы заткнуть!» Поп ждет не ждется, прибежал сам в погреб, видит: батрак попадью ебет. «Ах ты, сукин сын! Что ты делаешь?»—«Не сердись, батька, я в бане был, твою одежу принес».—«Спасибо, друг, спасибо!»

Служил солдат Богу и государю 25 лет верою и правдою, отслужил свой срок и получил отставку; бывал он и в походах, и в сражениях, много принял и голоду, и холоду, и всяких трудов, а ничего не выслужил, кроме листа бумаги. Идет босой, без гроша в кармане, на родину. Никто его и ночевать к себе не пускает, а

дождь как из ведра — так и поливает. Дошел до господской деревни, увидал баню и забрался туда ночевать; смотрит — в бане стол стоит, на столе закуска наставлена и бутылка с вином приготовлена. Вот солдат долго не думал, все поел и выпил, потом взял на блюдо насрал, а в бутылку насцал и залег спать под полок.

Вот слышит он: пришла в баню барыня, разделась вся донага, сидит голая и говорит сама с собой: «Чтой-то он, долгогривой шалыган, так долго нейдет!» Немного погодя приходит к ней поп, толстой, жирной! Барыня напустилась на него: «Экой черт ты, длинноволосой! Вечно себя ожидать заставляешь!»—«Прости, милая! Нужда случилась: ездил больную причащать, насилу выбрался».—«Ну, раздевайся скорей да давай закусывать!» Поп снял с себя всю одежу дочиста; налил из бутылки, пьет и морщится: «Никак, вино-то прокисло! Дай вареньем закушу». Попробовал с блюда. «Фу!— говорит.— Да это говно!» Барыня попробовала: «В самом деле — говно! Видно, кто-то над нами подшутить вздумал!»—«Ах, душенька!■— говорит поп.— Всячески мы с тобою еблись: и в лежачку, и встоячку, и через жопу; а теперь попробуем сделать так, как солдаты на ученьи делают. Ты становись в этот угол, а я пойду на тебя на приступ!» Тотчас взял свой хуй в обе руки наперевес и пошел на барыню, а сам кричит: «Ура! Ура! За царя, за Русь святую!» Солдат, как услыхал это, выскочил из своего места и тоже давай себе кричать во все горло: «Ура! Ура!» Поп испугался да бежать; барыня — за ним, а солдат забрал всю их одежу: и салоп барынин, и попа одежу, и табакерку — все что только было, и ушел подобру-поздорову.

БАТРАК-МАРФУТКА

В некотором царстве, в некотором государстве был поп с попадьей, у него было три дочери-красавицы; а недалечко от них жила вдова, и у той вдовы был сын, парень еще молоденькой да такой из себя красивой: наряди в сарафан, всяк за девку приймет! Вот этот парень позарился на поповых дочерей и выдумал, как к ним подобраться. Нарядился в женское платье и пошел к попу в работницы наниматься. Поп видит, что девка-то пришла славная, пригожая, при случае и ебнуть можно, и рад нанять ее хоть втридорога. «Как тебя зовут, голубушка?»— спрашивает поп. —«Марфуткой, батюшка!»—«Ну, Марфутка, что же возьмешь в год за работу?—«Да что дадите; сами по моей работе увидите».

Поп тому и рад. Нанялась Марфутка и полюбилась и попадье, и поповым дочерям, а пуще всех попу: он без нее и куска не съест! Вот однова понадобилось попу на недолго в отъезд ехать, собрался он и наказывает жене и дочерям: «Смотрите, не покидайте Марфутки: она девка добрая! Будьте к ней ласковы, всем по гостинцу привезу!» Попадья и поповны обещались исполнить его волю. «Завсегда будем с нею,— говорят,— спать вместе!»

Поп уехал, а Марфутка с поповнами пошла в сад гулять. «Ах, барышни!— говорит Марфутка.— Давайте Богу молиться, чтобы послал нам какую-ни-

будь потеху».—«Какую потеху?»— спрашивает старшая сестра.—«Да вот у нас на деревне девушки завсегда молят, чтобы послал им Господь ту самую потеху, что у мужчин промеж ног висит».— «Ну давай и мы станем молиться».

Стали все на колени и давай бить поклоны; помолились усердно и говорят: «А ну, посмотрим, не дал ли кому Господь Бог?» Старшая поповна подняла подол — нет, ничего не висит; подняла серед-няя — и той нет; подняла меньшая — и этой Бог не дал. «Ну, покажи-ка ты, Марфутка!» Марфутка задрала хвост: «Ах, барышни! Вить у меня что-то выросло!»—«Экая ты, Марфутка, счастливая! Тебя сам Господь любит. А что, сладко ли тебе?»—«У! Как сладко!»—«Дай и нам!— пристают к ней поповны.— Ведь мы все Богу равно молились, так надо поделиться».—«Ну хорошо! Я стану давать вам по очереди».—«Да когда же?»— спрашивает старшая.—«Да, по мне, хоть сейчас; только, чур, никому не сказывать, а то, коли матушка узнает, пожалуй, себе отберет.

Ложись-ка, Наденька, на травку; так-то лучше баловать будет!» Наденька легла, а Марфутка и спрашивает: «Что ж теперь делать-то? А вот я возьму эту потеху да и стану совать в твою дырочку». —«Ах, нет, Марфутка! Я боюсь; вишь, твоя по-теха-то пошевеливается, словно живая: еще, пожалуй, укусит меня». —«Небось не укусит!»— говорит Марфутка и давай совать свой кляп куда надобно. «Ой, больно!— закричала поповна — Ведь я говорила, что кусать будет!»

А Марфутка знай попихивает; ну знамое дело: сначала поповна поохала, а там и подъебать стала да похваливать: «Ах, как сладко! Не в пример слаще меду!» Отработал старшую Наденьку, слез с нее, а она хоть сейчас опять за то же. «Поиграй,— говорит,— еще со мною!»—«Что ты, Надя! Какая жадная,— говорят ей сестры,— надо черед соблюдать: теперь мы хотим попробовать».—«Да,— говорит Марфутка,— надо вас поделить всех поровну: тебе раз, и Кате раз, и Насте раз, а потом опять до тебя дойдет».

На том и порешили. Отделала Марфутка и Катю, и Настю; а старшая поповна опять на потеху собирается лезть. «Будет!— говорит Марфутка.— Это добро надо приберегать, а то еще, пожалуй, совсем потеху испортишь, видишь, как потеха повисла, совсем измаялась!»

С той поры стала Марфутка поповых дочерей то и дело накачивать. Ни много, ни мало прошло времени, забеременели они, у всех трех пузо кверху так и поднялось! «Ах, доченьки,— говорит попадья,— ведь с вами недоброе деется; уж не ходит ли к вам какой мужчина?»—«Нет, маменька! Мы всегда с Марфуткою». «Ох уж эта Марфутка!— думает попадья.— Посмотреть — нет ли у нее между ногами припаса?»

Сейчас велела истопить баню и зовет с собой мыться и дочерей и Марфутку. Что делать? Вот Марфутка ухитрилася, сделала из дерева клещики: одним концом защемила кляп, а другой конец в жопу воткнул<а>. «Ладно,— говорит,— теперича не узнает». Пришли в баню, разделись и зачали мыться. Попадья смотрит: нет, ничего не приметно. «А ну, Марфутка, потри мне спину!» Марфутка стала тереть, а кляп-то у ней разгорелся, понатянул-ся, а клещики как выскочут из задницы да попадье по брюху. «Ах, мошенник, это ты моих дочерей обработал?!» Парень давай Бог ноги — так и ушел.

БЕДНОЙ ЖЕНИХ И БОГАТАЯ НЕВЕСТА

Был охотник бедной-бедной, и задумал он посвататься за дочь богатого мужика; мужик заартачился, а дочь начисто отказала: «Вот еще! Пойду я за эдакого голыша!» И стала она на всех вечеринках над ним насмехаться: сватался-де, в ногах валялся, да ни с чем остался! Взяло зло охотника. Раз шел он с ружьем задами и видит: невеста его сидит да серет. Он прицелился да прямо ей в жопу весь заряд так и всадил дробью. С неделю ходила она да почесывалась. Вот однова стала девка с усмешкою его спрашивать: «Что, добрый молодец, не женишься?» А он ей в ответ: «Не на ком! Разве ту взять, у которой в жопе дробь насыпана?» Тут все девки и парни стали над нею смеяться и прозвали ее дробовницею. Просто проходу ей не дают, хоть ложись да умирай. Нечего делать, послала гордая невеста сама за охотника свататься, а он тому и рад. Женился на ней и зажил себе счастливо, в довольстве и покое.

СОЛДАТ НА ПОПЕ, ПРИНЦ НА АРХИРЕЕ

В некотором царстве, в некотором государстве был-жил царь, у него была дочь-красавица; выдал ее замуж за чужестранного принца. Только царевна его не любила; а стоял у ее покоев на часах бравой солдат, собой молодец — видной, рослой, кровь с молоком! Полюбился он царевне, и свалялась она с ним.

Долго ли, коротко ли жили они едак; пришло время — надобно было принцу ехать на войну. Попрощался он с царем, взял его родительское благословение и выпросил у царя, чтобы отпустил с ним в поход этого самого солдата за денщика. «Как же нам с тобой проститься?»— спрашивает царевна солдата.—«А вот как: оденься ты в поповскую рясу да выходи на ту самую дорогу, по которой нам ехать. Там мы и попрощаемся!»

Сказано — сделано. Едет принц с солдатом, а на дороге стоит царевна в поповской одеже. «Ваше высочество,— говорит солдат, — этот мне пятиалтынной должен; остановитесь на минуточку, позвольте пойтить получить с него долг!»—«Ну, хорошо; ступай, братец!» Солдат выскочил из коляски, подбежал к царевне, повалил ее, поднял подрясник и давай валять через жопу. А принц смотрит, да только со смеху надрывается. Сделал солдат свое дело, воротился к принцу; тот его и спрашивает: «Что ты с попом сделал?»—«Да что, ваше высочество! Денег у него не было, взять нечего, так я его за долг в жопу уёб!»—«Что ж, вкусна поповская жопа?»— «Вкусна, ваше высочество, не в пример вкусней девичьей дыры».—«Да ты врешь!»—«Как перед Богом говорю!»Вот принц и забрал себе это в голову.

Ехали они, ехали, а навстречу катит архирей. Принц велел ему остановиться, вытащил из кареты и давай его в жопу зудить. Архирей кричит, а принц, знай, ебет. «Когда,— говорит,— солдат мог попа уеть, так мне тебя и Бог повелел!»

Архирей приехал к царю и стал жаловаться; царь тотчас послал за принцем: «Да как ты смел эдакой грех сотворить?»—«Да коли солдат попа уёб, так мне архирея можно!» Царь позвал солдата: «Ты зачем попа уёб?»—«Никак нет, ваше величество! Я царевну уёб, а не попа». Тут царь приказал

принца разжаловать в солдаты, а солдата сделал принцем и выдал за него свою дочь. Сказка вся!

ГЕНЕРАЛ И ГОРНИСТ

Жил-был генерал, у него была жена молодая, а сам-то он дюже стар; ну жена его и не любила, а свела знакомство с адъютантом. А у той генеральши была горничная, девка важная, и свалялась она с горнистом; как только ни генерала, ни генеральши нет дома, он тотчас к ней и прибежит.

Случилось в одно время, зашел к ней горнист с ученья, и труба при нем, пошли в генеральшину спальню, пооблись разок-другой; а тут вдруг слышут шум: сама генеральша приехала и адъютанта с собой ведет. «Куда мне теперь спрятаться?»— спрашивает горнист.—«Полезай под кровать!»

Он подлез под кровать. Потом пришла туда генеральша и разделась с своим любовником; адъютант снял с себя золотые часы и положил на стол. Стали они промеж себя забавляться. «Послушай, душенька!— говорит адъютант.— Стань-ка ты раком, а я буду на тебя идти, точь-в-точь как Варшаву мы брали».

Генеральша стала раком; адъютант спустил штаны, поднял рубаху, закричал «ура!» и пошел на приступ. Горнист выскочил из-под кровати и заиграл в трубу наступление... Генеральша в одни двери бежать, адъютант в другие! А горнист смотрит и думает: «Что б такое мне взять в завоеванном городе? Возьму-ка я часы — при нужде пригодятся!»

Взял часы и ушел. На другой день было назначено ученье; вышел на ученье и горнист; молодцом оделся и часы нацепил на себя и цепочку выпустил. Адъютант увидал свои часы, подошел к нему и спрашивает: «Послушай, братец! Откуда ты это взял?»—«А это, ваше благородие, помните, как мы с вами Варшаву брали — так *я* с бою взял».—«Ах, помню, помню, братец! Владей себе на здоровье!»

СОЛДАТ НАКОНЕЦ ЖЕНИТСЯ НА КУПЕЧЕСКОЙ ДОЧЕРИ

Был-жил король, долго воевал с неприятелем, наконец сделал замирение, воротился в столицу со своими храбрыми войсками и приказал расставить всех солдат по квартирам на роздых, чтоб всякому было и сытно и спокойно. И досталось одному солдату стоять на квартире у богатого первой гильдии купца; этот солдат был бравой, ловкой, сам король его знал и любил за верность. Приходит он в богатейший купеческий дом и думает: «Слава тебе, Господи! Вот когда поживу!»

Не тут-то было! Купец с купчихою были люди скупые, скаредные, сами они обедают, а солдат в кухне сидит да зубами щелкает. «Послушай, тетка!— говорит он кухарке.— Как бы мне чего поесть».—«Эх, служивой! Я тебе ничего дать не смею; ступай, проси у барыни». Пошел солдат к хозяйке, просит обедать. «Вот еще какия глупости!— отвечает она.— Ведь у тебя манерка есть?»—«Есть».— «И казенные сухари тебе государь отпущает?»—«Отпущает».—«Ну, набери в манерку воды да макай сухари — вот тебе и обед!»—«Ну, хороша квартира!— думает солдат.— Здесь с голоду околеешь».

Нечего делать, зачерпнул в манерку воды, размочил сухари и поел. Вечером хозяева садятся ужинать. «Ну, мне нечего дожидаться,— говорит сам себе солдат,— пора спать ложиться». «Ей, тетка! Дай мне постель».—«Постой, служивой!— отвечает кухарка.— Надо спросить у барыни». А купчиха велела сказать солдату: «Вот еще новости! Не на перине же его класть! Солдатское место на полу; ведь у него есть казенные штаны и мундир — пускай штаны под бока постелет, мундир в голова положит, а шинелью оденется».

Кухарка сказала эти речи солдату; нечего делать, снял он с себя мундир и штаны, изготовил постель, а сам стоит в одной сорочке; известно, какая у солдата сорочка — не слишком длинна, и струменту не закроешь! Смотрит он по сторонам, хочет Богу на сон помолиться, только в кухне нет ни единого образа.

«Ну, пойду-ка я в ту комнату, где хозяева ужинают; ведь за это, чай, ничего не будет, что на их образа Богу помолюсь».

Пришел и давай молиться, да так усердно, только елдак мотается; а как зачал поклоны бить, так и жопу видно! «Ах ты, подлец!— закричала на него купчиха.— Видишь, что здесь вся семья ужинает, тут и дочь наша — невеста сидит; а ты без порток пришел да эдакие мерзости показываешь! Завтра же на тебя

полковнику пожалуюсь».

«Ладно,— думает солдат,— я тебя допеку». Наутро хозяева чай пить, а он опять без порток пришел Богу молиться. Купчиха тотчас поскакала жаловаться к полковнику. Полковник послал за солдатом: «Как ты смел хозяев обеспокоить?» А солдат говорит: «Никакого беспокойства, ваше высокоблагородие, от меня не было; я только хотел Богу помолиться — не виноват я, коли у них в кухне и образа нету. А вот я терплю от них всякое горе: ни постели не дают, ни хлебом не кормят!» Полковник видит, что солдат прав, и отказал купчихе: «Как хотите, сударыня, а солдат не виноват!» Купчиха бросилась к самому королю с просьбою. Король, как узнал все дело, тотчас отдал приказ, чтобы этого солдата обвенчать на купеческой дочери; против королевского слова не пикнешь, принужден был купец с купчихою покориться, а купеческая дочь и сама тому рада; она сама своими глазами видела, что солдат-ской-то хуй больно велик, так от этого добра не отказываться стать!

НЕ ГОВОРИ ПОХАБНОГО!

В некотором государстве жил-был мужик да баба, у них было три сына, четвертая дочь. Дожил мужик до старых лет, заболел и ожидает себе скорую смерть. «Послушай, старик!— говорит старуха.— Ты бы призвал деток, дал бы им родительское благословение да наставил бы их на ум-разум, как им после тебя на свете жить».

Старик послушался, призывает своих детей, взял в руки образ и говорит старшему сыну: «Чем тебя благословить, любезной сынок?»— «Благослови меня, батюшка, плотничьей работою». —«Бог тебя благословит! Будь прилежен в работе, корми мать и сестру». Потом спрашивает середнего: «А тебя чем, сынок, благословить?»—«А меня, батюшка, благослови на портняжное мастерство».—«Бог тебя благослови на портняжное мастерство; смотри не ленись, корми мать и сестру». Спрашивает меньшего сына: «А тебя, сынок, чем благословить?» А мень-шой-то сын был дурак, думал-думал и брякнул сдуру: «А меня, батюшка, благослови хуем!»—«Ну,— говорит отец,— дуракам закон не писан! Проживешь ты и без моего благословения». Мать стоит да слезами обливается: «Видно, от этого сына мне не ждать добра!» В тот же день старик помер; на третий день его похоронили, а через полгода братья выдали сестру замуж и стали проживать отцовское имение. Мало-помалу, дошло до того дело, что скоро нечем кормиться будет. Говорит старуха старшему сыну: «Сынок! Тебя отец благословил плотничьим мастерством; ты бы пошел да хоть малую толику деньжонок заработал, а то ведь скоро есть будет нечего!»

Старший сын стал собираться в дорогу. Мать напекла ему лепешек и отпустила с Богом. Вот он целое лето ходил, выработал сто рублев и думает: «Слава Богу! На первой раз будет, можно теперь и домой идти». Пошел домой; случилось ему проходить через одно село, а время-то было позднее, да и устал он крепко. «Остановлюсь-ка здесь да переночую, а утром опять в путь тронусь с свежими силами».

Огляделся кругом — во всех избах темно, только в одной поповской и светится огонек. Постучался в окно и говорит: «Батюшка! Пустите от темной ночи укрыться».—«Пожалуй!— говорит поп.— Иди переночуй, только с тем уговором, свет: коли ты скажешь какое срамное слово, то с тебя сто рублев штрафу». —«Хорошо, батюшка!»—«А коли хорошо, так дай наперед расписку». Парень дал ему расписку. Вот сели они ужинать и ведут промеж себя разговоры, все хорошие.

Ау этого попа была жена да дочь. «Послушай, свет,— говорит поп,— я вижу, ты много по чужим сторонам хаживал, всего насмотрелся, всего наслушался; не знаешь ли ты, как бы вылечить смертельную рану?»—«Какую, батюшка?»—«А вот видишь — у меня дочка, недавно семнадцатой год от роду пошел, и от самого рождения открылась у ней рана неизлечимая — из той раны вода сочится!» Уж что мы ни делали, каких дохтуров ни призывали — никто не мог пособить. «А позвольте мне, батюшка, посмотреть на эту рану». Тотчас поп поставил свою дочку раком, заворотил ей подол и говорит мужику: «Смотри, свет, сюда!» Мужик пригнулся, посмотрел и говорит: «Послушай, батюшка! Вить это пизда!»—«Как же это, свет, ты эдакия слова говоришь? Ведь у нас с тобой уговор был: кто скажет срамное слово, с того сто рублев штрафу. Подавай-ка денежки!» Мужик туды-сюды, только как от попа отвязаться, ведь расписка у него в руках — принужден был отдать ему последние свои деньги и воротился домой с пустыми руками. «Здравствуй, сынок! Много ли домой принес?»—«Эх, матушка! Целое лето трудился, сто рублев заработал, да дорогой разбойники напали — все деньги обобрали, чуть сам живым остался». На другой день говорит старуха середне-му сыну: «Попробуй-ка, сынок, счастья, сходи на заработки, а то совсем есть нечего».

Целую осень ходил середний брат по чужим людям да шил им одёжу, заработал сто рублев. Стал ворочаться домой, попал к тому же попу и поплатился за свою простоту всем заработком. Вернулся к матери и говорит со слезами: «И были деньги, да нету! На дороге добрые люди ограбили!» А дурак лежит на печи и отзывается: «Экие вы разини! По сту рублев несли да домой ни кляпа не принесли! Небось дорогою все хвастали: «У нас-де казна!» А вы б, коли заработали не токма сто рублев, а хоть три рубля, тотчас бы завязали их в три узла да и спрятали за три гузна: целехонько б домой донесли! Ну, мамка, напеки мне лепешек! Те-

перь мой черед деньги зарабатывать».—«Куда тебе с говённым рылом в калашный ряд соваться!»

Наутро приехала к старухе замужняя дочь, сидят и толкуют. Дурак слез с печи и спрашивает: «Что же, матушка, напекла мне лепешек? Мне в дорогу пора».—«Какие, дурак, лепешки! Отстань, и без тебя тошно!»—«Какого ж ты хуя делала, коли ничего не приготовила?»—«Ах, братец!— говорит сестра.— Невжли ты не мог получше слова сказать матушке?» А дурак в ответ: «Сиди, пизду поджавши! Я ведь матушку не уеб словом-та!»

Схватил дурак ломоть хлеба и ушел из дому, ни с кем не простившись. Шел-шел, уж ночь на дворе, а он только до села

дошел; смотрит — во всех избах темно, только у попа огонек светится. Постучался в окно: «Хозяин! Пусти от темной ночи укрыться».—«Да ты кто?»—«Я — колесной мастер!»—«Ну, свет, ночуй у меня, только с таким уговором: кто из нас скажет срамное слово, с того сто рублев штрафу».—«Мало кладешь, батюшка! Клади триста!»—«Изволь, свет, я на это согласен».

Написали в том расписку и сели ужинать. Поп и говорит дураку: «Послушай, свет! Ты ходил по чужим сторонам, много видал — много слыхал. Не можешь ли ты у моей дочки рану вылечить? Уж сколько мы дохтуров ни призывали — ни один не помог!»—«Какая рана, батюшка?»—«Да вот, свет, какая: уж семнадцатой год, а все не затягивает, все из нея моча идет, а кругом шерсть растет!»—«Надо посмотреть!»

Поп поставил свою дочь раком, заворотил подол и говорит: «Смотри!» Дурак зашел с заду, пригнулся и сказывает: «Ах, батька! Ведь это дело можно поправить. Дай-ка кусочек мелу». Поп дал ему кусок мелу. Дурак взял, очертил кругом пизду и жопу и говорит: «Вот это будет колесо!» Стал чертить наискось: «А это будут спицы в колесе!» Всунул в пизду перст: «А это, батюшка, ступица, только мала; надо большим буравом провертеть. Да я человек мастеровой, у меня струмент наготове! Сейчас проверчу!» Вытащил из порток свой хуй и давай поповну буравить. «Что ты, мошенник, делаешь?»— кричит на него поп. «Чай, сам видишь: дыру верчу».—«Ах ты, сукин сын, подлец! Ведь ты мою дочь ебёшь!»—«Что ты, батька, говоришь? Ведь у нас уговор был: срамные слова не сказывать. Подавай-ка триста рублев!» Поп туды-сюды, нечего делать, заплатил дураку триста рублев. Дурак взял денежки, воротился домой и отдал старухе свой заработок. «Экой умной сынок! В одни сутки да триста рублев заработал, не то что старшие!»

ДВУХ ХВАТИЛ, А КОНЕЦ ВСЕ МОТАЕТСЯ

Жил-был поп с попадьей, у них было две дочери-невесты. Понадобился попу работник, и стал он искать такого, чтоб не знал ни одного похабного слова. Едет он дорогою, а навстречу ему молодец. «Куда идешь, молодец?»—«В работники наниматься».—«Наймись ко мне; что возьмешь?»—«Сто рублев в год».—«Больше дам, коли угодишь. Садись со мною». Сел парень, и поехали. «А много ли, молодец, ты знаешь?»— спрашивает поп. «Все знаю». Поп заворотил у своей кобылы хвост: «А это что?» Парень посмотрел: «Это пизда, батюшка!»—«Ну, брат! Проваливай, мне не нужно эдакого ругателя!»

Парень слез и думает: «Что за диво! Кажись, я ему сказал правду, а он осерчал. Дай забегу вперед да скажу теперь иначе». Забежал вперед и опять идет навстречу. «Куда, молодец, идешь?»—«В работники наниматься».—«А что просишь?»—«Двести рублев».—«Садись ко мне; я сам ищу батрака». Парень сел. «А много ль ты знаешь?»—«Да все ведаю!» Поп поднял у кобылы хвост: «А это что?»—«Да вишь, батюшка, ныня зимы лютыя, а лета жаркия; должно быть, или от жару треснуло, или от морозу лопнуло».—«Ну, свет, мне такого и надобно!»

Приезжает поп домой и сказывает жене: «Ну, мать, нашел батрака, и какой важной! Даже не знает, как пизду назвать; уж этот не скажет дочерям похабного слова!»—«Это хорошо!»— говорит попадья.

Выжил батрак у попа целой год; ни единого похабного слова от него не слыхали. Пришло к расчету. Получил он с попа деньги, вышел в сени, сел на ступеньке, разделил деньги на три части. «Одна часть,— говорит,— жене с детьми на хлеб, другая на оброк, ну а третью куды? Пойду да бабам проебу!» Попадья услыхала эти речи и говорит потихоньку попу: «Батька! Батрак-та расклал деньги на три кучи: эту, говорит, туды, эту — сюды, а третью пойду да бабам проебу».—«А мне что!— сказал поп.— Его деньги, куда хочет, туды и денет!»—«Не к тому речь, батька! Я вот что смекаю: ведь меня не убудет, коли я ему разок дам. Пускай поебет — по крайней мере, хоть третью часть назад воротим!»—«Правда твоя! Пускай поебет...»

Попадья выбежала в сени: «Работник! Ты что говорил?»—«Деньги считал».—«А третью часть куда девать хочешь?»—«Хочу бабам проеть».— «Так что же! Пожалуй, я тебе

дам».—«Как можно, матушка! Ведь поп увидит, того гляди, еще прибьет!»—«Ничего, работник! Он сам позволил».— «Ну, коли позволил, так поди же скажи ему, что я, пожалуй, еть тебя стану, только не здесь, а на дворе и чтоб поп под тобою лежал». Попадья сейчас к попу: «Так и так, батька! Иначе не соглашается, как на дворе и чтоб ты под испод лег».—«Ну,— думает поп,— куда ни шло! Лишь бы деньги получить».

Вот вышли все трое на двор, поп лег брюхом на солому, попадья на него спиной, а работник на попадью и давай ее обрабатывать. Поп лежал-лежал, у попа хуй встал — пробился сквозь солому и торчит прямо на двор. А поповны как только услыхали, что батрак будет попадью пилить, тотчас выбежали посмотреть, как это дело делается? Смотрят, а хуй сквозь поветь мотается. «Дунька! Глядь-ко,— кричит старшая поповна сестре своей,— вишь, какой у работника хуй большой: сквозь матушку прошел, сквозь батюшку прошел, сквозь поветь прошел, а конец все еще мотается!»—«И то мотается! Вить он матку -то замучает. Давай-ка, Машка, накалим поскорей кочергу да прижмем ему кляп-то!» Сейчас побежали в избу, накалили кочергу, вынесли во двор и приложили горячим концом к батькину хую. Поп, словно бес, завертелся и заревел не своим голосом: «Ай, батюшки! Хуй горит!» Выскочил из-под низу да на все стороны так и мечется. Попадья говорит: «Ну, батрак! Подавай деньги».—«За что?»—«Как за что? Ведь ты меня на попе уеб?»—«Нет, матка! Поп из-под нас выскочил, чуть-чуть меня не ушиб! Не за что вам денег платить». Так и ушел.

ТРИ ДОБРЫЕ СЛОВА

Жил-был старик; стал помирать, призвал сына и говорит: «Есть у меня, сынок, триста рублев денег, и знаю я три добрые слова; что тебе в наследство

оставить?» Сын задумался. «Позволь, батюшка, пойти у старых людей спросить».—«Ступай!»

Вышел сын на улицу, навстречу ему седой старичок. «Дедушка, рассуди, что лучше взять: триста Рублев али три добрые слова?»—«Глупой ты! Отец помрет, деньги и так тебе достанутся, а три добрые слова с ним уйдут! Проси три добрые слова — пригодятся!» Воротился сын в избу. «Ну что, надумался?»—«Давай, батюшка, три добрые слова!»— «Ладно, сынок! Слушай: станут у тебя просить лошади — не давай зря всякому; будут звать тебя в кумовья — без палки не ходи; это два добрые слова, а вот и третье: не пускай жену в гости одну!»

Помер старик, остался сын хозяином. Спустя сколько-то времени приходит к нему кум. «Дай, пожалуста, кобылу — в лес за дровами съездить».— «Возьми да береги, понемногу накладывай!»—«Будь спокоен, куманек!» Взял кум кобылу и поехал в лес за дровами, а кобыла-то была жерёбая. Вдруг припомнилось мужику отцовское слово, побежал следом за кумом и присел за куст: «Посмотрю, что будет».

Смотрит — кум наложил на телегу такой ворох, что кобыла и с места сдвинуть не может. Кум схватил дубину и давай ее по бокам лупить. Лупил-лупил, дул-дул до тех пор, пока кобыла жеребенка не выкинула. Хозяин выскочил из-за куста: «Ах ты, сукин сын! Мать твою разъедак!» Отнял свою лошадь, ворочается домой, а сам думает: «Вот она, правда-то батюшкина!»

Через день, через два после этого приходит к нему знакомой мужичок, зовет в кумовья; вот он снарядился в новый кафтан, в новые шаровары и пошел в крещеную веру младенца приводить, а палку дома позабыл. Только к знакомому на двор — как кинутся на него собаки, да злющие! Изорвали и кафтан и новые шаровары. «Эхма! Опять забыл отцовское слово, а слово было правдивое!»

Прошло еще столько-то времени: приехал к нашему мужику тесть на свадьбу звать. «Куда нам, батюшка,— говорит зять,— надо за домом присмотреть!»—«Оставайся сам, отпусти меня!»— просится жена. «А куда ребенка денешь?»—«Да с собой возьму!» Мужик отпустил жену в гости, отпустил, да и вспомнил

отцовский завет. «Дай пойду да после погляжу, что жена делает?» А на свадьбе жена так-то разгулялась, сейчас себе и полюбовника нашла, ушла ночью в сени, ребенка в шубу завернула да наземь в сторону положила, а сама с полюбовником знай пошаливает. Муж пришел потихоньку в самую ночь; глядь — жена с добрым молодцом спит, взял ребенка и унес с собой. Поутру баба хватилась — нет ребенка, только свиньи в сенях похаживают. «Никак,— говорит,— свиньи его съели». Сейчас зажгла лучину и запалила отцовы сени. Начался пожар, а она-то благим матом кричит: «Батюшки! Ребенок сгорел...» Воротилась домой: «Ах, муж! Ведь ребенок наш совсем сгорел!» Он схватил плеть и давай ее учить: важно отвалял на все корки. Вот так-то сбылись все три отцовские слова!

ПОП С ПОПАДЬЕЙ В БАНЕ

Вздумали поп с попадьей попариться, истопили баню (а дело было зимою) и пошли мыться, а чтоб вор в избу не забрался, попросили присмотреть за своим добром церковного сторожа. Пришли поп и попадья в баню, разделись и вымылись; попадья полезла на полок париться; выпарилась, сошла наземь и пошла в перед банник прохладиться немно-

го; а поп тем временем на полок взобрался. В пе-редбаннике лежал большой камень, села на него попадья, только камень-то был холодной, а у ней жопа-то сыра и мокротна — то вскоре матушка попадья обледенела, волоса на пизде примерзли к камню, сидит и не двинется. Поп выпарился и кричит: «Матка! Где же там ты?» А она в ответ: «Да вот здесь сижу!»—«Полно, иди скорей!»—«Да что, батька, стыдно сказать, а грех утаить: ведь я на камнях-то совсем примерзла». Поп осердился: «Эх, куда тебя леший усадил!» Вышел в перед банник, стал перед попадьей на колени, нагнул к ней голову промеж коленок и начал отдувать примерзлые во-| лоса на пизде; отдувал-отдувал, да куда: ее-то не

отдул, а сам в беду попал. Борода у попа была большущая да сырая и тоже примерзла к холодному камню; начал было тянуться — куда, так больно, что и тронуться нельзя; да, пожалуй, и всю бороду на камне оставишь. Жаль попу бороды, закричал во все горло: «Эй, сторож! Беги скорей в баню! Помоги нам! Помоги!» Сторож услыхал, подумал, что баня горит, бросился на колокольню и давай в набат бить. Со всей деревни набежали мужики. «Где пожар?»— спрашивают у сторожа. «Попова баня горит!» Прибежали в баню и видят: стоит голой поп на коленях и целует попадью прямо в пизду. Принялись мужики их растаскивать и таки растащили; только поп без бороды остался, а матушка без матерних волос.

ФУ!

В некоем городе был чеботарь Сергушка, а прозвище ему Пьянчушка. Жил он хорошо и весело. Раз сшил пару сапогов, получил за них пять рублей и пошел в кабак гулять с приятелями. Прогулял все деньги, а назавтрие ему, бедному, не на что стало опохмелиться. Что делать? Раздобыл где-то бутылку от хорошаго вина, наклад в нее говна, налил воды, взболтал все как следует, закупорил пробкою и залил смолою; вышел на рынок и стал кричать во все горло: «Новое варенье, чудное варенье — под названьем: *« Фу!* ». Не угодно ли кому?»

На ту пору ехал богатой помещик, услыхал те слова и спросил чеботаря: «А дорого ли просишь?»—«Да всего рубль серебра!» Помещик дал ему целковой, взял бутылку и поехал домой, а Сер-гушка прямо в кабак отправился. Приехав домой, помещик вошел в комнаты и поставил бутылку на стол. Барыня увидала и спрашивает: «Что вы, душенька, привезли?»—«А это новое варенье, славное изобретенье — под названьем *«Фу!-»*. —«Вот это мило, что ты купил». Тут подали самовар; барин захотел попробовать то варенье с чаем, раскупорил бутылку, понюхал — и ухватился за нос рукою; так ему вонью-то в нос шибнуло! Бегает по комнате и только кричит: «Фу! Черт возьми, фу!»

И барыня вздумала попробовать, понюхала — и тут же зажала нос и давай тоже отплевываться да приговаривать: «Фу! Фу!»

ВОЛШЕБНАЯ ТАБЛИЧКА

Жил-был и по городам ходил вольный человек — чеботарь, звали его Дмитрием, величали Терентьевичем, а писался он Запивалкиным, потому что попивал вино хлёско. Сначала много бар и купцов заказывали ему работу, а как стал он проматывать забранной товар в кабаках, то не стали давать ему не то что шить нового, но даже и починивать старого. Прожил он последний деньги, стал поутру — шибко его ломало, больно хочется опохмелиться, да не на что, и пошел он в соседний город поискать счастия.

Идучи дорогою, сам с собой думает: «Эх, хоть бы леший взял меня за добрую плату!» Не успел отойти двух шагов, а навстречу ему незнакомой человек: «Постой, доброй человек! Куда идешь?»—«В город работы искать».—«А что ты сейчас про леша-го думал?» Чеботарь удивился, что его думки все ведомы, и признался встречному; а то был сам леший. «Ну что ж, продай мне свою душу! И тебе дам неистощимой кошелек, который станет тебе давать денег сколько и когда угодно; только тряхни — так и посыплются. Да еще дам тебе волшебную табличку: коли вздумаешь жениться на какой девке, то поднеси эту табличку ей к заду и спроси: честна ли она? Всю тебе подноготную тотчас сама объявит!»

Чеботарь согласился, дал лешему расписку своею кровью; взял от него кошелек да табличку и отправился в город. Здесь он остановился на квартире у мещанина Ярышкина; жил у него целых пять месяцев и завсегда гулял и кутил: денег-то много!

А у Ярышкина было три дочери-девки, и захотелось ему женить на какой-нибудь из них богатого Митьку Запивалкина. «Что ты,— говорит,— не женишься? Вот у меня три дочери — хошь, выбирай любую».—«Хорошо, я не прочь; только наперед надо испытать их».—«А как пытать будешь?»— «Да позволь со всеми тремя по очереди три ночи на одной постеле выспаться». —«Изволь, но ты чего худого не сделай!»—«Не бойся!»

Вот на первую ночь положили чеботаря спать со старшею дочерью — она тому и рада! Только видит, что чеботарь и не думает к ней под хвост заглядывать; пождала, пождала и уснула.

Тогда он взял в руки волшебную табличку, поднес к ее заднице и спрашивает: «Катерина! Катерина!» Она отзывается: «Ась?»—«Честна ты али нет?»—«Нет, не честна!»—«А с кем грешила?»— «С двадцатью пятью из крестьянского и мещанского звания». Чеботарь плюнул и ушел от нее. На другую ночь то же сделал со середнею дочерью. «Марина!

Марина!»—«Ась?»—«Честна ли ты?»— «Нет!»—«А с кем ты грешила?»—«С двадцатью пятью молодцами из купеческого звания».

На третью ночь меньшая дочь Арина объявила, что она согрешила с двадцатью пятью молодцами из духовного звания. Чеботарь отказался от невест, а хозяин на него обиделся: спал-де со всеми дочерьми, всех, чай, перепробовал, а жениться ни на одной не хочет, и подал на него жалобу городничему. Городничий призвал Запивалкина; тот рассказал ему все по совести. И захотелось городничему в том увериться, велел при себе делать испытания. Призвали трех дочерей мещанина Ярышкина, и вот, какой к заду ни приставят волшебную табличку, — живо на себя без утайки доказывает. Городничий и все люди, что при этом были, до упаду хохотали и Ярышкину в просьбе отказали.

Женился ли когда Запивалкин и попал ли в лапы лешего — про то мне не ведомо!

СЛУЖКА-АНДРЮШКА

Стояли два города, один от другого близко — на 25 верст расстояния. В одном городе был мужской монастырь, а в другом — женской. В мужском монастыре настоятелем был его преподобие отец Просило, а в женском игуменьей была мать Епиз-димия *(Эпистимия)*. И понадобилось настоятелю какое-то сведение из женской обители.

Написал он письмо, призвал молодого служку -Андрюшку и начал ему говорить: «Слушай, Андрюшка! Пойди в трапезную, возьми с собой сыру, яиц и хлеба и отправляйся в Лысвенской женской монастырь к ея преподобию, к матери Епиздимии, отдай ей это письмо и дождись там ответа. Прий-дешь ты туда к вечеру, ночуешь там, а завтра пораньше воротись назад. Да слушай ты, Андрюшка! Коли будет она поить тебя вином — отнюдь не моги пить! А то строго с тебя взыщу!»—«Слушаю, ваше преподобие!»—«А коли станет тебя скоромным потчевать — отнюдь не ешь! А будет тебя звать к себе в келью ночь ночевать — ни за что не ходи; станет тебя на мягкую постель с собою класть — не моги ложиться, лучше уйди в трапезну! Сними с себя одежу, постели да там и ночуй. И как бы мать Епиздимия к тебе ни ласкалась, ты не поддавайся, а крепись и удаляйся от зла». —«Слушаю, ваше преподобие!»— сказал Андрюшка и отправился в город Лысву.

Пришел в женской монастырь и просил привратницу доложить об себе матери игуменье. Тотчас привели его к ея преподобию. Она взяла письмо и спросила служку: «Как тебя зовут, миленькой?»—«Служка Андрюшка, ваше преподобие!»

Вынесла она графин водки, поставила на стол разные закуски и жареную телятину и начала просить посланного выпить и закусить с дороги. Он откланивался: «Ваше преподобие, мне отец Просило строго заказал не пить вина».—«Ах ты, молодой юноша! Ведь ты ошибаешься; это не вино, а водка: делается из божьяго хлеба, греха в ней нету!»

Андрюшка подумал, что и впрямь настоятель не велел пить вина, а о водке не сказал ни слова, взялся за графин, налил стакан и выпил. Игуменья просит его закусить. Он опять отказывается: «Ваше преподобие! Отец Просило строго воспретил мне вкушать скоромное».—«Ах ты, молодой юноша! Ведь ты ошибаешься! Это не скоромное, а жареное — из невиннаго тельца изготовлено». Андрюшка вспомнил, что его преподобие не велел ему есть скоромного, а про жареное ничего не сказывал, и начал уписывать телятину. Игуменья стала просить служку

переночевать с собою. «Ваше преподобие!— отвечал он ей.— Отец Просило не велел мне в вашей келье спать!» А она ему в ответ: «Ах ты, молодой юноша! Ведь ты ошибаешься! Это вовсе не келья, а спальня и греха в ней нет!» Андрюшка подумал: «Настоятель-де запретил мне в келье спать, а про спальню ничего не говорил». Тотчас же начал раздеваться и подле печки укладываться. «Что ты делаешь?— спрашивает игуменья.— Ложись вот здесь, на мягкой моей кровати!»—«Ваше преподобие! Отец Просило не велел мне на мягкой постели спать».—«Ошибаешься, молодой юноша! Это не мягкая постель, это пуховик, и греха в нем нету!»

Андрюшка опять подумал, что его преподобие не велел мне на мягкой постеле спать, а про пуховик ничего не сказывал. Снял портки, перекрестился й на пуховик опустился. Ея преподобие мать Епиздимия сама его укладала, одеялом одевала, занавесами укрывала; и больно уж ей не терпелось, спать с добрым молодцем дюже хотелось: скорехонько она раздевалась, монашеско платье снимала, в одной рубахе к постеле подходила, Андрюшку будила: «Молодой юноша! Дай и мне местечко». Он пробудился: «Ах, ваше преподобие! Отец Просило мне строго воспретил с вами обращаться».— «Ошибаешься, молодой юноша; я вовсе не мать Епиз-димия, а простая монашка Сиклития».

Андрюшка подумал, что настоятель не велел мне заводить ласки с игуменьей, а о простой монашенке ни слова не молвил, и подвинулся к сторонке. Легли они вместе; говорили-говорили да грех и сотворили. Целую ночь тем и пробавлялись, и как к заутренней звонили — они все еще грех творили. Начало светать, надо было вставать. Мать Епиз-димия облеклась в свое черное платье, принесла закусок и водочки, угостила его, упоила его, дала ему 25 рублев награждения и домой отпустила, а на прощанье просила: «Приходи к нам почаще, и нам и тебе будет слаще!»

Воротился к настоятелю Андрюшка и на допросы его рассказал все, как было. Его преподобие осердился, начал всячески ругаться: «Тьфу ты, дурак! Тьфу ты, каналья! Беззаконник эдакой! Так ты вместе с нею спал? Да ведаешь ли ты, что в то самое время, как ты с нею грех творил, тогда на три аршина под вами земля горела?»—«Правда истинная, ваше преподобие!— отвечал Андрюшка.— Должно быть, шибко земля горела, она ведь в то время подо мной сильно жопой вертела!»—«Тьфу ты, беззаконник! Вон из моего монастыря! Чтоб и духу твоего здесь не было!» Андрюшка того и дожидался; поскорей из монастыря убирался, извозчика нанимал, в город Лысву уезжал и прямо в келью к ея преподобию явился. Мать Епиздимия его увидала, с радостию принимала, в уста целовала,

к сердцу прижимала; нарядила его монашкою, назвала своею келейной служанкою и оставила жить при себе, и было ему житье хорошее: как сыр в масле катайся!

ИВАН ЛЫКОВ

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был человек иностранный, по прозванию Иван Лыков; соскучился Иван Лыков на одном месте сиднем сидеть, и пустился он в путь-дороженьку по речке Еблюшке. Гребнет-ебнет — сто верст уйдет; подгребает, подъебает — пять маленьких уезжает. Приезжает Иван Лыков в некое царство, в некое государство, видит, красные девушки белье полощут. «Бел хуй вам под валёк, красныя девицы!»—«Черна пизда тебе на хуй, доброй молодец! Кто ты таков?»—«Я человек иностранный, зовут меня Иван Лыков, хуй лысый, под мудями горностай, посреди хуя кукушка, на плеши соловей. Мой хуй яровит, в трех местах золотом перевит, на гору идет — не задыхается, под гору идет — не спотыкается, кою раз поебет, у той три года в пизде сласть живет!» И молвит ему одна красна девица: «Поеби,— говорит,— меня, Иван Лыков!»—«Мой хуй даром не ебет — позолота линяет». Она дает ему скатерть-самобранку. В другом царстве за то же девица дает самовар, из которого льются всякие вины.

В третьм царстве третья девица дает ему ковер-самолет. Потом приезжает он в женское царство, где царит царь-девица, а мужчины все в остроге сидят. Туда посадили и его. Острожные чуть с голоду не умирают. Он стал их угощать с помощию скатерти-самобранки. Узнала царь-девица и просит у него скатерть. «Не продажная! Дай с тобой часочек полежать и за одну титечку подержать!» За самовар потребовал с нее: «Дай два часочка с тобой полежать и за обе титечки подержать».

Потом велел он острожным держаться за ковер и летал с ними. За этот ковер он потребовал, чтоб царь-девица легла, заголясь, на ковре, а его на ремнях над нею держать. Тут скомандовал он ковру подняться к себе и употребляет царь-девицу.

ПОП-ПЕРДУН

Начинается сказка-побаска от бабьяго пеперду, от молодецкаго посвисту.

Жил-был старик со старухой. Старуху звали Устюша. Пришла она к попу исповедаться, рассказала свои грехи. Поп хотел было отпускать ее, а старуха и говорит: «Еще, батюшка, есть один грех». — «Какой?»— говорит.—«Сказала бы, да совестно».— «Ничего, сказывай».—«Да что, батька, вошла я од-нова в церковь да бзднула».—«Ну это ничего; я и сам иной раз не утерплю, не то что бздну, а и вовсе пердну в ризе». Пообещала баба дать попу за исповедь индюшку; только день и 2 и 3 проходит, она и не думает несть. Вот в воскресный день у обедни вышел поп с кадилом, стал кадить на старуху, а сам припевает: «Устюшка, Устюшка-бздюшка! За тобой моя индюшка!» А старуха в ответ: «Ктой-то кадит? Чай, тот, что в ризе пердит!»

НИКОЛА ДУПЛЯНСКИЙ

Жил-был старик, у него была жена молодая. Повадился к ней в гости ходить парень, Тереха Гладкий. Спознал про то старик и говорит жене: «Хозяйка, я был в лесу, Миколу Дуплянского нашел: о чем его ни попросишь — то и дает тебе». А сам наутро побежал в лес, нашел старую сосну и залез к ней в дупло. Вот баба его напекла пирогов, колобов да масляных блинков и пошла в лес молиться Миколе Дуплянскому. Пришла к сосне, увидала старика и думает: «Вот он, батюшка, Микола Дуплянский-то!»— Давай ему молиться: «Ослепи, батюшка Микола, моего старика». А старик отвечает: «Ступай, женка, домой и будет твой старик слеп; а зобенку с пирогами оставь здесь». Баба оставила зобенку с пирогами у сосны и воротилась домой.

Старик сейчас вылез из дупла, наелся пирогов, колобов и блинков, высек себе дубинку и пошел домой. Идет ощупью, будто слепой. «Что ты, старичок,— спрашивает его жена,— так тихо ползешь? Разве не видишь?»—«Ох, женушка, беда моя пришла, ничего-таки не вижу». Жена подхватила его под руки, привела в избу и уложила на печку. Ввечеру того ж дня пришел к ней дружок, Тереха Гладкий. «Ты теперича ничего не бойся,— говорит ему баба,— ходи ко мне в гости, когда хочешь. Я нынче ходила в лес, молилась Миколе Дуплянскому, чтобы мой старик ослеп; вот он воротился намедни домой и уж ничего не видит».

Напекла баба блинов, поставила на стол, а Тереха принялся их уписывать на обе щеки. «Смотри, Тереха,— говорит хозяйка,— не подавись блинами, я схожу, масла принесу». Только вышла она из избы по масло, старик взял самострел, зарядил и выстрелил в Тереху Гладкого; так и убил его насмерть. Тут соскочил старик с печки, свернул блин комом, будто он сам подавился; сделал так и влез на печь. Пришла жена с маслом, смотрит: сидит Тереха мертвый. «Говорила тебе, не ешь без масла, а то подавишься, так не послушал: вот теперь и помер». Взяла его, сволокла под мост и легла одна спать.

Не спится ей одной-то, и ну звать к себе старика; а старик говорит: «Мне и здесь хорошо». По-лежал-полежал старик и закричал ровно во сне: «Жена, вставай! У нас под мостом Тереха лежит мертвый».—«Что ты, старик? Тебе во сне привиделось». Старик слез с печки, вытащил Тереху Гладкого и поволок к богатому мужику, увидал у него бадью с медом, поставил около бадьи Тереху и дал ему в руки лопаточку, будто мед колупает. Смотрит мужик, кто-то мед ворует, подбежал, да как ударит Тереху по голове, тот на землю и повалился, аки мертв. А старик

выскочил из-за угла, схватил мужика за ворот: «За что ты парня убил?»—«Возьми сто рублей, только никому не сказывай!»— говорит мужик.—«Давай пятьсот, а то в суд поволоку». Дал мужик пятьсот рублей. Старик подхватил мертвеца и поволок на погост; вывел из поповой конюшни жеребца, посадил на него Тереху, привязал вожжи к рукам и пустил по погосту. Поп выбежал, ругает Тереху и хочет его изловить; жеребец от попа да прямо в конюшню, да как ударит Тереху Гладкого об перекладину, он упал и покатился наземь. А старик выскочил из-за угла и ухватил попа за бороду: «За что убил парня? Пойдем-ка в суд». Делать нечего, дал ему поп триста рублей, только отпусти да никому не сказывай, а Тереху похоронил.

* * *

Жил-был поп с попадьей; завела попадья себе любовника. Батрак заметил то, и стал ей всячески помеху творить. «Как бы избыть его?»— думает попадья и пошла за советом к старухе-знахарке, а батрак с ней давно сделался. Приходит и спрашивает: «Родимая, бабушка, помоги мне, как бы работника с попом извести».—«Поди,— говорит старуха,— в лес; там явился Никола Дуплянский, его попроси — он тебе поможет».Побежала попадья в лес искать Николу Дуплянского. А батрак выпачкался сам весь и бороду свою выпачкал мукой, влез на ель и кряхтит. Попадья глядь — и увидала: сидит на ели белый старец. Подошла к ели и давай молить: «Батюшка Никола Дуплянский! Как бы мне извести батрака с попом?»—«О, жена, жена,— отвечает Никола Дуплянский,— совсем извести грех, а можно ослепить. Возьми завтра напеки побольше да и масляней блинов; они поедят и ослепнут; да еще навари им яиц: как поедят, так и оглохнут».

Попадья пошла домой и давай творить блины. На другой день напекла блинов и наварила яиц. Поп с батраком стали собираться в поле; она им и говорит: «Наперед позавтракайте!» И стала их потчевать блинами да яйцами, а масла так и поливает — ничего не жалеет. «Кушайте, родимые, масля-нее. Макайте в масло-то, поскусней будет». А батрак уж и попа научил, пошли они и стали говорить: «Что-то темно стало». А сами прямо-таки на стену лезут. «Что с вами, родимые?»—«Бог покарал, совсем ослепли».

Попадья отвела их на печь, а сама позвала своего дружка и стала с ним пить-гулять и веселиться. «Дай-ко теперь мне поеть,— просит гость у попадьи.— Только давай с заду, как козел козу ебет!» Попадья задрала хвост и стала раком, а гость и влез на нее. Тут поп с батраком слезли с печи и ну их валять со всего маху: важно отдули.

МОНАХ И ИГУМЕНЬЯ

В одном городе было два монастыря, вот хоть бы так, как у нас в Питере: Невский да Смольный. В одном монахи, в другом монашенки. Вот хорошо. Повадился один молодой монах ходить к монашенке, а чтоб не узнали, всегда наряжался в женское платье. Бороды у него еще не было, а волосы у попов да у монахов все такие ж по-бабьему положению. Стало быть никому и дела не было, что к монашенке ходит. Видят все, что к монашенке часто гостья жалует, ну да что за беда! А она уж брюхата стала. Доложили про то игуменье. Игуменья дает приказ: «Коли кто придет к той монашенке, тотчас дать знать».

Вот на другой день приходит монах к своей полюбовнице. Увидели его келейницы и побежали к матушке-игуменье. «Пришла-де какая-то женщина в гости». Игуменья приказала вытопить баню и всем, кто только есть в монастыре, идтить париться. Нечего делать, собрались все монашенки. Повели и гостью с собой. Пришли в баню и стали раздеваться. Монах разделся да поскорее на полок, забился в уголке и не знает, как ему быть? У него на шее висел крест на тесемке. Он взял, подвернул свой хуй под жопу и привязал его той тесемкой за самый кончик к ляжкам: совсем как пизду сделал! Вот игуменья надела очки, взяла в руки свечку и стала обходить всех монашек да осматривать, нет ли кого между ними с лишним привеском. Пока дошла до монаха, у него хуй-то разъярился; да и как не разъяриться: кругом голыя да грудастыя монашенки, крылашанки такия хорошенькия! Стала игуменья к монаху приглядываться, подошла по-’ ближе, нагнулась пониже, а хуй все подымается да как рванет — тут тесемка и оборвалась, крест нательный отлетел в сторону; хуй прямо игуменье так в левый глаз попал.—«Ай господи! С нами пресвятая богородица!»— закричала игуменья и схватилась за левый глаз. А глаза как не бывало — совсем-таки вышиб! Пока что — а монах уже выскочил из бани и убежал голый. Игуменья осталась кривою.

Прошло время — монашенка родила. Я и на крестинах был, только не разобрал: кого бог дал — мальчика или девочку?

РАЙСКАЯ ДУДКА

Жили-были три брата: двое умных, а третий Иван-дурак. Вырыл дурак яму. «Стану,— говорит,— волков ловить». Вот в первую же ночь попал в яму серый волк. Дурак пошел и выпустил его на волю. Приходит домой, братья и спрашивают: «Что, поймал?»—«Нет, братцы, попалась в яму попова собака, я ее назад выпустил».—«Какая собака?»—«Да такая серая, большущая, глаза так и светятся».—«Да ведь это волк».—«Ну, пусть в другой раз попадет; ни за что не выпущу».

На другую ночь попала в яму лисица. Дурак пришел и ту выпустил. «Что, поймал?»— спрашивают опять братья. «Нет, братцы, попалась попова кошка с большим пушистым хвостом». —«Эх ты, дурак, ведь это лиса».—«Ну, пускай в другой раз попадется — от меня не увернется».

На третью ночь попала в яму какая-то деревенская баба. Дурак пошел. «Ага,— говорит,— попалась!» Взял дубину, убил ее до смерти и волочит домой. «Дурак, где взял мертвую бабу?»— спрашивают братья.—«Какая баба? Это лисица — в яму попала, я ее поленом и доконал!»—«Ах ты, бестолочь эдакая! С тобой беды наживешь». И задумали умные братья бросить дурака и бежать от него — в иное место жить. Сговорились и собрались бежать ночью; только дурак подслушал их уговор, взял ступу и побежал вслед за ними. Братья в лес, и он в лес. Так и не ушли от дурака. Что тут делать? Время ночное, пришлось в лесу ночевать. Вот они влезли все трое на деревья, уселись на ветках и сидят себе.

На ту пору ехали мимо купцы-разносчики. «Что нам плутать-то ночью?— говорят меж собой.— Остановимся у этого дерева, отдохнем до утра, а как станет светать, тогда и в путь поедем». Остановили возы, распрягли лошадей и сели под тем самым деревом, где дурак спрятался, развели костер и давай варить кашицу. Вот дурак сидел-сидел и стал говорить братьям: «Ох, братцы! Усцусь-усерусь!»— «Молчи, чего доброго, услышат, да, пожалуй, разбойники! Беда будет!»—«Ох, невтерпёж приходит! Право, усцусь-усерусь, братцы!»—«Ну, сери, только потихоньку». Дурак и давай срать, да прямо в кашицу попал. «Что такое?— говорят купцы.— Кажись, дождя нет, а капает! Не леший ли подшучивает?» Тут дурак как перднет да дриснет во всю мочь и выпустил из рук ступу — полетела вниз. Купцы всполошились да бежать, и ушли в разные стороны, весь товар покидали. Братья слезли наземь и поделили меж собой. Умные взяли себе красный товар, а дурак — целый воз ладану.

Сейчас положил его в кучу, зажег и пустил хвалу к богу.

Только прилетает к нему ангел божий и говорит: «Ну, мужичок, за то, что ты не пожалел целого воза ладану и пустил такую хвалу богу, сказывай, чего ты желаешь? Все тебе дано будет».— «Дай мне,— говорит дурак,— что у бога в раю за дверьми висит». Ангел полетел и принес ему дудочку.

Вот дурак взял райскую дудочку, пошел к попу и нанялся в работники — лошадей пасти. И что же? Как только пригонит дурак лошадей в поле, то и зачнет играть на своей дудочке, а лошади в пляс пойдут. Так целый день — он на дудочке играет, а лошади пляшут да пляшут — исхудали бедные. Спрашивает поп работника: «Что у тебя животные -то исхудали, на какой траве пасешь их?»—«На хорошей, батька; лучше нигде не сыскать». —«Дай сам погляжу»,— думает поп.

На другой день дурак погнал лошадей в поле, а поп собрался да следом за ним и залез в терн. Дурак пригнал поповские животы, сел под кустик, вынул дудочку и принялся наигрывать. Стали лошади плясать. Схватился поп трепака откалывать; уж он плясал-плясал, весь-то ободрался, искололся, и до тех пор выделывал ногами всякие штуки, пока дурак играл. Измаялся поп, еле ноги тащит, прибрел кое-как домой и говорит попадье: «Ну, матка, у нашего работника есть такая дудка, что коли заиграет, то и мертвый распляшется, а живому и удержу нет». —«Ах, батька, как бы мне послушать?»— «Сама проси, а с меня уж будет; я и слушать не стану».Вечером, только работник пригнал лошадей, попадья и просит: «Заиграй, пожалуйста!»—«Хорошо»,— говорит дурак. Поп услыхал, живо побежал на чердак и спрятался в сундук, а попадья на ту пору квашню месила. Вот дурак достал дудочку и заиграл — пошла попадья по избе плясать вместе с квашнею, а поп, сколько ни крепился, не мог выдержать: выскочил из сундука и ну по чердаку отжаривать, и до тех пор плясал, пока с чердака упал, да работник играть перестал. Смотрит поп, а попадья до того доплясалась, что язык высунула. «Ах, матка,— говорит поп,— наняли работника себе на беду, на горе. Давай убежим из дому!»—«Убежим, батька!»

Вот они с вечера наклали целый мешок книжек и поставили в угол. Дурак потихоньку выбрал из мешка все книжки и залез в него сам. Ночью поп проснулся и будит попадью: «Вставай, матка, бежать пора». Подняли они мешок и пошли из дому. Шли, шли, вдруг работник как закричит из мешка: «Что ж ты, батько, возьми и меня с собою!»—«Ах, проклятый! Гонится за нами следом; побежим скорей, матка». И припустили бежать, сколько силы хватило. Бежали-бежали, уморились и стали было опять шажком идти, тут работник как закричит: «Батько, возьми меня с собою!» Они опять принялись бежать; так, наконец, измаялись, что и ноги

не держат. «Ну, что будет — то будет, а остановимся здесь отдохнуть»,— говорит поп. Бросил мешок наземь, глядь — лезет оттуда работник. «Не стыдно ль тебе, батюшка, сам пошел с матушкой, а про меня и забыл».

Вот все трое подошли к реке и остановились ночевать на бережку. Поп положил работника скрай реки и говорит попадье: «Как только заснет батрак, ты его и столкни в воду». Работник подслушал эти речи и не спит, ворочается; прошло не много, не мало времени, уснули и поп и попадья; он сейчас перетащил попа на свое место, а сам на его место лег. Попадья проснулась да как толкнет попа в воду. Пошел на дно рыб считать. Наутро проснулась. «Где поп?»—«Черти с водяным утащили».

После того попадья пошла замуж за своего работника, и стал Иван-дурак за попа, хоть ни читать, ни обедни служить не умеет. А с той попадьей еще допрежде жил архиерей. Вот однова собрался архиерей и поехал подначальные церкви смотреть да попов судить. Приезжает в то самое село, где Иван-дурак в попы угодил, и прямо в церковь. Что делать? Надо обедню служить; вот Иван-дурак нарядился в ризу, взял в руки книгу и давай читать: «Братие! Был архиерей, гулял с моей попадьей; милости прошу и теперь с ней гулять, и ныне, и присно, и во веки веков!» И твердит все одно да одно. Архиерей слушал-слушал и говорит: «Много церквей я объехал, а такого умного попа нигде еще не видывал: всю службу церковную знает!»

ПОП-ТОЛОКОННЫЙ ЛОБ

В одном селе жил-был поп-толоконный лоб, по имени Ерема; у него был малый сынок Петрушка, такой прихотливый да балованный: уж если чего захочет, так в ту же минуту давай; не то — заревет так, что святых выноси. Да все, что под руку попадется, начнет бить-кромсать, на куски ломать. Хоть летами мал, а ноготок востер: не раз случалось — попу с попадьей глаза подбивал. А батракам просто житья не было: ни один еще не оставался больше дня у попа-толоконного лба.

Вот поп Ерема пустился на выдумку, вздумал наперед уговор делать с каждым наемщиком. Од-нова сидел поп под окном и смотрел, пригорюнясь, в огород: надо бы гряды полоть, да некому. На ту пору идет по улице мужик с лопатою и кричит: «Кому поработать? Кому поработать?» Поп тотчас схватился, накинул свой подрясник, выбежал за ворота, кликнул мужика и говорит: «Ступай ко мне в батраки; за деньгами спору не будет. Только, мужичок, я с тем уговором нанимаю: если ты на меня рассердишься, то я вырежу из твоей спины ремень пальца в два ширины, а если я рассержусь на тебя — тогда ты вырезывай из моей спины».

Мужик согласился и пошел к попу в батраки. «За что,— думает,— стану я на попа сердиться». Принялся за работу и проработал до самого обеда. Приходит в избу и только было сел за стол, Петрушка заревел во все горло: «Я гулять хочу!»— «Батрак,— говорит поп,— веди сынка погулять». Батрак взял поповича за руку и повел на улицу. Часа два протаскался с ним без толку; воротился в избу, а уж поп с попадьей давно пообедали и спать завалились. Остался батрак с голодным брюхом.

На другой день опять то же, а на третий батрак не выдержал. «Нет, батька, черт с тобой и с твоим потрохом, а я больше не хочу у тебя ни жить, ни работать!»—«Что ж ты сердишься?»— сказал поп. Вырезал у него по уговору ремень из спины и отпустил, не заплатив ни копейки.

У того мужика был меньшой брат Иван; по всей деревне дураком слыл. Видит дурак, что брат его на печь залез да все охает, и спрашивает: «Что ты, аль спина болит?»—«Поживи-ка у попа, так сам узнаешь». Иван взял лопату и отправился в путь. Пришел в то же село и нанялся к попу-толоконному лбу Ереме. Поп и ему говорит: «Слушай, Иван, у меня за деньгами остановки не будет; только соблюдешь ли уговор? Если кто из нас двоих рассердится, у того из спины ремень вырезать».—«Ладно, бать-ко, — отвечал Иван,— только ты не сердись, а мне не за что!»

Взялся батрак за работу, целое утро за двоих работал, пришло время обедать, только сели за стол, Петрушка и ну кричать: «Гулять хочу!»—«Батрак,— говорит поп,— поведи моего сына прогуляться да присмотри, пожалуйста, чтоб не убился где». —«Хорошо, батько». Повел батрак Петрушку и прозевал обед. «Плохо,— думает,— надо за ум браться». На другой день опять только за обед, а Петрушка гулять хочет, Иван схватил со стола кулебяку и повел поповича.

Пока тот играл, батрак кулебяку убирал. Воротился в избу, а поп с выговором: не годится-де так делать; зачем кулебяку унес? А батрак в ответ: «Никак ты, батько, осердился? Подставляй-ко спину, я ремень вырежу».—«И, что ты? Я вовсе не сержусь, так только пошутил с тобой...»—«То-то же, смотри»,— говорит Иван.

На третий день Петрушка опять за свое: «Гулять хочу». Батрак ухватил целую ногу жареной баранины и пошел с ним на улицу. Пока Петрушка гулял да играл, батрак баранину уплетал. Поп и сам не рад своей затее; иной раз и поругал бы батрака, так тот сейчас ему в ответ: «Никак ты осерчал, батько? Подставляй-ко спину!»

Вот как-то был на селе праздник; попадья напекла и нажарила всего вдоволь. Сели было обедать; батрак думает: «Вот когда нажруся, упьюся!» По губам уж слюнки текут. Не тут-то было, веди Петрушку гулять. Иван повел его в огород, да с досады посадил его на кол, а сам в избу воротился и уселся за стол. «А Петрушка где?»— спрашивает попадья.—«Да с ребятишками играть остался». На дворе давно стемнело, а Петрушка все не ворочается. Пошла попадья искать, смотрит, а он на колу торчит: совсем-таки окоченел. Поп с попадьей обмыли его, поплакали и похоронили, а выговаривать батраку боятся: пожалуй еще до спины доберется.

Стали они думать, как бы от него избавиться, целых три дня думали. На четвертый день зовет поп Ивана и приказывает: «Сослужи мне великую службу, съезди на Чертово озеро да спроси у нечистых: почему давно оброка не платят? Чтобы сейчас весь заплатили».—«Изволь,— отвечает Иван,— для чего не сделать такой безделицы?» Запряг лошадь в телегу и поехал на Чертово озеро. Поп возрадовался: «Ну, попадья, авось его черти возьмут!»

Батрак ехал лесом, надрал лык полную телегу и приехал на озеро, сел на берег и принялся веревку вить. Был день и прошел, а Иван все веревку вьет. Вдруг выпрыгнул из воды чертенок. «Батрак, что ты делаешь?»—«Сам, чай, видишь: веревку вью».— «А зачем тебе веревка?»—«Как зачем? Хочу озеро морщить да вас, чертей, корчить».—«Что ты, батрак? За какую вину?»—«А за

такую, зачем попу Ереме оброку не платите?»—«Подожди немножко, не морщи озера, я пойду своему дедушке скажу»,— сказал чертенок, и пырь в воду.

Иван тем временем вырыл глубокую яму, накрыл ее шапкою, а в шапке-то загодя дыру прорезал. Чертенок выскочил и говорит батраку: «Дедушка спрашивает, много ли оброку надо?»—«Вот эту шапку полную серебра насыпать». Чертенок бултых в воду, передал ответ дедушке; жаль стало старому черту с деньгами расставаться; велел наперед внуку помериться с батраком силами: стоит ли отдавать ему деньги? Чертенок ухватил дедушкину палицу и говорит Ивану: «Ну, батрак, кто из нас выше бросит?»—«Бросай ты прежде».

Чертенок бросил палицу так высоко, что за щепочку показалась, а назад упала — земля ходенем пошла. Теперь очередь стала за батраком; взял он палицу за один конец и видит, что не только бросить вверх, да и поднять не может. Пустился на хитрости: взвел глаза на небо и начал пристально присматриваться. «Что же ты попусту глазеешь?»— «А вот поджидаю, когда пойдет облачко; хочу на него забросить твою палицу».—«Что ты!— закричал чертенок,— не бросай, а то дедушка прибрани меня».—«Ишь, чертово племя, жалко небось. Ну, завяжи свои зенки-то, не то лопнут, как я палицу брошу!» Чертенок завязал глаза, а Иван понатужился, приподнял палицу, да его по лбу; едва он опомнился. Нечего делать, стал мешки с серебром таскать да шапку насыпать; долго таскал, насилу с батраком расплатился.Тогда Иван складл все серебро на телегу и повез попу Ереме. «Бери, батько! Взыскал с чертей весь оброк дочиста». Поп и деньгам не рад: «Коли с чертом сладил, до нас с попадьей еще скорей доберется; надо бежать». И уговорились поп с попадьей уйти от батрака... (Конец тот же, что в сказке «Райская дудка»).

ЧУДЕСНАЯ ДУДОЧКА

Жил-был мальчик крестьянский, у него была чудесная дудочка да скотины всего одна свинья с тремя поросятами. Выгонит он свинью в поле пасти, сядет на пенечке да заиграет в дудочку. Свинья с поросятами знай пляшет перед ним. Была у царя дочь — прекрасная царевна. Узнала, что у этого-то мальчика свинка с поросятами пляшет, и вздумала купить хоть поросеночков.

Приезжает в поле. Мальчик сидит на пенечке, • играет в дудочку, а свинья пляшет с поросятами. Говорит царевна: «Продай мне поросяток!»—«У меня они не продажные, а заветные».—«Сколько у тебя завету?»—«Показать свое тело по колена». Царевна показала ему свое белое тело по колена, он ей и отпустил поросяток. Привезла их домой, созвала музыкантов. Музыканты взыграли, а поросята со страху врозь разбежались, визг на весь дом подняли. «Верно без матки скучают,— подумала царевна,— сем поеду да матку куплю». Приезжает она в поле; мальчик сидит на пенечке, играет в дудочку, а свинья перед ним пляшет. «Продай мне свинку, поросята без матки скучают».—«Она не продажная, а заветная».—«А сколько завету?»—«Показать все свое тело наголо». Нечего делать, показала ему свое белое тело наголо; мальчик ей и свинку отдал. Привозит царевна свинку, собрала музыкантов. Музыканты взыграли: нет, не пляшут, ни поросята, ни свинка, туды-сюды бросаются да визжат. Поехала царевна покупать дудочку. «Продай,— говорит,— свою дудочку». —«Не продажная, а заветная».—«А сколько завету?»—«Поеть разок». Царевна согласилась, дала ему разок и забеременела.

Узнал отец и выдал ее замуж за того пастуха. Сделался крестьянский парень царевичем и зажил себе во дворце без хлопот, без дела. Поехал он однажды на охоту, и попался ему на дороге поп. Увидал поп названного царевича, поклонился ему. «А ты, батька, куда идешь?»— спрашивает его царский зять. И пошли у них разговоры: «Я иду с требою, а вы куда изволите?»—«А я на охоту выехал».—«Ах ваше высочество, застрелите мне вот ту птичку».

На ту пору, как нарочно, прилетела малая пташка и села в кустах" шиповника да репейника, а кругом кустов грязная лужа стоит. «Хорошо, застрелю; только, батька, сам доставай». Царский зять застрелил пташку, а поп полез доставать; только пошел в кусты, а хитрый царевич вытащил свою дудочку и заиграл в нее. Поп плясать пустился: так и скачет, так и прыгает, весь-то он в кустах изодрался, ноги, руки, лицо в кровь исцарапал, весь-то он

в луже измазался. Перестала дудочка играть, а поп еле дух перевести может. Вылез усталый, избитый, испачканный; рассердился и пошел к царю жаловаться: «Твой-де зять избил меня всего, а за что — не знаю; ехал на охоту, напал на меня и давай тузить; чуть-чуть не убил, насилу убежал».

Гневен стал государь, разослал слуг во все стороны, чтобы тотчас же привели к нему зятя. Приехал царевич домой, царь захотел судить его перед всем народом, велел собрать и вельмож, и войско, и купцов, и чернь; по тому приказу живо все сошлись на площадь и стали супротив царского крыльца. Царь вышел на свое высокое крыльцо и говорит зятю: «Показывай по сущей правде, как дело было?» Царевич вынул свою дудочку; поп, как увидел ее, побледнел со страху, лихорадка так его и трясет, и начал просить, чтобы взяли его да покрепче к каменному столбу привязали. Тотчас явилась стража с веревками, скрутила ему руки и накрепко притянула к столбу. «Косу-то, косу-то привяжите!»— кричал поп. Привязали и косу.Тут царевич заиграл в дудочку, и, боже мой, весь народ, все войско, и сам царь с придворными пустились вприсядку отжаривать, а поп головой о каменной столб бьет, ногами всякие шутки выделывает, а сам что есть мочи орет да в грехах кается. Перестал царевич играть, и все затихло. Царь узнал, в чем было дело, прогнал попа со своих светлых глаз, зятя простил и после того долго-долго смеялся его шутке.

НЕ ЛЮБО, НЕ СЛУШАЙ

Как у нас на селе подралась попадья с дьяконицей; маленько поноровя, черт треснул пономаря; поп затужил и обедни не служил. Собрались сельски, деревенски, господски, посадски, собралось семьдесят семь нищих; плели они лычный колокол о сто пудов, повесили на крапивный сук, ударили в соборе не рано; услыхали люди не мало; Филька да Илька, Савка да Ванька. Приносили они нищим пищу: куричьи сливки, свиные рожки, бараньи крылья. Пошел Ванька в кладь, взял кусок железа, сковал себе топор — ни мал, ни велик — с комарье плечо. Пошел с ним в чистое поле пресвятое дерево рябину рубить; впервые тюкнул — пошаталась, вдругорядь тюкнул — повалилась. Он рубил-рубил, ничего не срубил, только у себя как-то ногу отсек. День лежал и ночь лежал, никто не спознал; спознали комар да муха, зеленое брюхо; посадили его на колоска, повезли на небеска. На небесах стоит церковь — из пирогов складена, шаньгой покрыта, калачом заложена. Ванька на это хитер бывал: взял — калач переломил, да и двери отворил. В церкви-то все не по-нашему: паникадило репяное, свечи морковны, образа — пряничны; стоит поп железный, пономарь оловянный, жестяная просвирня. Он у них спросил: «Когда у вас бывает репно заговенье?» Они ничего ему на то не сказали, а Ванька осерчал, по щелчку им дал, да с неба упал.

СОЛДАТ-СКРИПАЧ И ЧЕРТ

Солдат идет в отпуск, садится около ручья на отдых и играет на скрипке. Приходит черт, зовет его к себе в гости. Солдат проводит три года, как три дня, и боится вернуться в полк. Черт делает его попом. Поп служит в праздник обедню. Черт приходит и заставляет его играть на скрипке. Поп играет. Его берут и сажают в острог. Черт его освобождает из темницы.—«Что ты обробел,— говорит нечистый,— я тебя теперь архиереем сделаю» .

Приводит солдата в иное государство и выдает его за архиерея. Король взял его к себе и дал место в своем столичном городе. А у этого короля были три прекрасные дочери. Настал великий пост, и вздумали они говеть. Пришло время — надо исповедоваться. Вот пошла старшая королевна к архиерею на исповедь, покаялась в своих грехах. И дает ей архиерей крест целовать. Вдруг является к нему нечистый и на ухо шепчет: «Что, она совсем исповедалась?»—«Совсем!»—«Ну, теперь возьми ее, поцелуй».—«Как можно,— я за это могу пострадать!»—«Ничего не бойся,— целуй смело». Архиерей взял да и поцеловал ее. Она пошла от него и думает: «Видно, так по закону следует».

Приходит на исповедь середняя королевна. Покаялась. Дает ей архиерей крест целовать. В ту же минуту опять шепчет ему на ухо нечистый: «Совсем ли исповедалась?»—«Совсем!»—«Ну, возьми ее за груди».—«Ах, что ты! Король меня за это смерти предаст».—«Ничего, хватай смело за груди». Он взял пощупал ее и отпустил от себя. Королевна пошла, думает, что так по закону и следует.

Наконец приходит меньшая королевская дочь. Отисповедовал ее архиерей и дает крест целовать. Вдруг является нечистый и опять шепчет: «Что, кончил исповедь?»—«Кончил!»—«Ну теперь сотвори с ней грех».—«Нет, ни за что не сделаю. Король меня непременно на казнь отдаст».—«Делай, что говорю,— все равно тебе пропадать. Если не сотворишь с нею греха, я всем объявлю, что ты беглый солдат, а не архиерей». Архиерей — делать нечего — повалил королевну и тут же в церкви давай ее скоблить. Отработал и отпустил. И эта

королевна пошла и думает: «Видно, так по закону велено!» С того самого часу младшая королевна забрюхатела.

Прошло несколько месяцев. Отец заметил, что у ней брюхо подымается, и стал ее спрашивать: «Что это с тобой? Отчего брюхо выросло?»—«Оттого, батюшка, что как ходила я к архиерею на исповедь, то он меня взял повалил да немножко подавил».

Король велел архиерея посадить в крепость и нарядил над ним суд. На том суду приговорили его повесить.Сидит архиерей один с кручиною в темнице и смотрит в окно. А перед окном уже виселицу ставят.—«Что вы строите?»— спрашивает он у рабочих. —«Что, ан, не знаешь? Это виселица. Ни для кого другого — для тебя трудимся!» Еще больше задумался бедный солдат: «Связался я на свою беду с чертом!» В ту же минуту явился к нему нечистый. —«Не кручинься,— говорит,— я тебя выручу. Как поведут тебя вешать да наденут петлю на шею, скажи королю, что королевна на тебя наклепала, что у тебя и того-то нет, чем грех творят. Уж я так сделаю, что у тебя на то время кляпа не будет». Сказал и пропал.

Вот повели архиерея на виселицу. Народу собралось великое множество. Надели на него петлю, а он стал говорить: «Ваше королевское величество! Не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить».—«Говори!»— говорит король. «Ваше величество! Право слово, я ничем не виновен, все это напраслина! У меня даже и того нет, чем грех творят». Король приказал его осмотреть. Тотчас же подскочили к нему придворные, спустили штаны и подняли вверх рубаху — а у архиерея, по дьявольскому хотению, вместо простого хуя — лошадиной меж ногами висит. Так весь народ и ахнул. «Ах, Боже мой! Как она, бедняжка, под эдоким хуем выдержала!»— сказал король и приказал, не мешкая ниминуты, тащить архиерея на виселицу. Стали поднимать его на виселицу, а черт невидимо подбросил ему под ноги свою голову. Все думают, что он мертвый, а он как ни в чем — живехонек! Народ разошелся и разъехался в разные стороны, а дьявол оборвал веревку, освободил солдата от смерти и пошел с ним в другой город. «Что, хочешь быть опять архиереем?»— спрашивает нечистый. «Нет, спасибо, и так страху набрался».

Черт делает солдата купцом, а сам уходит в тридесятое царство — мучить царевну. Солдат пробирается туда же, выдает себя за лекаря. Заказывает кривые клещи и садится во дворце перед царевниной спальней. Приходит дьявол, поздоровался с ним, спрашивает: «Что это за штука?»—«Это клещи, кривые пальцы выпрямлять, чтоб лучше на скрипке играть».—«Выправь мне». Солдат сжимает его руки в тиски, бьет, освобождает царевну и делает затем уговор с чертом, чтоб ему не подходить к царевниному дворцу за сто верст, а солдату не выходить из дворца дальше тридцати верст. Если выйдет дальше, да попадется нечистому — тот его задушит!

Женился солдат на царевне, сделался сам царем, позабыл уговор и поехал в загородный сад. Тут попался он черту. Черт позволил ему напоследок только с женой проститься. «Ну, жена!

— говорит царь,— принимай стыд ради меня: становись раком». Она стала раком, он заворотил ей подол, а нечистый подошел спереди, увидел у царицы меж ногами язвину. Вдруг как закричит: «Ах ты проклятый! Опять клещи привез!»— и бросился от него бежать сколько сил было.

Так беглый солдат избавился от черта и остался царствовать в своем государстве.

СОЛДАТ-СКРИПАЧ И НЕЧИСТЫЙ

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, где мы живем, жил-был царь. У того царя поселился во дворцовой палате черт — не дает никому отдыху! Вот царь и пообещал отдать свою дочь за того замуж, кто переночует ночь в этой палате и жив останется. Много находилось охотников, только все наутро помирали — поминай, как звали! Уж и охотников больше не стало. Тут приходит к царю отставной солдат. «Здравствуй, служба! Что скажешь?»—«Хочу, ваше величество, с чертом помериться».—«Ну что ж, ночуй себе во дворце — мне все едино, за кого не выдать дочь — только б молодец был».

Вот солдат взял скрипку, два штофа водки, топор, бритву да железную палицу и пошел в палату, где черт поселился. Сел за стол и попивает себе водочку да орехами закусывает. Вдруг выскочил нечистый. «Что ты, русский солдат, здесь делаешь?»—«Водку пью».—«Дай и мне!»—«Изволь».

Нечистый взял штоф, да весь сполна и осушил. И порядком его поразбрало. Подгулял дьявол, хоть и плясать — так готов! А солдат тотчас за скрипочку и давай камаринскую отжаривать. Нечистый плясал, плясал, уморился и говорит: «Важно, русский солдат, ты играешь! Поучи-ка меня».— «Хорошо, кому ж и играть, коли не тебе, добру молодцу». Взял топор, расколол одну перекладину и забил в нее здоровенный клин. «Ну,— говорит нечистому,— лезь на стул да клади в щель лапы».— «А зачем?»—«Затем, что такова наука».

Нечистый просунул в щель свои лапы, взял скрипку и смычок, а солдат в ту же минуту и клин вытащил, и стул принял — так и приплюснуло дьявольские лапы, и сам-то черт так и повис на перекладине! Солдат тотчас за бритву, поднял нечистому хвост, обрил ему жопу. Потом ухватил железную палицу и давай угощать по голой заднице. Бьет да все приговаривает: «Живей смычком води! Чаще пальцами перебирай!»—«Отпусти, русский солдат,— кричит нечистый.— Не хочу на скрипке учиться!»— «Нет, брат, врешь. Кому и музыканту быть, коли не тебе, добру молодцу». А сам знай лупит по бритой заднице. Только к утру его отпустил. Черт вырвался да бежать.

Видит царь, что солдат справил свое дело, и выдал за него дочь свою, царевну. Женился солдат, взял свою молодую жену и поехал домой. А черт давно его стережет: «Отплачу,— думает,— за обиду — задушу русского солдата». Как только поехал солдат с женою в путь-дорогу, он и пустился догонять его. Видит солдат:

дело нехорошее! Снял царевну с повозки и поставил раком на земле; задрал ей хвост и давай жопу брить. Черт как увидел это, сейчас назад. Прибежал в пекло, словно в лихорадке трясется: «Что ж ты, задавил русского солдата?»—«Да погоди-ка, задави его! Он царевну учит на скрипочке играть, уж жопу ей бреет».

СОЛДАТ И ЧАСЫ

Был на свете царь, у него была любимая дочь Анна-царевна, на возрасте, красоты неописанной, и сидела она в белокаменных палатах, в высоких теремах за двенадцатью дверями; и у каждых дверей стояла на карауле стража великая, никого кроме царя да придворных нянюшек-матушек к ней не пускала. Не токмо человек, муха туды не пролетит.

Случилось в некое время стоять во дворце на часах одному бравому солдату, стоит он и вслух сам с собой разговаривает: «Если б у меня было столько денег, сколько у нашего царя, я бы и сам не глупей его был». Услыхал эти речи царь, осерчал и говорит: «Слушай ты, умная голова, коли ты не хвастаешь, то вот тебе сроку три месяца, бери себе денег сколько надобно, гуляй сколько хочешь, только ухитрись — сотвори грех с моей дочерью. Если это не сделаешь, велю тебя за твою похвальбу словно пса повесить!»

Вот солдат месяц гуляет, и другой гуляет; а как сотворить грех с царевною — не ведает, даже к теремам ее подойти боится. Уж и третий месяц на исходе, пошел он в кабак, спросил штоф водки, пьет, а сам слезно плачет: «Пропадай,— говорит,— моя жизнь молодецкая!» Подошел к нему горький пьяница, ярыга кабацкая: «О чем, брат, плачешь?»—«Эх, лучше не спрашивай. Пропадаю за свою похвальбу!»—«Поднеси мне стакан, я твое горе рассужу». Солдат поднес ему стакан водки и рассказал, как было дело. «Это еще не беда,— говорит горький пьяница,— есть у тебя деньги?»—«Еще бы не быть: мне царская казна не заказана, сколько хошь бери».—«Ну, пойдем на взморье; там приехали чужестранные купцы, привезли с собой штуки разные, затейливые».

Побежали на взморье; зашли на купеческий корабль. Стали разные товары высматривать и выбрали славные стенные часы, в большой футляр вделаны; с музыкой, с барабанами и всякими немецкими хитростями. Тотчас солдат сторговался, заплатил за те часы чистым золотом; сам в футляр залез и приказывает: «Ну, купцы-торговцы, отнесите часы во дворец да бейте царю челом, чтоб на двор принял». Купцы принесли часы во дворец и били челом государю; царь принял подарок. Как увидел он, что часы-то с музыкой и с барабанами, тотчас велел иноземным гостям торговать безданно-беспошлинно, а часы поставить в спальню к царевне, пускай-де тешится.

Ну, солдату того и надобно. Царевна сильно возрадовалась, заставила часы играть, а сама в танцы пустилась; весь день

проплясала. Приходит ночь. Легла она усталая и крепко-крепко уснула. Солдат вылез потихоньку из футляра, прямо к царевне, заворотил ей сорочку и давай накачивать. Царевна почуяла сласть-то и спрашивает: «Кто это?» А солдат в ответ: «Ангел божий — слетел с небес да на тебя влез! От нас с тобой все святые народятся!»—«Ах как славно! Вот тебе за то мой именной перстень на память». Солдат взял перстень, спрятался опять в футляр и нарочно испортил музыку. Наутро стала царевна заводить часы — нет, не играют, испорчены. Как тут быть? Сейчас послали за иноземными купцами, приказали взять часы и исправить музыку. Купцы увезли часы в починку, отворили футляр и выпустили солдата. А уж срок совсем вышел; царские слуги бегают да ищут того солдата, увидали и повели: «Пойдем,— говорят,— Варвара, на расправу!» Вот привели его к царю. «Здравия желаю, ваше величество».—«Здорово, умная голова! Ну что, сделал свое дело?»—«Сделал, ваше величество!»— «Врешь ты, каналья?»—«Извольте сами спросить у царевны: прилетал ли к ней ангел и что она пожаловала ему на память?»—«Позвать царевну!»— закричал царь.

Позвали. «Говори, дочка, кто у тебя был севод-няшню ночь?»—«Ах, папенька! Прилетал ангел с небес да на меня влез — так-то сладко было; я ему именной перстень пожаловала». Солдат вынул царевнин перстень и подал государю. «Ну, хитер же ты, служивый,— сказал царь,— ступай домой с богом, денег сколько знаешь возьми, только помни, никому не хвались, что с моей дочерью сделал, не то прикажу казнить». С той поры стал солдат при деньгах. Живет себе да служит, ни о чем не тужит.

БЕГЛЫЙ СОЛДАТ

Беглый солдат залез ночью к одному мужику в ригу и залег на сене спать. Только стал засыпать, слышит — кто-то идет. Солдат испугался и залез под самую крышу. Вот пришла туда девка, а за нею парень, принесли с собой вина, разных закусок, поставили в угол, разделись, ну и давай целоваться, да любоваться. Девка говорит: «Ах, милый друг, коли бог даст, да рожу я ребенка — кто за ним присмотрит, кто его выходит?» А парень отвечает: «Тот, кто над нами!»

Как услыхал эти речи солдат, не вытерпел и закричал: «Ах вы, подлые! Вы блуд творите, а я за вас отвечать буду?!» Парень тотчас вскочил да бежать. Девка тоже — давай бог ноги! А солдат слез наземь, забрал их одежу, вино и закуски и пошел сноей дорогой.

СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

Стояли *в* деревне солдаты, и бабы были к ним очень привычны. Дело-то, знаешь, было не без греха: хозяин на заработку, а хозяйка с солдатом! Вот у одного мужика была жена больно гульливая: много раз заставал он ее и с мужиками-то, и с солдатами, а все она права оставалась. В одно время застал ее мужик с парнем в сарае: «Ну, что теперь станешь говорить?» А она как встала да прибежала в избу — сейчас бросилась к свекрови и давай плакать. Пришел муж и говорит: «Ну, матушка! Я людям не верил, а теперь сам застал жену с парнем в сарае». А баба со слезами: «Видишь, матушка, какую терплю я напраслину!»—«Ах ты, блядь, проклятая! Вить я сейчас поднял тебя из-под Андрюшки!»—«Врешь, подлец! Ну-ка скажи, куда я головой лежала?» Мужик задумался и сказал: «А черт тебя знает, куда ты головой лежала?»—«Вот вишь, матушка, как он врет-то на меня!» Мать накинулась на сына и давай его ругать. «Хорошо,— говорит мужик,— я тебя, голубушку, опять скоро поймаю!»

Прошло несколько времени, связалась та баба с солдатом, и пошли они вместе в сарай. Положил ее солдат на вязанку соломы и давай еть. Хозяин-то и подметь, пришел в сарай и захватил солдата на своей жене. «Их, брат служивый! Это нехорошо».— «Черт вас разберет!— отвечает солдат,— она говорит — хорошо, а ты нехорошо. На вас не угодишь!»—«Я, брат служивый, пойду на тебя просить!»—«Ну, ты ступай, еще проси, а я уж выпросил».

СОЛДАТ И БАРИН

Вышел солдат в отпуск, нанялся служить к скупому барину, в год — за сто рублей; помещик велел ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести, словом сказать,— не дает ему отдыху ни на минуту, совсем измучил работой. Отслужил солдат год и просит расчета. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам ревмя ревет: «О чем вы, сударь, плачете?»— «Да денег жалко!»—«Экой ты, барин! Ведь я тебе целый год прослужил; если бы ты мне прослужил три дня, так я б тебе отдал сто рублей и слова не сказал».—«Три дня — немного»,— думает барин.

Пошел советоваться с барыней. Она говорит: «Что ж, отслужи три дня!» А сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу; ему — не мне плохо будет». Барин согласился. Солдат поужинал, лег спать в сарае, разулся, один сапог забросил в один угол, другой — в другой угол. Поутру проснулся, кричит: «Эй!» Помещик входит. «Подавай сапоги; я хочу одеваться!» Помещик хвать — сапогов нету, и запорол горячку. Спрашивает солдата: «Где твои сапоги?»—«Ах ты, сукин сын, каналья, ты у барина спрашиваешь о сапогах? Верно и не чистил их!»— да хвать его по уху, да по другому. Барин туда-сюда, насилу один сапог отыскал, а другого нет. «Подайте палок!»— закричал солдат и давай дуть помещика, до того промял, что он не рад и деньгам. «Не хочу,— говорит,— тебе служить, возьми свои деньги, черт с тобой!»

ВОР

Живал-бывал Микулка вор. Услыхал про него барин, что Микулка хоть что так украдет; призывает его и говорит: «Укради из-под меня с барыней пуховик; коли украдешь — сто рублей, не украдешь — сто плетей».—«Идет!»— отвечает Микулка. «Когда ж воровать придешь?»—«Нынче ночью ».—«Ладно!»

Барин лег спать с барыней, а Микулка еще спозаранок забрался к нему под кровать, выждал, когда все уснули, да и напакостил промеж барина с барыней. Барин с барыней проснулись, стали друг на друга сваливать, подняли шум, никто не переспорит. Встали оба, ухватились за перину, да никак не стащут; принялись звать человека.

Тут откуда ни взялся Микулка и потащил перину на двор. Барин думает, что это ихний слуга. «Смотри же,— приказывает,— хорошенько вытряси, чтоб чисто было». Микулка унес перину к себе. А барин с барыней ждали — так и не дождались; кого ни спрашивали — никто ничего не знает. Утром приехал Микулка на барский двор и перину привез: «Принимай, барин, да плати сто рублей!»— «Возьми хоть двести, только никому не сказывай, что мы с барыней опакостились».

Через неделю зовет барин Микулку: «Украдь,— говорит,— у меня жену; украдешь — сто рублей, не украдешь — сто плетей». —«Изволь, барин!» Воротился Микулка домой и велел купить водки и закусок разных, а сам пошел попа в гости звать. *Поп тому и* рад. Известное дело, у попа глаза завистные, рад на чужой счет нажраться, напиться. До тех пор поп тянул водку, пока с ног свалился.

Микулка раздел его чуть не до грешного тела, нарядился в поповскую рясу и пошел на барский двор; смотрит: кругом стоят сторожа с дубинами, все барыню берегут. Вошел Микулка в хоромы. «Здравствуйте, батюшка!»— говорит барин. «А я мимо вашего двора шел,— сказывает облыжной поп,— смотрю — стоят везде сторожа с дубиною; дай, думаю себе, зайду да разузнаю, что такое?»— «Знаете ли вы, батюшка, Микулку вора?»—«Как не знать? Такой плут, каких еще не бывало, давно бы повесить пора». —«Вот он самый и похвалялся украсть нынешнюю ночью мою барыню».—«Не ладно дело. От него, хоть втрое больше поставь сторожей, все не убережешься».—«Да что же мне делать-то?»—«А вот что: отошлите-ка свою барыню (да потихоньку, чтоб никто не знал) к моей попадье, пусть вместе ночь проведут. Хоть Микулка и придет воровать, так барыни не найдет».—«И то правда. Спасибо вам, батюшка, что надоумили».— «Я, пожалуй, сам и

провожу барыню».

Повел Микулка барыню, только не к попу на двор, а прямо к себе. Наутро посылает барин к нему [попу] за женой, а тот еще спит с похмелья. Попадья и говорит: «Никакой барыни у нас не было, да и муж с самого вечера, как притащили пьяного от Микулки, никуда не выходил из дому, лежит словно убитый — и не ворохнется». Нечего делать, пришлось барину выручать свою жену от Микулки. Заплатил ему сто рублей, взял барыню и пошел домой, только в затылке почесывается.

Случилось попу быть у барина в гостях; зашла речь про Микулку, что вот-де вор — такой хитрый: с живого штаны сымет. А поп говорит: «Кому как, а мне Микулка не страшен: я и сам хитер».—«Ну, батька, не хвались, прежде богу помолись». И приказывает барин своим холопьям позвать Микулку: «Поп -де не верит твоей удали, так покажи ему».— «Отчего не показать? Рад стараться». «А ну,— говорит поп,— украдь у меня сто рублей!»—«Украду».—«Да как же ты украдешь, когда я их повешу на шею себе?»—«Про то мне знать».

Поп как приехал домой от барина, сейчас вынул из сундука сто рублей, завернул в лоскутье и повесил на шею. Уж на дворе давно темно. Поп все не спит, боится, как бы вор не явился да не отобрал денежек. Микулка подвязал себе крылья, взял большой кошель, собрался и полез к попу в окно. Поп видит, крылатый человек у окна и принялся читать заклятие: «Сгинь, пропади, дьявольское наваждение».—«Я не бес,— говорит Микулка,— я — ангел с небес».—«Почто ты ко мне прилетел?»— «Господь велел взять тебя на небо, садись в кошель».

Поп сел в кошель. Микулка поднял его и понес на колокольню: начал было подниматься по лестнице, *остановился и говорит: «Отче, или согрешил, или* при тебе есть что мирское, больно тяжело тебя нести. Покайся наперед в грехе и сбрось с себя все мирское». Поп вспомнил, что у него на шее сто рублей привешено, снял их и отдал вору. Микулка втащил его на самый верх, привязал к перекладине и давай отзванивать во все колокола. Стал народ просыпаться, что за звон такой? Побежали все на колокольню — нет никого (Микулка уж успел улизнуть с поповскими деньгами), только мешок на перекладине болтается. Сняли мешок, распутали, а в нем поп сидит.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП ТЕЛЕНКА РОДИЛ

Был-жил поп да попадья. У них был казак, по имени Ванька; только житье у них казаку было не очень-то хорошее: больно скупа попадья была. Вот однажды поехал поп с казаком по сено, верст за десять. Приехали, наклали воза два. Вдруг пришло к сену стадо коров. Поп схватил хворостину и давай за ними бегать; прогнал коров и воротился к казаку весь в поту. Тотчас вместе докончили работу и поехали домой. Было темно. «Ванька,— сказал поп,— не лучше ли нам ночевать в деревне хоть у Гвоздя: он — мужик добрый, да у него и двор-то крытый».—«Хорошо, батюшка»,— отвечал Ванька.

Приехали в деревню, выпросились ночевать у того мужика. Казак вошел в избу, помолился Богу, поклонился хозяину и сказал: «Смотри, хозяин, когда станешь садиться ужинать, то скажи: садитесь, все крещеные; а если скажешь попу: садись, отец духовный, то он рассердится на тебя и не сядет ужинать; он не любит, когда его так называют». Поп выпряг лошадей и пришел в избу, тут хозяин велел жене собрать на стол и, когда все было готово, сказал: «Садитесь, все крещеные, ужинать». Все сели, кроме попа; он сидел на лавочке да подумывал, что его хозяин особенно просить станет, ан то и не сбылось. Отужинали. Хозяин и спросил попа: «Что, отец Михаил, не садился с нами ужинать?» А поп отвечал: «Мне не хочется есть».

Стали ложиться спать. Хозяин отвел попа и его казака в скотницу, потому что в ней было потеплее, чем в избе. Поп лег на печь, а казак на полати. Ванька сейчас уснул, а поп все думает, как бы найти что-нибудь поесть. А в скотной ничего не было, окромя квашни с раствором. Поп стал будить казака. «Что, батюшка, надобно?»—«Казак, мне есть хочется».—«Ну, так что не ешь? В квашне тот же хлеб, что и на столе,— сказал Ванька и сам сошел с полатей, наклонил квашню и говорит:—будет с тебя». Поп начал лакать из квашни, а Ванька как будто невзначай толкнул ее и облил попа раствором. Поп, налакавшись досыта, лег опять и скоро заснул.

В это время отелилась на дворе корова и стала мычать. Хозяйка услыхала, вышла на двор, взяла теленка, принесла в скотную и пихнула его на печь к попу; а сама ушла. Поп проснулся ночью, слышит: кто-то лижет его языком; схватил рукою теленка и стал будить казака. «Что опять понадобилось?»— сказал Ванька. А поп: «Ванька! Ведь у меня на печи-то теленок, и

не знаю: откуда он явился?»— «Вот еще что выдумал, сам родил теленка, да и говорит: не знаю, откуда взялся».—«Да как же это так могло статься?»—спрашивает поп.—«А вот как; помнишь, батюшка, как мы сено клали, мало ли ты бегал за коровами! вот теперь и родил теленка!»—«Ванька, как бы сделать, чтобы попадья не узнала?»—«Давай триста рублей, все сделаю, никто не узнает». Поп согласился. «Смотри же,— говорит казак попу,— ступай теперь тихонько домой, да надень вместо сапогов мои лаповики».

Только что ушел поп, казак к хозяину: «Ах вы, ослы! Ведь не знаете того, что теленок попа съел, оставил только одни сапоги. Ступайте посмотрите». Напуганный мужик обещал казаку триста рублей, чтоб обделать дело так, чтоб никто про это не узнал. Ванька все обещался сделать, взял деньги, сел на лошадь и поскакал за попом. Нагнал его и говорит: «Батюшка, теленка-то хозяин хочет привести к попадье, да сказать, что ты его родил». Поп еще больше испугался и набавил Ваньке сотнягу: только обделай все тихонько. «Ступай себе, все сделаю,—сказал казак и поехал опять к мужику:— Ведь попадья сойдет с ума без попа, тебе худо будет». Этот простофиля дал казаку еще сотнягу: «Только обмани попадью, да никому не сказывай».—«Хорошо, хорошо!»— сказал казак; приехал на погост, содрал с попа денежки, отошел от него, женился и стал себе поживать да добра наживать.

В-ЧЕМ-Я?

Жил-был старик со старухою; у них был сын Иван-дурак. Пришло время — старик со старухой умерли. Иван-дурак и говорит: «Что мне жить одному дома, лучше идти на Божий путь бурлачить». Вот он и пошел. Ему навстречу попал поп. Поп говорит Ивану-дураку: «Ты куда пошел?» Иван-дурак отвечает: «Да вот отец и мать у меня умерли, так я пошел бурлачить». —«Наймись ко мне в строшны».—«Пожалуй».—«Тебя как зовут?»—«Зовут меня: В-чем-я».

Вот поп нанял строшного. После и спрашивает у него: «Ты учен грамоте?»—«Учен».—«Ну, пойдем,—говорит поп,—обедню со мной служить».— «Пожалуй, пойдем». Они зашли в церковь. Поп надевает на себя ризу, а Иван-дурак спрашивает: «А мне чего надеть-то?»—«Где-то был куль рогожный,— сказывает поп,— надень хоть его». Иван-дурак принес куль, спрашивает: «Как же надевать его? Куда голову запихать-то?» Поп говорит: «Где-то был нож?»— принес его, перерезал в куле дыру: «Пихай вот сюда».

Иван надел куль и стал служить за дьякона. Поп учит его: «Говори: благослови, владыко».—«А Иван ему: «А тебя, батько, можно повесить на лыко?» Поп взял и выгнал его из церкви. Иван-дурак побежал к попадье: «Давай, попадья, четыреста рублев, поп деревню купил». Она и отдала ему четыреста рублей. В поповой избе стояла квашня с раствором; Иван взял да и вылил раствор попу в шляпу, поставил ее на стол и закрыл платком, а сам убежал.

Приходит поп от обедни домой. Попадья спрашивает: «На какую деревню просил ты четыреста рублев денег?»—«Что ты, вздурела? Когда я просил?»—«Да строшной приходил за ними, говорит: батько деревню купил; я ему сама отдала».—«Что ты, подлая, наделала? Ведь он обманул тебя!»

Схватил поп шляпу с раствором-то, надел на себя: «Побегу,— говорит,— нагоню его». Вот и побежал догонять; бежит себе, а мужик навстречу дрова везет. Поп спрашивает у него: «Не видал ли, свет, В-чем-я?»—«Да, кажись, в растворе, батюшка». Поп побежал дальше, увидал другого мужика, спросил и этого; он то же сказал. Поп пустился еще дальше, увидел третьего мужика — рубит в лесу дрова. «Дядюшка,—спрашивает его,—скажи, не видал ли ты В-чем-я?»—«Да ты, батько, весь в растворе. Оглянись на себя — сам увидишь».

Поп осмотрелся, а по нем из шляпы так и ползет раствор-то. Поп вернулся домой, весь морщится. «Что, поп, морщишься? Али гриб с корешком съел?»— спрашивает попадья. Поп осерчал,

выбил попадью и пошел с горя в кабак, да пропил себе рясу.

СУД О КОРОВАХ

В одной деревне жил-был поп да мужик; у попа было семь коров, у мужика была только одна, да хорошая. Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться, да отжилить у мужика и последнюю корову: «Тогда было бы у меня восемь!» Случился как-то праздник, пришли люди к обедне, пришел и тот мужик. Поп вышел из алтаря, вынес книгу, развернул и стал читать середь церкви: «Послушайте, миряне! А еще кто подарит своему духовному пастырю одну корову — тому Бог воздаст по своей великой милости: та одна корова приведет за собой семеро!» Мужик услыхал эти слова и думает: «Что уж нам в одной корове? На всю семью и молока не хватает. Сделаю-ка я по Писанию, отведу корову к попу. Может, и впрямь Бог смилуется».

Как только отошла обедня, мужик пришел домой, зацепил корову за рога веревкою и повел со двора к попу. Привел к попу: «Здравствуй, батюшка!»—«Здорово, свет, что хорошего скажешь?»— «Был я сегодня в церкви, слышал, что сказано в Писании: кто отдаст своему духовному отцу одну корову, тому она приведет семеро. Вот я, батюшка, и привел к вашей милости в подарок корову».— «Это хорошо, свет, что ты помнишь слово Божие! Бог тебе воздаст за то седьмерицею. Отведи-ка, свет, корову в сарай и пусти к моим коровам». Мужик свел свою корову в сарай и воротился домой. Жена ну его ругать: «Зачем, подлец, отдал попу буренку? С голоду что ли нам пропадать, как собакам?»—«Эка ты дура,— говорит мужик,— разве ты не слыхала, что поп в церкви читал? Дождемся, наша корова приведет за собой еще семь: тады похлебаем молочка досыта!»

Целую зиму прожил мужик без коровы. Дождались весны. Стали люди выгонять в поле коров, выгнал и поп своих. Вечером погнал пастух стадо в деревню; пошли все коровы по своим дворам, а корова, что мужик попу подарил, по старой памяти побежала на двор к своему прежнему хозяину; семеро поповых коров так к ней привыкли, что и они следом за буренкою очутились на мужицком дворе. Мужик увидел в свое окошко и говорит своей бабе: «Смотри-кась, ведь наша корова привела за собой целых семь. Правду читал поп: Божие слово завсегда сбывается. А ты еще ругалась. Будет у нас теперича и молоко и говядинка». Тотчас побежал, загнал всех коров в хлев и накрепко запер.

Вот поп видит: уж темно стало, а коров нету, и пошел искать по деревне. Пришел к этому мужику и говорит: «Зачем ты, свет, загнал к себе чужих коров?»—«Поди ты с Богом! у меня чужих

нет, а есть свои, что мне Бог дал: это моя коровушка привела за собой ко мне семеро, как помнишь, батька, сам ты читал на празднике в церкви».—«Врешь ты, сукин сын! это мои коровы». —«Нет, мои». Спорили-спорили, поп и говорит мужику: «Ну, черт с тобой. Возьми свою корову назад; отдай хоть моих-то».—«Не хошь ли кляпа собачьего?»

Делать нечего, давай поп с мужиком судиться. Дошло дело до архиерея. Поп подарил его деньгами, а мужик холстом, архиерей и не знает, как их рассудить. «Вас,— говорит им,— так не рассудишь. А вот что я придумал: теперь ступайте домой, а завтра из вас кто придет раньше утром ко мне, тому и коровы достанутся». Поп пришел домой и говорит своей матке-попадье: «Ты, смотри, пораньше меня разбуди завтра утром». А мужик, не будь дурак, как-то ухитрился, домой-то не пошел, а забрался к архиерею под кровать. «Здесь,— думает себе,— пролежу целую ночь и спать не стану, а завтра рано подымусь — так попу коров-то и не видать».

Лежит мужик под кроватью и слышит: кто-то в дверь стучится. Архиерей сейчас вскочил, отпер дверь и спрашивает: «Кто такой?»—«Я, игуменья, отче!»—«Ну, ложись-ка, мать игуменья, на постель». Легли они на постель; стал архирей ее щупать за титьки, а сам спрашивает: «Что это у тебя?»— «Это, святый отче, сионския горы, а пониже — долы». Архирей взялся за пупок. «А это что?»—«Это пуп земли». Архирей спустил руку еще ниже, щупает игуменью за пизду. «А это что?»—«Это ад кромешной, отче!»—«А у меня, мать, есть грешник, надо его в ад посадить». Взобрался на игуменью, засунул ей грешника и давай наяривать; отработал и пошел провожать мать игуменью. Тем временем мужик потихоньку выбрался и ушел домой.

Поп на другой день поднялся до света, не стал и умываться — побежал скорей к архирею, а мужик выспался хорошенько, проснулся — уж давно солнце взошло, позавтракал и пошел себе потихоньку. Приходит к архирею, а поп давно его ждет. «Что, брат, чай, за жену завалился!»— подсмеивает поп. «Ну,— говорит архирей мужику,— ты позже пришел...»—«Нет, владыко! Поп пришел позже, а я пришел еще в то самое время, как ты ходил по сионским горам да грешника сажал в ад!» Архирей замахал обеими руками. «Твои,— говорит,— твои, мужичок, коровы! Точно, твоя правда: ты пришел раньше!»

Так поп и остался ни при чем, а мужик зажил себе припеваючи.

ЖАДНЫЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесет гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет стрaмить: «Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, Богу молится».

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился. «Послушай, проклятый,— говорит ему,— откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?»— «Помилуй, батюшка, где я больше возьму? что есть, то и даю!»—«По блядям да по кабакам носить, небось, есть деньги, а духовному отцу одни грехи тащишь! ты про эдакий случай хоть украдь что да продай, а священнику принеси, что подобает; заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал; так он все тебе грехи отпустит». И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди. «И не приходи ко мне без гривенника».

Солдат пошел прочь и думает: «Что мне с попом делать?» Глядит, а около крылоса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка. «Дайка,— говорит сам себе,— попробую эту шапку утащить». Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу. «Ну что, принес гривенник?»— спросил поп.—«Принес, батюшка».—«А где взял, свет?»— «Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник». Поп взял этот гривенник и говорит: «Ну, Бог тебя простат, и я тебя прощаю и разрешаю».

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедывать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к крылосу взять свою шапку, а шапки-то нету: так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает: «Что угодно, батюшка?»— «Ну, скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?»— «Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит».—«А из которого места ты ее стащил?»— «Да в нашей церкви висела она на поповской палке у самого крылоса».—«Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца? Ведь это смертный грех!»—«Да вы, батюшка, сами меня от этого греха разрешили и простили».

ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

Пришел великий пост: надо мужику итить на исповедь к попу. Завернул он в кулек березовое полено, обвязал его веревкой и пошел к попу. «Ну, говори, свет, в чем согрешил? А это у тебя что такое?»—«Это, батюшка, белая рыбица, тебе на поклон принес!»—«Ну, это дело хорошее! Чай замерзла?»—«Замерзла, все на погребе лежала».—«Ну, когда-нибудь растает!»—«Я пришел, батюшка, покаяться: раз стоял за обеднею да бзднул».—«Что это за грех! Я и сам один раз в алтаре перднул. Это ничего, свет! Ступай с Богом». Тут начал поп развязывать кулек, смотрит, а там березовое полено. «Ах ты, бздун проклятый! Где же белорыбица-то?!»—«Хуя не хочешь ли, пердун эдакой!»

АРХИЕРЕЙ ОТЧИТЫВАЕТ

Был у барина продувной слуга Ванька. Убежал от него и принялся воровать да плутовать. Идет он по рынку, видит: мужик свинью продает. «Что, продаешь свинью?»—«Продаю».—«А сколько просишь?»—«Пять карбованцев».—«Ну, вези за мной на архиерейский двор; нам архиерей не приказывал торговаться». Приехали на архиерейский двор.

А Ванька знал, что архиерей нечистых из людей выгоняет, отчитывает. Сейчас бросился к нему: «Святой владыко! Беда случилася: в моего батюшку нечистый вселился; нельзя ли отчитать?»—«Веди его сюда». Ванька воротился к мужику. «Ступай,— говорит,— к преосвященному за деньгами, да как прийдешь — нагни голову пониже; он наперед молитву прочитает». Старик прошел в горницу и нагнул голову, а владыко взял книгу и давай отчитывать.

Тем временем Ванька сел на телегу и уехал подобру-поздорову, и лошадь украл, и свинью увез. Мужик стоял-стоял, согнувшись, инда тошно стало — шея заболела, а архиерей знай себе читает. Надоело старику. «Буде, владыко, пора деньги за свинью платить!»—«Ах, окаянный, и впрямь в тебе бес сидит,— говорит архиерей,— вишь про свинью поминает».—«Что ты, владыко, али деньги зажилить хочешь? Коли так, я лучше свинью назад повезу».

Бросился на двор — ни повозки, ни свиньи. Ванька уж давно все это спустил, куда надобно, и идет себе как ни в чем не бывало. Шел, шел да в лошадиное дерьмо и попал. Слегка ногою коп — выскочил поп. Ты откуда, долгогривый, взялся? Как сюда попал? Ванька еще покопал, на два дьякона напал; взял палочку да тычком — выскочил пономарь с дьячком.

ДОБРЫЙ ПОП

Жил-был поп; нанял себе работника, привел его домой: «Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставлю». Пожил работник с неделю, настал сенокос. «Ну, свет,— говорит поп,— Бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено».—«Хорошо, батюшка».

Дождались они утра; встали рано. Поп и говорит попадье: «Давай-ка нам, матка, завтракать; мы пойдем на поле, косить сено». Попадья собрала на стол, сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику: «Давай, свет, мы и пообедаем за один раз, и будем косить до самого полдня без роздыху».—«Как вам угодно, батюшка. Пожалуй, и пообедаем».—«Подавай, матка, на стол обедать!»— приказал поп жене. Она подала им и обед. Они по ложке, по другой хлебнули и сыты. Поп говорит работнику: «Давай, свет, за одним столом и пополуднуем; и будем косить до самого ужина».—«Как вам угодно, батюшка, полудновать, так полудновать». Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебнули по ложке, по другой и сыты. «Все равно, свет, — говорит поп работнику,— давай заодно и поужинаем, и заночуем в поле — завтра раньше на работу поспеем».—«Давай, батюшка!» Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола. Работник схватил свой армяк и собирается вон. «Куда ты, свет?»— спрашивает поп. «Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться». Пошел в сарай и проспал до света. С тех пор перестал поп угощать работника зараз завтраком, обедом, полдником и ужином.

ПАХОМ

Помер в селе поп, оставался один дьякон; худо ему стало без попа, доходу нет ни копейки, а жить надо; и задумал он поставить какого-нибудь мужика за попа. В одно время пошел он искать, не согласится ли кто на селе быть попом. Идет дорогою, повстречался с ним мужик.«Здравствуй, мужичок!»— «Здорово, дьячок!»—«Как тебя звать?»—«Пахом».—«Ну, ты будешь у нас попом».—«Да я грамоте не умею».—«Ничего, я тебя научу, что говорить надобно». Мужик согласился. Пришли они в село; дьячок объявил его прихожанам: «Вот-де вам поп новый поставлен». Дождались праздника, зазвонили к обедне. Мужик оделся в поповские ризы и затянул в алтаре нараспев: «Во время оно шел дьячок, навстречу ему мужичок».—«Здравствуй, мужичок!»— «Здравствуй, дьячок!»—«Как тебя звать?»—«Меня зовут Пахом!»—«Ну, будь у нас ты попом!» А дьячок знай подхватывает: «Господи, помилуй!» Православные слушают да поклоны бьют.

Вот так-то и пошло дело у них на лад. Только через год, через два случилось в то село заехать архиерею; приказал он попу служить обедню и певчих своих на крылосе поставил. Пахом оделся в ризы и затянул по-прежнему: «Во время оно шел дьячок, навстречу ему мужичок».—«Здравствуй, мужичок!»— «Здравствуй, дьячок!» — «Как тебя звать?»—«Меня зовут Пахом!»—«Ну, будь ты попом!»—«Я грамоте не учен!»—«Не в грамоте дело; говори: архиерею будет четверня лошадей, а певчим пятьсот рублей». Архиерей услыхал, что ему сулят лошадей, да всю обедню и прослушал молча; а как отошла обедня, взял четверню и пятьсот рублей на певчих и уехал куда надо, а мужика Пахома похвалил за усердие: он и теперь еще служит.

ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ

Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял — повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю, подкопался под самый дуб, так что его ветром свалило. На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь да опять в лес, забрал все деньги и кобеля посадил на воз.

Воротился домой и говорит бабам: «Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески; коли не станете за ним ходить да не будете его кормить — яс вами по-своему разделаюсь». Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески. А хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет, а ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заболел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всей церемонией; взял он пять тысяч и пошел к попу: «Батюшка, у меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду».—«Ну, это хорошо, свет, только в церковь носить не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу». Мужик изготовился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками, в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище да и закопали в могилу.

Дошло у попа до дележа с причтом; он и обидел дьячков, мало им дал; вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронили кобеля по-христиански. Архиерей позвал к себе попа на суд: «Как ты смел,— говорит,— хоронить нечистого пса?»— и посадил его под арест. А мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать. «Ты зачем?»— спрашивает архиерей. Так и так, отвечает мужик: «Помер у меня кобель, отказал вашему преосвященству десять тысяч денег да попу пять». —«Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест, зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви — не отслужил по нем панихиды». Взял архиерей отказанные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

ПОХОРОНЫ КОЗЛА

Жил старик со старухой; не было у них ни одного детища, только и был что козел; тут все и животы!.. Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало — куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним из дому.

Вот однажды случилось старику идти в лес за лыком, и козел за ним побежал. Пришли в лес: старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям да траву щиплет; щипал-щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему — и увидал золото; несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги и домой. Рассказал старухе обо всем. «Ну, старик,— говорит старуха,— это нам Бог дал такой клад на старость за то, что столько лет с тобой потрудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие». —«Нет, старуха,— отвечал ей старик,— эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловьим, теперича надо нам жалеть и беречь козла пуще себя». С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами-то поправились— лучше быть нельзя! Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе — поживают, никакого горя не знают.

Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухою, что делать: «Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед Богом и людьми грешно, потому что все счастие наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу его похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят». Собрался старик, пришел к попу и кланяется: «Здравствуй, батюшка!»— «Здорово, свет! Что скажешь?» —«А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастие — козел помер. Пришел звать тебя на похороны».

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе: «Ах ты, окаянный, что выдумал, вонючего козла хоронить!»—«Да, вить, этот козел, батюшка, был совсем-таки православный; он отказал тебе двести рублей».—«Послушай, старый хрен,— сказал поп,— я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине; может, он у тебя уж давно помер».

Взял поп с мужика двести рублей и говорит: «Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтоб приготовлялся: сейчас пойдем козла хоронить». Приходит старик к дьякону и просит:

«Потрудись, отец-дьякон, приходи ко мне в дом на вынос!»—«А кто у тебя помер?»—«Да вы знавали моего козла, он-то и помер!» Как начал дьякон хлестать его с уха на ухо. «Не бей меня, отец-дьякон,— говорит старик,— ведь козел-то был, почитай, совсем православный; как умирал — тебе сто рублей отказал за погребение».—«Эка ты стар да глуп,— сказал дьякон,— что же ты давно не известил меня о его преслав-ной кончине; ступай скорей к дьячку; пущай прозвонит по козловой душе!»

Прибегает старик к дьячку и просит: «Ступай, прозвони по козловой душе». И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать. Старик кричит: «Отпусти, пожалуй! Вить козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал». —«Что же ты до этих пор копаешься, надобно было пораньше сказать мне; следовало бы давно прозвонить!» Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и стали похороны отправлять; положили козла во гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что поп-де козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом: «Как вы смели похоронить козла? Ах вы, безбожники!»—«Да, вить, этот козел,— говорит старик,— совсем был не такой, как другие козлы — он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей!»—«Эка ты, глупый старик, я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..» Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К «РУССКИМ
ЗАВЕТНЫМ СКАЗКАМ». ЖЕНЕВА, 1872.....3
Чудесная дудка.....
Генеральская жена и купеческий сын.....
Подземный ход.....
Сны.....
Купеческая жена и приказчик.....
«Нет!».....
Жена слепого.....
Две жены.....
Жена Химка.....
Фомка-дурак и его жена.....
Догадливая хозяйка.....
Поп, попадья, дьякон и работник.....
Поп у бабы и батрак.....
Поп ржет как жеребец.....
Муж да жена.....
Хитрая баба.....
Хитрая жена.....
Лиса и заяц.....
Воробей и кобыла.....
Медведь и баба.....
Волк.....
Мужик, медведь, лиса и слепень.....
Кот и лиса.....
Вошь и блоха.....
Собака и дятел.....
народные
? русские ? ?скязки ?
© ˚ ¿То о

«... Между разнообразными памятниками устной народной словесности (песнями, пословицами, поговорками) сказки занимают видное место и раскрывают перед читателем обширный и волшебный мир... ...Поверья и предания, встречаемые в них, говорят о старинном быте славянских племен; олицетворенная стихия, чары и обряды, таинственные загадки, сны и приметы — все послужило мотивами, из которых развился сказочный эпос, столь пленительный своей младенческой наивностью, теплой любовью к природе и обаятельной силой чудесного».

А. Н. Афанасьев

ISBN 978-5-275-01647-5

Литературное приложение

OM

notes

1

Показной добродетели *(франц.)*.

2

Фарсов, сото, моралите, поговорок *(франц.)*.

З

Фацетии *(франц.)*.

4

Насмешливые песни *(нем.)*.

5

Поносные сочинения *(нем.)*.

«Беседы» П. Аретино, «Капитоли» Франч. Берни, Джов. Делла Каза, Мольцы, «Риторика девок» Палла-вичини, «Мальчик Алкивиад» *(итал.)*.

«Изящные латинские разговоры» *(лат.)*.

8

«Потешки», фацетии и забавные выдумки *(франц.)*.

9

«Сборник избранных отрывков для развлечения всего света» *(франц.)*.

«Листовок» *(нем.)*.

11

Шаде: «Которые тогда летали над землей подобно целой стае» *(нем.)*.

12

«Скатологическая библиотека» (Скатополис, 5850) *(лат.)*.

13

«Странности», «Курьезы», «Эротика», «Произведения о любви», «Руководство к ухаживанию» *(франц.)*.